

Министерство образования и науки Российской Федерации  
Российский государственный профессионально-  
педагогический университет  
Уральское отделение Российской академии образования  
Академия профессионального образования

**В. П. Красильников**

**ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ  
ТРАДИЦИОННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ  
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

Екатеринбург  
2004

УДК 796.067

ББК 4511.15

К78

**Красильников В. П.** Этнопедагогические основы традиционного физического воспитания коренных народов Сибири. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2004. 166 с.

ISBN 5-8050-0162-4

В монографии впервые представлены материалы об этнопедагогических основах традиционного физического воспитания коренных народов Сибири: о самобытных средствах и методах закаливания, физической подготовки к промысловой деятельности, традиционных играх и состязаниях. Большая часть материалов записана в полевых условиях – в экспедициях по северу региона. Книга предназначена для преподавателей факультетов физической культуры, учителей физической культуры, тренеров по национальным видам спорта, для всех, кому интересны народная педагогика физического воспитания, традиционные игры и состязания.

Научный редактор доктор педагогических наук, профессор В. В. Ким

Рецензенты: доктор педагогических наук, профессор Л. А. Семенов (Российский государственный профессионально-педагогический университет); кандидат педагогических наук, доцент А. В. Гришин (Уральский государственный педагогический университет)

ISBN 5-8050-0162-4

© Российский государственный  
профессионально-педагогический  
университет, 2004

© Красильников В. П., 2004



## Введение

В условиях все ускоряющейся глобальной интеграции будущее человечества во многом зависит от сохранения его культурного многообразия.

Традиционный образ жизни, жизнь в гармонии с природой – это не только прошлое, но и будущее человечества. В многовековом опыте народов, сохранивших в экстремальных условиях XXI в. свое этнографическое пространство, ученые видят выход из экономического, экологического, психологического и нравственного кризиса стран, «продвинутых» в плане индустриального и урбанистического развития.

Коренными народами Сибири, ведущими традиционно жизнь «на природе», накоплен бесценный опыт выживания в тяжелых для существования климатических условиях.

Особо значимое место в нем занимают традиционные формы и способы физического воспитания подрастающего поколения этих народов – самобытные приемы закаливания, управление физическим развитием детей, подростков и молодежи, физическая подготовка к промысловой деятельности, народные игры, состязания.

Материалы, отражающие основы народной педагогики, самобытные средства, методы, формы, устное народное творчество, служат мощным источником развития современной теории и практики физической культуры и спорта. Но сегодня, к сожалению, программы по физической культуре образовательных учреждений в основном направлены на спортивную подготовку школьников, хотя вариативная их часть позволяет значительно обогатить содержание национальными средствами и методами физического воспитания детей, подростков и молодежи, что, несомненно, будет способствовать росту духовности, взаимопониманию между различными народами, населяющими сибирский регион. Обращение специалистов в области физической культуры и спорта, ученых, педагогов к традициям физического воспитания этих народов, критическое осмысление жизненного и педагогического опыта предшествующих поколений позволят выявить наиболее эффективные средства, методы и формы, способствующие успешному физическому развитию молодого поколения и людей старшего возраста, а также разработать теоретические концепции их воссоздания, внедрения в современную практику физического воспитания коренных народов Сибири.

На необходимость изучения народного опыта воспитания указывал известный российский педагог К. Д. Ушинский. Он писал: «Воспитание,

если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным, должно быть пронизано народностью» [227, с. 162].

В нашей стране интерес к народной педагогике физического воспитания долгое время практически отсутствовал. В настоящее время положение меняется, растет осознание необходимости разработки проблем народного физического воспитания. Этому в немалой степени способствовали работы по педагогическим традициям разных народов: азербайджанцев (А. Ш. Гашимов), армян (В. Л. Аратонян), белорусов (А. П. Орлова), грузин (А. Ф. Хинтибидзе), дагестанцев (Ш. А. Мирзоев), русских (Г. С. Виноградов), татар (Н. И. Ханбиков), узбеков (Б. А. Кадыров), украинцев (М. И. Стельмахович), чувашей (Г. Н. Волков), якутов (В. Ф. Афанасьев).

Большой вклад в дело изучения народного физического воспитания внесли труды Г. Ш. Абсалимова (ненецкая система физического воспитания), В. Бельды (нанайская система), В. Г. Богораза (чукотская), Г. М. Василевича (эвенкийская), В. П. Красильникова (хантыйская), В. Леонтьева (эскимосская), Г. А. Меновщикова (эскимосская), Х. Д-Н. Ооржака и Е. Н. О-Оогол (тувинская система), Л. В. Певговой и А. Г. Базанова (игры хантов, манси, ненцев, селькупов и т. д.), А. Н. Фроловой (системы воспитания у народов Приамурья), Г. В. Роббека и Н. К. Шамаева (игры эвенов), В. Н. Кочнева и Н. К. Шамаева (якутская система) К. Элиашевича (карагасы и др.) и т. д.

Предметом изучения являлись преимущественно традиционные игры и состязания, методика их проведения; некоторые авторы занимались только народами Севера или национальными видами спорта и пр. В последнее время наработан определенный материал по этой проблеме, но необходимо отметить, что нет обобщающих теоретико-методологических исследований, посвященных анализу этнопедагогических основ традиционного физического воспитания этих народов.

Данные обстоятельства явились побудительной причиной тщательного изучения традиций физического воспитания коренных народов Сибири.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования:

- теоретический анализ работ выдающихся отечественных и зарубежных педагогов, ученых, путешественников, содержащих сведения о традиционном физическом воспитании разных народов, преимущественно коренных народов Сибири;

- ретроспективный анализ традиций коренных народов Сибири, связанных с физическим воспитанием подрастающего поколения;
- сбор непосредственно полевого этнопедагогического материала методом интервьюирования и беседы со свидетелями и участниками народных игр и состязаний.

В процессе работы были выявлены самобытные народные средства, методы и формы традиционного физического воспитания коренных народов Сибири.

В первой главе книги «Традиционное физическое воспитание коренных народов Сибири как проблема современного образования» анализируется состояние вышеуказанной проблемы в современной литературе. Здесь представлен основной понятийный аппарат той отрасли педагогического знания, которая исследует проблемы традиционного физического воспитания коренных народов Сибири.

Во второй главе «Характеристика традиционного физического воспитания коренных народов Сибири» дается краткая этнографическая справка о коренных народах Сибири, раскрываются цели, задачи традиционного физического воспитания подрастающего поколения коренных народов Сибири, подробно описываются условия, самобытные приемы управления физическим развитием детей и подростков, а также представлены народные методы обучения двигательным действиям, развития физических качеств.

В третьей главе «Народные игры, состязания как основные средства, методы и формы традиционного физического воспитания коренных народов Сибири» широко представлены разнообразные народные игры и состязания. В ней обобщается большой теоретический материал, отражающий современные представления педагогов и других ученых о теории и истории игр различных народов, в том числе коренных народов Сибири.

Нам представляется, что данная работа внесет свой вклад в реорганизацию современного воспитательного процесса коренных народов Сибири, да и России в целом.

Мы будем благодарны за все замечания и рекомендации по указанной теме.

# **Глава 1. ТРАДИЦИОННОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

## **1.1. Проблемы народной педагогики в трудах педагогов и общественных деятелей**

Историография научных исследований проблем народной педагогики свидетельствует, что изучение народного опыта воспитания как социально-исторического феномена входит в круг научных интересов педагогов прошлого и настоящего.

Великий чешский педагог Я. А. Коменский обосновал идею «материнской школы», опираясь именно на опыт семейного воспитания [102].

Знаменитый швейцарский педагог И. Г. Песталоцци в «Книге для матерей» обобщил опыт швейцарской народной педагогики. Он был убежден, что природосообразное воспитание, начатое в семье, должно затем продолжаться в школе [160, с. 339–366].

В середине XIX в. многие ученые, педагоги и мыслители России стали проявлять интерес к проблемам народной педагогики.

Так, в 1861 г. В. И. Водовозов написал статью о книгах, изданных для народного чтения, назвав ее «Русская народная педагогика» [44].

В 1857 г. вышла в свет книга А. Духновича «Народная педагогика в пользу ученых и учителей». В этой книге нет анализа сущности народной педагогики, но тем не менее в публицистическом ключе отмечается значение народного творчества [74].

В 1890 г. Д. Булгаковский и Г. Пинчук впервые в более широком аспекте обратились непосредственно к памятникам народной педагогики – пословицам, песням, загадкам, обрядам, отмечая их воспитательное значение в народном быту [34].

Продолжая эту традицию, М. Я. Никифоровский записал бытующие среди белорусов поверья, обряды, легенды, сказания и сделал их достоянием общественности [142].

Весьма интересна попытка Е. А. Покровского в этнографическом и педагогическом плане проанализировать детские игры и их роль в физическом и нравственном развитии детей [168; 169]. Другой исследователь, А. Соболев, изучение детских игр сочетал с анализом детских песен и тем самым еще более расширил границы народной педагогики [198].

Новым шагом в изучении народной педагогики можно назвать исследование И. Сенигова. Хотя автор и не лишен субъективизма, но его исследование особенностей народного представления о человеке, его формирования и опыта воспитания представляется весьма продуктивным [188].

Народная педагогика тесно связана с этнографией и языкознанием. Проблемы народной педагогики в социально-экономическом и этнографическом аспекте затрагивались в целом ряде исследований историков, филологов, этнографов.

Великий русский педагог К. Д. Ушинский высоко оценивал воспитательный потенциал народной педагогики. «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, – писал он, – имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях...». Он глубоко верил в принцип «народ без народности – тело без души» и, опираясь на этот принцип, обосновал идею народности. Хорошо зная народные обычаи, обряды, традиции, он пришел к выводу, что «мудрость предков – зеркало для потомков», и потому ратовал за народное воспитание, ибо оно является живым образцом в процессе народного развития [227, с. 161].

В советский период одним из первых к проблемам народной педагогики обратился известный этнограф и педагог Г. С. Виноградов, давший описание сущности этого явления как составной части педагогической культуры народа и отстаивавший право на существование термина и понятия «народная педагогика». Народная педагогика «не столько система, сколько сумма знаний, умений» – так утверждал Г. С. Виноградов [43, с. 5–9]. Он характеризовал народную педагогику как совокупность навыков и приемов, применяемых народом в целях формирования личности в определенном направлении. По мнению ученого, когда речь идет о народной педагогике, то имеется в виду не педагогическая теория, а педагогическая практика. Исходя из этого Г. С. Виноградов считал, что совокупность народных взглядов и принимаемых народом средств воздействия на юное поколение в целях его обучения и воспитания следует назвать народной педагогикой [43].

Принцип народности воспитания реализуется на стадии раннего детства, в процессе овладения родной речью. Н. К. Крупская большое значение придавала развитию речи детей в семье, особенно в процессе общения матери с ребенком; она обращала внимание на то, что «материнский язык служит ему орудием выражения себя, своих мыслей, своих настроений» [118, с. 57].

А. С. Макаренко на собственном многолетнем опыте народного учителя убедился, что педагогика рождается в «живых движениях людей», в традициях и реакциях реального коллектива. Он подчеркивал, что семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека [131, с. 31].

В. А. Сухомлинский, глубоко вникая в суть народной педагогики, подчеркивал необходимость и важность изучения нравственных идей и вытекающих из них педагогических взглядов народа. Он указывал, что, несмотря на богатство и огромное практическое значение народной педагогики, она в должной мере не изучается, глубокие исследования по этим проблемам не проводятся. «О народной педагогике никто до сих пор серьезно не думал, и, по-видимому, это принесло много бед педагогике, – писал он. – Я уверен, что народная педагогика – это средоточие духовной жизни народа. В народной педагогике раскрываются особенности национального характера, лицо народа». По мнению исследователя, характер народа, лицо народа, его думы и чаяния, нравственные идеалы особенно ярко проявляются в созданных им сказках, былинах, легендах, эпосах, поговорках и пословицах [213, с. 162].

Впервые дети как объект народного воспитания рассматриваются в книге В. Ф. Афанасьева «Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока». Автор характеризует народные традиции воспитания детей в семье, функции детской среды, взаимоотношения детей и взрослых, особенности воспитания девочек; он считает главным в народной педагогике процесс овладения взрослыми и детьми определенными знаниями, необходимыми в повседневной жизни. В соответствии с этим ученый дает следующее определение народной педагогики: «...Совокупность знаний народных масс обеспечивала и обеспечивает овладение детьми и самим народом необходимыми знаниями для их повседневной жизни. Сумма этих знаний, накопленных и проверенных практикой, составляет суть народной педагогики» [16, с. 131].

На наш взгляд, автор несколько сужает понятие народной педагогики, сводя ее сущность к эмпирическим знаниям, накопленным народом. Однако мысль автора о двустороннем характере воспитательных функций народной педагогики, обращенных и к взрослым, и к детям как объектам воспитания, весьма привлекательна.

Вопросы народной педагогики были предметом исследования ряда ученых целого ряда республик СССР. Каждый из них внес свой вклад в те-

орию и практику народной педагогики. Одним из первых ученых-этнограф А. Ф. Хинтибидзе исследовал идеи воспитания в грузинском народном эпосе. Анализируя гениальное произведение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», народные сказки «Цикара», «Горлинка», «Догадливость Ираклия», «Стих об Арсене», «Амирнани», «Этери» и др., он раскрывал народные идеалы и представления об умственном, нравственном и эстетическом воспитании молодого поколения. Руководствуясь стремлением создать единую историю педагогической мысли, А. Ф. Хинтибидзе изучал также взаимоотношения народной педагогики и истории педагогики, в частности разработал структуру и методику изучения этих проблем [237].

Определенный вклад в дело изучения народной педагогики внес Я. И. Ханбиков. В статье «Некоторые вопросы изучения народной педагогики» автор на основании богатого фактического материала рассматривает проблемы нравственного, умственного, физического и эстетического воспитания в татарской народной педагогике, показывает диалектическую связь народных идеалов воспитания с педагогическими взглядами татарского просветителя Каюма Насирова [231].

Можно назвать еще ряд интересных региональных исследований важнейших проблем народной педагогики. Среди них заслуживает внимания работа А. Ш. Гашимова «Идеи умственного и нравственного воспитания в азербайджанских сказках и пословицах», в которой памятники народной педагогики рассматриваются как школа воспитания миллионов людей, отмечаются характерные особенности азербайджанской народной педагогики, анализируется народное представление о формировании личности, о нравственном, трудовом, умственном, физическом и эстетическом воспитании [51].

Концепция народной педагогики в известной мере сформулирована в книге Ш. А. Мирзоева «Народная педагогика. Словесные средства воспитания», в которой рассматриваются народные словесные методы воспитания, особо выделяется роль родного языка как важнейшего фактора воспитания [138].

Об исследованиях проблем народной педагогики республик Средней Азии и Казахстана выше уже упоминалось. Необходимо, однако, отметить вклад в изучение проблем народной педагогики К. Пирлиева, чей трехтомный труд по этнопедагогике туркменского народа является важнейшим источником изучения специфики национальных подходов к воспитанию не

только туркменского, но и других народов Средней Азии и Казахстана. Автор комплексно рассматривает факторы, влияющие на формирование человека, народные представления о трудовом, нравственном, эстетическом воспитании и, главное, указывает пути использования прогрессивных народных традиций воспитания в современных условиях в семье и учебных заведениях [163].

Проведены также интересные социологические исследования, посвященные рассмотрению проблем народной педагогики в этнокультурном плане. В структуре народной культуры, отражающей народное мировоззрение, миропонимание, народная педагогика взаимодействует с народной медициной, экологией, этикой, религиозными воззрениями и т. д.

В. Д. Семенов, исследуя педагогический процесс в контексте человекознания, отмечает актуальность проблемы народной педагогики в современной практике массового воспитания. Он говорит о том, что, видимо, в современной жизни есть смысл не употреблять понятие «народная педагогика», а придерживаться термина «массовая практика воспитания» [187].

Наиболее полно и всесторонне проблему народной педагогики исследовал Г. Н. Волков, автор монографий «Чувашская народная педагогика» и «Этнопедагогика». Научный вклад этого исследователя перерастает рамки региональной чувашской народной педагогики, его труды сыграли большую роль в формировании концепции народной педагогики вообще, в определении предмета, педагогических основ, методов и средств воспитания.

Г. Н. Волков впервые в педагогической литературе применил термин «этнопедагогика», определив ее как науку «об опыте народных масс по воспитанию подрастающего поколения, об их педагогических воззрениях, науку о педагогике быта, о педагогике семьи, рода, племени, народности и нации. Этническая педагогика исследует особенности национального характера, сложившиеся под влиянием исторических условий...» [46, с. 23].

В целом в историко-педагогических исследованиях сделана попытка определить предмет, цели и задачи народной педагогики. Г. Н. Волков считает, что народная педагогика – это «совокупность и взаимозависимость целей, задач, путей и средств воспитания и обучения, педагогических навыков и приемов, применяемых трудящимися в целях привития личности качеств, желательных народу». Далее он поясняет, что народная педагогика представляет собой «совокупность эмпирических сведений



и знаний по вопросам воспитания», что эти знания и сведения обычно распространяются устно и «включают в себя и практическую деятельность трудящихся по воспитанию подрастающего поколения» [45, с. 7]. В определении Г. Н. Волкова привлекает внимание весьма важный тезис о единстве целей и задач, приемов и средств обучения и воспитания в процессе практической воспитательной деятельности народа.

Целый раздел в работе Г. Н. Волкова «Этнопедагогика» посвящен традициям физического воспитания детей у разных народов. Автор выделяет народное физическое воспитание как важную часть этнопедагогики. Он раскрывает основные приемы, средства, методы, применяемые в процессе физического воспитания [45].

Все вышеуказанные работы только частично касаются проблемы, выбранной нами в качестве предмета исследования, но они позволили нам сделать выводы о месте и роли традиционного физического воспитания в народной педагогике у разных народов.

## **1.2. Отражение вопросов традиционного физического воспитания в научной литературе**

Некоторые сведения о народных традициях в области физического воспитания имеются в работах специалистов, не связанных по роду деятельности с физической культурой, – этнографов, историков, философов, фольклористов; тем не менее они очень важны для нашего исследования. Это работы Е. А. Алексеенко, В. А. Афанасьева, В. Я. Бутанаева, Г. Н. Грачевой, В. П. Дьяконовой, В. И. Дьяченко, Л. Р. Павлинской, Н. Рейнсона-Правдина, Г. Ф. Севильяева, Ю. А. Сема, Ю. Б. Стракача, Ч. М. Таксами, Е. Г. Федоровой, Л. В. Хомич, Ю. В. Чеснокова и др. [7; 16; 35; 36; 62; 75; 76; 153; 177; 184; 186; 212; 215; 228; 238; 244].

Исследование содержания этих работ позволило нам понять роль традиционного физического воспитания в общей системе воспитания у различных народов Сибири, т. е. типологические черты физического воспитания, и специфические особенности традиций такого воспитания у каждого из народов Сибири.

Однако для нашего исследования важны прежде всего работы, непосредственно связанные с изучением традиций физического воспитания у различных народов. Это исследования Э. Х. Галеева, Б. В. Горбунова, В. М. Гри-

горьева, С. В. Григорьева, М. А. Дибирова, З.-Б. Ф. Контаунтене, Н. И. Пономарева, И. У. Самбу, В. А. Старкова, М. Таникеева, В. И. Элашвили и др.

В кандидатской диссертации Э. Х. Галеева представлен глубокий анализ народных татарских игр, а также оценивается их влияние на современных школьников в процессе физического воспитания [49].

Б. В. Горбунов в своем диссертационном исследовании дает описание народных видов спортивной борьбы у славян, раскрывая при этом ее содержание, географию распространения, а также традиционные сроки проведения состязаний в борьбе [58].

В методическом пособии В. М. Григорьева описаны традиции применения народных игр в России [63].

С. В. Григорьев с позиции психологии изучает изменение личности в процессе игровой практики [64].

Эффективное использование народных средств в процессе физического воспитания детей Нагорного Дагестана рассматривается в исследовании М. А. Дибирова [69].

Работа З.-Б. Ф. Контаунтене посвящена влиянию народных литовских игр на всестороннее развитие детей дошкольного возраста [105].

Н. И. Пономарев в своей обширной работе показывает, что физическое воспитание осуществлялось уже на очень ранних этапах развития человечества. Автор выделяет факторы, обусловившие формирование систем физического воспитания, — объективные, субъективные и биологические. Кроме того, он дает краткое описание физического воспитания у некоторых народов Севера на основе анализа литературных источников [170].

И. У. Самбу дает системный анализ сорока традиционных тувинских игр, сравнивая их при этом в аспекте содержания и правил с играми других народов [183].

В диссертационном исследовании В. А. Старкова подробно рассматриваются традиционные игры Древней Руси. Автор дает описание правил и порядка проведения древнерусских состязаний [209].

В диссертации М. Таникеева содержатся сведения о системе традиционного физического воспитания подрастающего поколения казахов во время разложения первобытнообщинного строя. Автор указывает такие национальные виды спорта казахов, как скачки на лошадях и стрельба из лука [216].

В монографии В. И. Элашвили исследуется система физического воспитания в родовом обществе народов Грузии. В работе дан глубокий

анализ возникновения и развития национальных средств и методов физического воспитания, предложена возрастная классификация воспитания детей, подростков, молодежи и взрослых [259].

Наибольший интерес для нашего исследования, безусловно, представляют работы, непосредственно посвященные проблемам традиционного физического воспитания народов Сибири. Это труды Г. Ш. Абсаямова, А. Г. Базанова и Л. В. Певговой, В. П. Кочнева, Х. Д-Н. Ооржака, Е. М. Аг-оол и Л. С. Дормидонтовой, Г. В. Роббека и Н. К. Шамаева, К. Элиашевича и др., в которых дается подробная информация о традиционном физическом воспитании якутов, карагасов, бурят, ненцев, чукчей, эвенков, эвенов, нанайцев, нивхов, хантов.

Так, в диссертации Г. Ш. Абсаямова представлен ряд принципиальных положений, касающихся проблем происхождения физического воспитания у ненецкого народа. Автор обосновывает классификацию физических упражнений, разделив их на общенародные и национальные [2].

Е. М. Аг-оол и Л. С. Дормидонтова, а также Х. Д-Н. Ооржак в своих работах раскрывают особенности тувинской системы традиционного физического воспитания [3; 149].

А. Г. Базанов, Л. В. Певгова описывают в своем совместном труде содержание нескольких десятков детских игр, игр-упражнений различных народов Севера, а также предлагают методику их проведения в условиях северной школы [18].

В докторской диссертации В. П. Кочнева имеются богатейшие сведения о системе традиционных игр и состязаний у народов Якутии [107].

О существовании уникальных игр и состязаний у эвенов пишут в своей книге Г. В. Роббек и Н. К. Шамаев [179].

В работе К. А. Элиашевича содержатся краткие, но уникальные сведения о первоначальных приемах традиционного физического воспитания якутов, карагасов, бурят [260].

Сложность нашей задачи состоит в том, что до сих пор не было обобщающих работ по традиционному физическому воспитанию у коренных народов Сибири, а также раскрытию их этнопедагогических основ – средств, методов, форм, закономерностей управления физическим развитием, укреплением здоровья и т. п. у этих народов. Большинство вышеперечисленных авторов не дают теоретических обобщений по проблемам традиционного физического воспитания народов Сибири, поиска этнопе-

дагогических основ возникновения и развития народных средств, методов, форм в зависимости от климатических, географических и культурных условий использования народных традиций физического воспитания в настоящее время. Подобное обстоятельство делает необходимым проведение специального исследования указанного комплекса проблем.

В традиционном воспитании у коренных народов Сибири мы выделяем сферу традиционного физического воспитания как основу умственного, нравственного, эстетического, трудового воспитания.

В разработке исследуемой проблемы мы опираемся на труды в области общей педагогики и психологии, а также на теоретические и методические работы по физическому воспитанию, в частности на труды А. С. Белкина, К. Грооса, Р. И. Жуковской, В. И. Загвязинского, Д. А. Колодца, П. Ф. Лесгафта, Л. П. Матвеева, В. А. Покровского, Н. И. Пономарева, Г. Спенсера, И. Н. Решетень, Д. К. Эльконина и др. [25; 65; 79; 80; 81; 101; 125; 136; 168; 169; 170; 208; 261]. Таким образом, изучение материалов по избранной нами проблеме показывает, что состояние исследований в области этнопедагогики, сибирского фольклора, истории педагогики, теории и методики физического воспитания дает основание для углубленного изучения традиционного физического воспитания коренных народов Сибири. Эта проблема в интересующем нас аспекте не получила научной разработки, хотя коренными народами Сибири накоплен значительный материал, который может стать предметом специального исследования для дальнейшего совершенствования практики современного физического воспитания подрастающих поколений.

### **1.3. Краткая этнографическая справка о коренных народах Сибири**

Нерусское население Сибири представлено большим количеством разных народностей. Здесь образованы пять автономных республик – Тува, Саха (Якутия), Алтай, Бурятия, Хакасия и десять автономных округов и областей. Численность отдельных сибирских народностей различна. Наиболее многочисленные из них якуты (380200 человек), буряты (421000 человек), алтайцы (69400 человек), хакасы (78500 человек), тувинцы (206200 человек) [141; 147].

Большинство же нерусского населения Сибири относится к так называемым коренным малочисленным народам Севера. Некоторые из них по своей численности не превышают 1000 человек, другие насчитывают несколь-

ко тысяч. Нерусское коренное население Сибири принадлежит к различным лингвистическим группам.

Большинство нерусского населения Сибири говорит на тюркских языках. Сюда относятся сибирские татары, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, якуты и долганы. К монгольской языковой группе принадлежат буряты. Всего на тюркских языках говорят приблизительно 58%, а на монгольском – 27% нерусского населения Сибири.

Следующая по численности языковая группа представлена тунгусо-маньчжурскими языками. Их принято делить на собственно тунгусские, или северные, и маньчжурские, или южные, языки. К собственно тунгусской языковой группе в Сибири относятся эвенки, эвены, негидальцы; к маньчжурской – нанайцы, ульчи, ороки, орочи, удэгейцы. Всего на тунгусо-маньчжурских языках говорят только около 6% нерусского населения Сибири, но территориально эти языки распространены довольно широко, так как население, говорящее на них, рассредоточено от Енисея до побережья Охотского моря и Берингова пролива.

У народов Северо-Западной Сибири преобладают самодийские и угорские языки. К угорским языкам относятся языки хантов и манси (около 3,1% всего нерусского населения Сибири), а к самодийским языкам – языки ненцев, нганасанов, энцев и селькупов (всего около 26% нерусского населения Сибири). Угорская языковая группа, к которой кроме языков хантов и манси относят также язык венгров в Центральной Европе, структурно входит в финно-угорскую группу языков. Финно-угорские и самодийские языки, обнаруживающие известную близость между собой, объединяются лингвистами в уральскую группу языков. В старых классификациях алтайские и уральские языки рассматривали как одну урало-алтайскую общность. Хотя морфологически уральские и алтайские языки сходны между собой (агглютинативный строй), такое объединение спорно и не разделяется большинством современных лингвистов.

Языки ряда народов Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока не могут быть включены в указанные выше большие языковые общности, так как имеют резко отличную структуру, своеобразные фонетические черты и многие другие особенности. Таковы языки чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, нивхов. Если первые три обнаруживают между собой значительную близость, то юкагирский и, особенно, нивхский языки ничего общего с ними и между собой не имеют.

Чукотский, корякский, ительменский, нивхский и юкагирский языки известны как палеоазиатская группа. Данный термин, который был введен в литературу впервые академиком Л. Шренком, четко отражает древность этих языков, их «пережиточный» для территории Сибири характер. Можно предполагать более широкое распространение в прошлом этих языков на данной территории. В настоящее время на палеоазиатских языках говорит около 3% нерусского населения Сибири.

Самостоятельное место среди языков Сибири занимают языки эскимосский и алеутский. Они близки друг другу, характеризуются преобладанием агглютинации и отличаются от языка территориально близких им северо-восточных палеоазиатов.

И, наконец, язык кетов, небольшого народа, живущего по среднему течению Енисея в Туруханском и Ярцевском районах Красноярского края, стоит совершенно изолированно среди языков Северной Азии, и вопрос о его месте в лингвистической классификации остается до настоящего времени нерешенным. Его отличают присутствие, наряду с агглютинацией, флексии, различение категорий одушевленных и неодушевленных предметов, различение женского и мужского рода для одушевленных предметов, чего нет во всех других языках Сибири.

На этих обособленных языках – кетском, эскимосском и алеутском – говорят 0,3% нерусского населения Сибири [217; 255].

В историко-культурном отношении огромную территорию Сибири можно было в недавнем прошлом разделить на две большие области: южную – область древнего скотоводства и земледелия и северную – область промыслового охотничье-рыболовецкого хозяйства и оленеводства. Границы этих областей не совпадали с географическими границами ландшафтных зон.

Данные археологии позволяют проследить различные исторические судьбы этих двух областей уже с глубокой древности. Южные территории Сибири были заселены человеком уже в эпоху верхнего палеолита. В дальнейшем эта на этих территориях сложилась древняя, сравнительно высокая, культура. Они входили в состав различных государственно-политических временных объединений тюрков и монголов [205].

Развитие же народов северных областей протекало по-иному. Суровые климатические условия, труднопроходимые пространства тайги и тундры, малопригодные для развития здесь скотоводства и земледелия,

отдаленность от культурных центров южных областей – все это задерживало развитие производительных сил, способствовало разобщенности отдельных народностей Севера и консервации у них архаических форм культуры и быта. В то время как южные области Сибири населяют сравнительно крупные народы (буряты, хакасы, алтайцы, западно-сибирские татары), по языку и культуре тесно связанные с монгольскими и тюркскими народами других областей, северные области осваиваются рядом малочисленных народов, язык и культура которых формируется в значительной степени обособленно.

У коренного населения Южной Сибири ко времени прихода сюда русских господствовало кочевое скотоводческое хозяйство. У многих этнических групп было развито и земледелие очень древнего происхождения, но велось оно в тот период в очень небольших масштабах и имело значение лишь вспомогательной отрасли хозяйства. Только в дальнейшем, главным образом в течение XIX в., кочевое скотоводческое хозяйство у народов Южной Сибири под влиянием более высокой русской культуры стало сменяться оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством. Однако в ряде районов (у бурят Агинского ведомства, теленгитов Горного Алтая и др.) кочевое скотоводческое хозяйство доминировало вплоть до периода социалистической реконструкции.

Скотоводами были ко времени прихода русских в Сибирь и якуты, живущие на севере региона. Хозяйство якутов, несмотря на их относительно северное расселение, представляло собой перенесенный в реликтовую лесостепь Амгинско-Ленского района хозяйственный тип степного юга Сибири.

Население Северной Сибири, Амура и Сахалина, а также и некоторых районов Южной Сибири (тофалары, тувинцы-тоджинцы, шорцы, отдельные группы алтайцев) вплоть до Октябрьской социалистической революции находились на более низком уровне развития. Культура населения Северной Сибири развивалась на основе охотничье-рыболовецкого и оленеводческого хозяйства.

Охота (на морских побережьях – зверобойный промысел), рыболовство и оленеводство – эта «северная триада» определяла до недавнего времени весь хозяйственный облик так называемых малочисленных народов Севера на огромных пространствах тайги и тундры.

По преобладающему виду занятий у коренных народов Сибири в прошлом можно выделить следующие группы: 1) пешие (т. е. не имев-

шие ни транспортных оленей, ни упряжных собак) охотники-рыболовы тайги и лесотундры; 2) оседлые рыболовы в бассейнах больших рек и озер; 3) оседлые охотники за морским зверем на побережьях арктических морей; 4) кочевые таежные оленеводы-охотники и рыболовы; 5) кочевые оленеводы тундры и лесотундры; 6) скотоводы степей и лесостепей.

Тип хозяйства, характерный для пеших охотников-рыболовов, даже по самым старым этнографическим материалам прослеживается в различных частях обширной лесной и лесотундровой зоны лишь в виде реликтов и всегда с заметным влиянием более развитых типов. Наиболее полно черты данного типа хозяйства были представлены у так называемых пеших эвенков в различных районах Сибири, у орочей, удэгейцев, отдельных групп юкагиров, кетов и селькупов, частично у хантов и манси, а также у шорцев. В хозяйстве этих таежных охотников и рыболовов очень большое значение имела охота на мясного зверя (лося, оленя), сочетавшаяся с рыболовством в таежных реках и озерах, которое в летние и осенние месяцы выдвигалось на первый план, а зимой существовало в виде подледного лова. Этот тип является менее специализированным в определенной отрасли хозяйства по сравнению с другими хозяйственными типами Севера. Характерным элементом культуры этих безоленных охотников-рыболовов были ручная нарта – легкие нарты тащили сами люди, идя на лыжах, и подпрягая иногда в помощь себе охотничью собаку.

Оседлые рыболовы жили в бассейнах рек Амура и Оби. Рыболовство являлось основным источником существования в течение всего года; охота имела здесь лишь вспомогательное значение. Ездили на собаках, которых кормили рыбой. С развитием рыболовства было связано формирование оседлого образа жизни. Этот хозяйственный тип был характерен для нивхов, нанайцев, ульчей, ительменов, хантов, части селькупов, приобских манси.

У арктических охотников (оседлых чукчей, эскимосов, отчасти оседлых коряков) хозяйство было основано на добыче морского зверя – моржа, тюленя и т. д. У них также было распространено упряжное собаководство. Охота на морского зверя требовала оседлого образа жизни, но, в отличие от рыболовов, арктические охотники селились не на берегах рек, а на побережьях северных морей.

Наиболее широко распространенный тип хозяйства в таежной полосе Сибири представлен у таежных оленеводов-охотников и рыболовов. В от-



личие от оседлых рыболовов и арктических охотников они вели кочевой образ жизни, что накладывало отпечаток на весь их бытовой уклад. Олени использовались главным образом для транспорта (под седло и под вьюк). Стада оленей были невелики. Этот хозяйственный тип был распространен среди эвенков, эвенов, долган, тофаларов, главным образом в лесах и лесотундрах Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря, но частью и к западу от Енисея (лесные ненцы, северные селькупы, оленные кеты).

Кочевые оленеводы в зоне тундры и лесотундры выработали особый тип хозяйства, в котором оленеводство служило основным источником существования. Охота и рыболовство, а также морской зверобойный промысел имели у них лишь вспомогательное значение, а иногда и совсем отсутствовали. Олени служили транспортным животным, а мясо их являлось основным продуктом питания. Оленеводы тундры вели кочевой образ жизни, передвигаясь на оленях, запрягаемых в нарты. Типичными тундровыми оленеводами являлись ненцы, оленные чукчи и коряки [200–204].

Основой хозяйства скотоводов степей и лесостепей являлось разведение крупного рогатого скота и лошадей (у якутов) либо крупнорогатого скота, лошадей и овец (у алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят, сибирских татар). Земледелие издавна существовало у всех этих народов, за исключением якутов, в качестве подсобной отрасли (у якутов земледелие появилось только под влиянием русских). Все эти народы занимались частично охотой и рыболовством. Образ жизни в более отдаленном прошлом был у них кочевой и полукочевой, но уже в начале XX в. под влиянием русских часть их (сибирские татары, западные буряты и др.) перешла к оседлости.

Наряду с указанными основными типами у ряда коренных народов Сибири сложились переходные типы хозяйствования. Так, шорцы и северные алтайцы представляли охотников с зачатками оседлого скотоводства; юкагиры, нганасаны, энцы в прошлом совмещали оленеводство с охотой как главным занятием. Смешанный характер носило хозяйство значительной части манси и хантов.

К началу XX в. у наиболее развитых народностей Южной Сибири – южных алтайцев, хакасов, бурят, сибирских татар и якутов – зародились, наряду с прочими, капиталистические отношения, тогда как у других, особенно у малочисленных народов Севера, сохранялись патриархальные отношения и свойственные им примитивные формы эксплуатации. У алтайцев, бурят, якутов уже существовали феодальные отношения, причуд-

ливо переплетававшиеся, с одной стороны, с патриархально-родовыми, с другой – с капиталистическими элементами.

Почти все народы Сибири, за исключением восточных бурят, у которых был распространен ламаизм, чукчей, части коряков, нганасанов и восточных ненцев, остававшихся вне сферы влияния православной церкви, формально числились православными. Но все они до недавнего времени сохраняли свои древние религиозные представления и культы.

Дохристианские религии народов Сибири обычно в целом определяются понятием «шаманизм». В Сибири шаманизм имел очень широкое распространение, существовал в особенно ярких формах и был связан с определенными внешними атрибутами (шаманские бубны и костюмы). Шаманизм в Сибири представлял собой далеко не однородный комплекс верований и культов. Можно выделить несколько его типов, отражающих различные стадии развития – от более древних семейно-родовых форм до развитого профессионального шаманства.

У коренных народов Сибири были распространены различные анимистические представления, существовал культ, связанный с духами – «хозяевами» отдельных явлений природы, бытовали различные формы родового культа. Не у всех народов культовые обряды входили в сферу «компетенции» шамана.

Вопреки высказывавшемуся в литературе мнению об отсутствии в Сибири следов тотемизма пережитки его обнаруживаются едва ли не у всех сибирских народов. К тотемизму восходит и культ медведя, имевший в Сибири почти повсеместное распространение.

Культ медведя существовал в двух формах: во-первых, в виде обрядов, связанных с убитым на охоте медведем, во-вторых, в виде особого культа воспитываемых в неволе, и потом в определенное время ритуально убиваемых медведей. Вторая форма была ограничена определенной областью – Сахалином и Амуром (айны, нивхи, ульчи, орочи). Изучение обычаев содержания в неволе почитаемого животного с последующим его ритуальным убийством уводит нас далеко на юг; здесь же прослеживаются корни и некоторых других элементов культуры айнов.

Общесибирский обычай почитания медведя восходит, по-видимому, к тотемизму древних таяжных охотников и рыболовов Сибири, к тому хозяйственно-культурному комплексу, который сформировался еще в период неолита.

Духовная культура народов Сибири не ограничивалась, разумеется, только образами и понятиями религиозного сознания, хотя низкий уровень развития производительных сил обусловил отсталость духовной культуры. Различные виды народных практических знаний и народного творчества убедительно говорят об этом.

Почти каждая этническая группа имеет в своем арсенале самобытные фольклорные произведения, специфика которых находит свое объяснение в особенностях истории, в различном происхождении этих народов.

Богато и разнообразно изобразительно-прикладное искусство коренных народов Сибири. Здесь необходимо отметить украшения шитьем и аппликации на одежде, в частности вышивки подшейным оленьим волосом (один из архаичных способов орнаментации), аппликации из кусочков кожи, шкуры и тканей, вышивку шелком и шитье бисером.

Коренные народы Сибири достигли высокого мастерства в создании орнаментальных мотивов, подборе цветов, инкрустации и резьбе по металлу и кости.

Особую область прикладного изобразительного искусства представляют резьба по мамонтовой кости, моржовому клыку и металлу, инкрустация металлом на бытовых предметах – костяных деталях оленьей упряжи, трубках, огнивах и т. п. Изобразительное прикладное искусство находит применение и в украшении орнаментом берестяной посуды, распространенной главным образом в лесных районах (преимущественно в бассейне Оби). Следует отметить также резьбу по дереву – украшение резьбой деревянной посуды и утвари, получившее наибольшее развитие в Приамурье.

Эти малочисленные народы, обладая многовековым опытом жизни в суровых условиях Севера, являются непревзойденными охотниками и оленеводами, знатоками местных природных ресурсов. Никто, кроме них, не сможет так хорошо и рационально использовать природные условия огромных таежных и тундровых пространств путем развития охоты и оленеводства [140].

Итак, исторические, географические, культурные особенности жизнедеятельности коренных народов Сибири способствовали созданию самобытной системы физического воспитания детей, подростков, молодежи и взрослого населения, которая позволяет им выживать в экстремальных условиях жизни на Севере.

## **Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИОННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

### **2.1. Цели, задачи, средства, формы и методы физического воспитания**

Коренные народы Сибири не знали постоянных военных формирований. У них господствовал принцип всеобщего вооружения, когда каждый взрослый мужчина являлся воином.

В связи с этим целью традиционного физического воспитания данных народов было формирование «совершенного человека», который мог бы умело пользоваться оружием, обладал прекрасной физической подготовкой и высокими нравственными качествами. Воспитание этих качеств в сильной степени облегчалось условиями труда и быта, поскольку для охоты и войны в большинстве случаев использовалось одно и то же оружие. Промысловая охота, собирательство совершенствовали технические приемы ведения войны. Стать хорошим охотником было не менее важно, чем воином. Выносливость, ловкость, сила, меткость охотника помогали ему сформироваться в смелого и сильного воина.

Идеалы воина и первого охотника, богатыря и удачливого охотника, воина и выносливого пастуха у оленеводов почти не различимы. Даже такая военная доблесть, как выносливость, являлась необходимым качеством пастуха. В. Г. Богораз пишет, что в тренировку юноши кроме различных физических упражнений входило «приобретение твердости в перенесении голода и бессонницы. Последние два свойства считаются вообще необходимыми для каждого удалого пастуха и охотника» [31, с. 27]. В. В. Антропова, опираясь на его исследования, указывает, что состязание в стрельбе из лука и ружья составляет одно из обычных развлечений для всех племен северо-востока Азии, так как все они занимаются охотой [13, с. 239].

Относительно юкагиров В. И. Иохельсон сообщает: «Охотник ... по крайней мере среди юкагиров рек Коркодона и Ясачной, продолжает оставаться значительной персоной, как и раньше» [270, с. 124].

Следовательно, разграничивать обучение и совершенствование производственных знаний, умений и навыков и военное обучение затруднительно.

Наиболее богатым источником для изучения целей, задач, средств, самобытных приемов традиционного физического воспитания служит сибирский фольклор. Особенно много материала содержат героические предания, былины. Юкагирские предания свидетельствуют, что юкагиры-парни постоянно играли, т. е. упражнялись. Юноши проходили суровую школу, что обозначалось специальным термином «*кичал*» – «наука», «учение». Кроме обычных упражнений – стрельбы из лука, метания копья – каждый юноша проделывал целый ряд специальных упражнений, посредством которых вырабатывалась ловкость. Для этого испытуемого ставили на открытое место и стреляли в него с четырех сторон тупыми стрелами или копьями, от которых он должен был увертываться. Искусство быть ловким достигалось также и другими способами. Например, юноша вставал на четвереньки со скрещенными ногами и руками, и два человека раскачивали на веревке тяжелое бревно. Он же должен был, подпрыгивая, пропускать это бревно под себя, при этом не размыкая рук и ног [89, с. 260].

Те же формы подготовки можно проследить и у чукчей. Согласно преданиям, чукотская молодежь заполняла свой досуг атлетическими упражнениями, борьбой, бегом, фехтованием на копьях, ношением тяжестей, прыганием через препятствия и т. д. Юноша обучался меткости стрельбы из лука с детства. «Ребенок, где только ни сядет, все играет в стрельбу из лука. Даже спать никогда не захочет, все время стреляет из лука» [33, с. 365].

Герой одного сказания Элэннут проделывает целый цикл упражнений, он «бегает, фехтует копьем, таскает тяжести. Два года упражнялся» [31, с. 365].



Единоборство на копьях у чукчей. Гравировка на кости<sup>1</sup>

Герой другого предания «днем спит, ночью встанет, достанет копье, фехтует ... тайно ото всех упражняет силы; каждый раз прыгает через все

<sup>1</sup> Приводится по кн. «Сибирский этнографический сборник» [13, с. 235].

шатры, взад и вперед. Действительно силач и легок. Наконец копье таньгина (врага. — В. К.) стало ему легко, как бич». Для этих занятий характерны длительность и непрерывность подготовки, которая начинается с легких упражнений и постепенно все усложняется [31, с. 367].

Чукчи особое внимание уделяли ношению тяжестей и бегу с ношей. Предания содержат красочные описания таких тренировок. В качестве примера приведем один яркий эпизод. Герой сказания Эленди тренируется: «По берегу моря бегают, старается прежнее приобрести. Вытащил корягу из песка, в другую руку — другую корягу, хочет бежать, но руки слабы, еще не оправился. Постоянно ест, постоянно ест, наконец, стал бегать по-прежнему. Камни и коряги становятся легче и легче; потом как будто их совсем не стало, так стали легки» [33, с. 361–362].

Специфические военные упражнения у чукчей состояли в отработке навыков ношения панцирей. В. В. Антропова, ссылаясь на данные К. Мерка, пишет, что нередко юноши упражнялись в ношении панцирей: надевали их на целые дни и следовали за обозом нарт, таща на себе груз [13, с. 240]. В фольклоре также отражены эпизоды тренировки в панцире.

У других народов крайнего северо-востока Сибири существовала та же система индивидуальной и коллективной подготовки. Очень красочно описана тренировка богатырей в корякском предании «Эмэмкут и богатырь». Юноша Эмэмкут, желая сразиться с вражеским богатырем, заявил Ворону (отцу) о своем желании, но тот ему ответил: «Если не будешь силы набираться, лучше и не ходи к нему. Лучше сперва начни набираться силы, а когда наберешься силы, только тогда иди к нему». Юноша последовал советам отца. Он попытался поднять камень, лежащий в тундре, но первоначально не смог даже пошевелить его. Лишь благодаря тренировке камень стал «как маленький камешек»; на концах пальцев он начал подбрасывать его. Затем он прошел еще несколько испытаний. Но этого также оказалось недостаточно; герой не смог осилить богатыря. На выручку ему пришел Ворон. Вот описание тренировки последнего на лыжах. Он освоил несколько типов лыж и, наконец, начал упражняться на железных лыжах: «Он надел свои железные лыжи, подбитые камасами, которыми он пользовался еще в юности. Ничем не смог пошевелить, даже глазами и веками. Несколько месяцев прошло, только тогда смог пошевелить веками. Потом начал ходить на них и бегать. По склону горы, поросшему лиственницей, скатывается, лиственницы приминает, как траву». Только тогда старик оправился на помощь сыну [19, с. 87–89].

В предании «Сестры» действующими лицами являются женщины, две сестры. «“Ну, младшая, – сказала старшая сестра, – кто постоит за нас, не имеющих мужских родственников? Начнем сами набираться силы”».

И сестры начали набираться силы... Любое дерево, даже самое толстое, голыми руками вырывают с корнем» [19, с. 120]. Это предание о воинской доблести, правда, единственное в этом роде, интересно тем, что в нем главными действующими лицами на военном поприще являются женщины.

Н. Н. Беретти со слов коряков пишет: «Чуткость развивалась с помощью огня. Подкравшись к ребенку, его обжигали острым раскаленным предметом ... достигали того, что ребенок от малейшего шороха или прикосновения отскакивал в сторону. Ловкость развивалась борьбой, бегом и т. п. Закончив тренировку, отец испытывал своего сына: послав его куда-нибудь, отец крался за ним с луком и в удобный момент пускал в него стрелу. Если юноша хорошо усвоил себе то, что ему прививалось с детства и был достаточно чуток и ловок, он отскакивал, и стрела пролетала мимо, если нет, он падал замертво, пораженный стрелой отца» [28, с. 6].

В фольклоре слабо отражены методы подготовки юношества. Обучение прежде всего происходило под руководством опытных руководителей, охотников и воинов. В. В. Антропова приводит цитату из работы В. И. Иохельсона, который на основании преданий юкагиров заключает: «Все юноши были специалистами в употреблении лука, и каждый из них стремился стать богатырем своей группы. Руководство в военном обучении, к которому юноши допускались, проводилось не семьей, а родом, наиболее старые воины становились инструкторами юношей» [13, с. 242]. В предании «Виютку-предводитель» эскимосы готовятся к походу. Мужчины и юноши проходят специализированную подготовку, которой руководит их вождь Виютку и его два брата [13, с. 242].

Роль старшего поколения в военной подготовке прослеживается и в других преданиях коренных народов Сибири [113].

Помимо этого в фольклорных произведениях часто встречаются эпизоды, описывающие индивидуальное обучение. Герой обучается сам, «тайно от всех упражняет силы». Впрочем, действующими лицами в таких сюжетах в большинстве случаев являются персонажи, в силу тех или иных обстоятельств попавшие в чуждое окружение, зависимое положение и т. д., например, сиротка, воспитанный иноплеменниками и тайно собирающийся

мстить за свой народ (чукотское предание о Тале), Эленди после измены своего раба и др. [33, с. 135].

Имеются основания считать, что выявление выдающихся качеств воина-охотника происходило на общественных собраниях. По материалам, собранным В. Г. Богоразом среди чукчей, «молодые люди постоянно упражнялись в стрельбе, и на каждом общественном собрании устраивались состязания, причем победитель получал приз, повешенный около цели. Предания говорят, что целью служил деревянный прут, воткнутый в землю, который нужно было расколоть стрелой пополам и который назывался *“рыпјо”*, т. е. “воткнутый”. Это название до сих пор применяется относительно приза на любое состязание, устраиваемое чукчами» [32, с. 27]. Предание «Викотку-предводитель» рассказывает, как после общих учений устраивались специальные игры: «...бегуны соревновались в беге, борцы – в борьбе, в поднятии тяжестей, а копьеносцы – в метании копий по целям» [13, с. 242].

В. В. Антропова приводит свидетельство Б. Кузнецкого, согласно которому в середине XVIII в. имели место даже инсценировки сражений: «Надев куяки и взяв луки со стрелами, делают друг против друга один только пример, натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копьа, такой же делают пример, как в сражении быть надобно» [13, с. 242].

О военных играх коряков в старину В. И. Иохельсон сообщает: «Во время состязаний на праздниках воины различных селений внимательно изучали силу и способы борьбы друг с другом, чтобы использовать добытый опыт в случае возникновения настоящей войны» [269, с. 761]. Подобные игры и состязания имели место и у юкагиров. На межродовых собраниях «время проводилось в соревнованиях и играх. Воины различных родовых групп допускались к соревнованию, в то же время некоторые из игр также носили военный характер. В них лишь воины принимали участие», – так пишет ученый о юкагирах Колымского бассейна [269, с. 127].

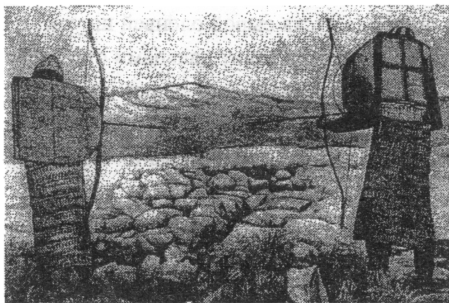
Отголосками военно-производственного обучения у этих народов являются спортивные состязания, которые до недавнего времени составляли неотъемлемую часть всех обрядовых празднеств, а в настоящее время стали веселым и любимым спортивным развлечением молодежи.

Имели ли игры и состязания прежде какую-либо связь с религиозными обрядами, достоверных свидетельств не имеется, но по аналогии с ис-



торией других народов на этот вопрос можно ответить утвердительно. Подтверждением этому может служить также характер проведения обрядовых праздников у чукчей и коряков в более поздние времена. У оленных чукчей оленье гонки являлись частью ритуала на празднике жертвоприношения огню и на празднике бега; на последнем, кроме прочего, устраивался бег на скорость; выигравший считался самым выносливым. Для сезонных обрядов приморских чукчей были наиболее характерны бег на скорость и подбрасывание на моржовой шкуре. Коряки во время зимних праздников практиковали оленье гонки, борьбу, подбрасывание на моржовой шкуре. По информации коряков, жертвоприношение во время оленьих бегов совершалось в железных панцирях [269, с. 88].

Трудно, правда, определить древность этого обряда; возможно, здесь имело место позднейшее использование панциря как реликта. Во всяком случае, факт сам по себе очень интересен. В целом все вышеизложенное позволяет предполагать, что игры и состязания имели связь с обрядовыми праздниками.



Коряки в панцирях<sup>2</sup>

С прекращением военных конфликтов система физической подготовки на северо-востоке региона не утратила своего значения, так как она не только преследовала военные цели, но и, в большой степени, являлась системой формирования производственных навыков. Все качества хорошего, удачливого охотника и выносливого пастуха, так же, как и прежде, выявлялись в состязаниях и играх. В конце XIX в. игры-состязания чукчей и коряков прекрасно описаны В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном [29; 269].

---

<sup>2</sup> Приводится по кн. «Сибирский этнографический сборник» [13, с. 213].

Всеобщее военное обучение в доклассовом обществе являлось не обязанностью, а правом каждого члена общества. Идентичность производственной и военной подготовки позволяла воспитывать сильных и смелых воинов.

Фольклор северо-восточных народностей Сибири ярко рисует образ идеального богатыря. В чукотских, корякских, юкагирских и ительменских преданиях богатырь все время тренируется, стреляет из лука, метает копье, упражняется в беге, носит огромные тяжести. Если же воин не достигает совершенства в этом или забрасывает упражнения, то он обречен на гибель. В чукотском сказании об Эленди отец предупреждает силача: нельзя быть беззаботным; когда неожиданно появляются враги, тот признает: «Отец правду говорил: не нужно быть беззаботным (т. е. не нужно было бросать лук. – В. К.)» [33, с. 370–371].

Зато благодаря постоянной тренировке воин становится непобедимым. После длительных упражнений герой достигает быстроты в беге – «как дикого оленя двухгодовалый сын». Копье для него легко, «как бич», и гнется в руках наподобие куска сырой оленьей шкуры. Из лука он попадает в былинку, во время стрельбы ловит пальцами стрелы врагов. В ловкости достигает он предельного совершенства: «через озера прыгает», «в вышине движется, как птица», «прыгает через шатры». Камень, выпущенный из его пращи, разрушает дом. В качестве иллюстрации можно привести описание одного эпизода: герой, «как только звякнула тетива, подскочил высоко вверх, у передней стены шатра опустился на ноги, побежал, подхватил стрелу, ударил стрелой по голове и убил, подбежал к другим, которые возились у саней, стал разбивать им головы» [33, с. 369].

Воин всегда настороже; сон его чуток. В юкагирских преданиях он спит не раздеваясь, в корякских – положив лук под голову.

Физический тип богатыря наиболее ярко представлен в чукотском фольклоре: «Сидит эрмэчэн (силач. – В. К.)... Сидит нагой, тело толстое, кости широкие... На спине ложбина, как сухой ручей, на груди – как речное русло. Везде мясо, целые горы» [33, с. 356]. Или: «Вот везде у него мясо-мускулы самые железные, толстые. Касается земли только икрами ... и плечами, ибо весьма толстомяс» [33, с. 370]. Сила богатыря Номваана настолько велика, что он задерживает глыбы льда во время ледохода, ложась поперек реки, а по его телу проходят обозы [31, с. 331]. Иногда такой

силач долгое время ничего не делает, только пытается оленьим мозгом и жиром. Лишь перед походом он начинает тренироваться.

Герой ительменского предания только отмахивается луком от пущенных в него стрел, высоко подпрыгивая; когда он сам начинает стрелять, то «спаривает» нападающих, т. е. пробивает одной стрелой сразу двоих [13, с. 244].

Подобными чертами наделен идеальный образ героя-воина в юкагирском фольклоре. Он обладает большой физической силой, так что один может сражаться с целым отрядом врагов, обороняться, ловя направленные в него стрелы или подскакивая так высоко, что стрелы не могут его проколоть: «По ламутским головам прыгая, (он) сражался» [13, с. 244].

Смерть героя полна благородства; близкие не плачут, а радуются такой смерти. В «Предании о борьбе юкагиров с ламутами» братья и сестра находят убитого богатыря. «Старшие братья обрадовались, сказали: “Наш младший брат настоящим, видно, человеком был, с лицевым покрывалом умер, видно. Теперь (мы) обрадовались – хорошей смертью умер!”» [13, с. 244]. Побежденный чукотский герой не ждет пощады: «Убей, убей меня, говорю! Побежденному зачем жить на свете?» [31, с. 335]. Об этом же просит и раненый воин в «Сказании об Эленди и его сыновьях» [33, с. 366]. Таким образом, побежденный воин предпочитал произнести формулу добровольной смерти, чем сдаться на милость врагу: «Теперь я стал для тебя диким оленем», – или: «Поступай со мной, как с добычей» [33, с. 108]. Презрение к смерти у коренных народов Сибири известно по ряду исторических фактов [155; 156].

У хантов, манси, ненцев существуют несколько различных фольклорных жанров. Это прежде всего сказки, песни, старинные рассказы, священные сказания, или мифы, героические и военные сказания.

Мифы рассказывались довольно редко, обычно на общественных праздниках. Так, мифы о происхождении медведя были составной частью медвежьего праздника.

Героические песни исполнялись только в состоянии особого воодушевления; они уводили человека от повседневных забот в седую древность. Поэтому они звучали лишь несколько дней в году: на празднике в честь духов-покровителей и медведя, на свадьбах и ярмарках.

Героические и военные сказания или сказки можно было услышать чаще, поскольку они не требовали от человека такого умственного и эмо-

ционального напряжения. Их рассказывали вечерами, когда все отдыхали; при этом женщины могли заниматься рукоделием.

Повествования о давно прошедших временах были лучшим отдыхом после напряженного труда для охотников и рыбаков, оторванных от дома и живущих в лесной избушке или шалапе. Начатый вечером рассказ мог длиться всю ночь и на следующие сутки.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют героические и военные песни, богатырские сказки и предания, так как в них содержатся многочисленные сведения о богатырях, об их физических качествах, об играх, упражнениях и состязаниях.

В работе С. К. Патканова «Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям» достаточно подробно описываются образ жизни и «тренировочный режим» хантыйских богатырей. Богатыри значительную часть своего времени посвящали физическим упражнениям, развивающим силу и ловкость. Их любимым занятием была охота, преимущественно на крупного зверя (лось, олень). При этом богатыри развивали силу своих ног бегом на лыжах, а силу рук – посредством натягивания тугого лука. Здесь, например, упоминаются сведения о необычно быстром передвижении на лыжах богатыря Салхана, который мог так ускорить свой бег, что лопатка, привязанная к поясу, поднималась и даже вставала вертикально вверх. Другой богатырь, согласно сказаниям, имел такую фантастическую силу, что, попадая стрелой в толстые кедры, пробивал их насквозь; перепрыгивал через ремни, натянутые на высоте в несколько метров; без труда засовывал целое весло в твердую землю [156].

В другой работе С. К. Патканова «Остяцкая былина про богатырей города Эмдера» говорится о необычайной силе одного из героев, который мог руками разломить высушенную бедренную кость коня на семь кусков. Он также обладал удивительными реакцией и ловкостью, которые позволяли ему при звуке натягиваемой тетивы лука увертываться от стрел, приседа или подпрыгивая вверх [155].

Героические песни, сказания хантов являлись фактически единственным средством передачи традиций молодому поколению, в них фиксировалась история физической культуры; они выступали своего рода школой военной подготовки хантов.

Слушая героические песни, сказания, сказки, хантыйские дети, подростки, молодежь узнавали о древних способах и приемах тренировки си-

лы, быстроты, ловкости, выносливости, о традиционных играх и состязаниях. Кроме того, знакомство с эпическим наследием стимулировало у них желание быть похожими на былинных богатырей.

Информацию о традиционном физическом воспитании молодого поколения содержат и народные сказки, предания хантов. Так, например, в сказках, собранных Т. Чучелиной, есть описание своеобразного «тренировочного режима» мальчика-богатыря Микуля: «Стал он крепнуть не по дням, а по часам. Ест да бегают, пьет да прыгает» [246]. В итоге Микуль развил силу рук до такой степени, что способен был отбрасывать пальцем огромные камни. Мальчик-богатырь победил противника и освободил свой народ из плена.

Свидетельством того, что у хантов существовала самобытная методика развития силы и ловкости у девочек, является сказка «Мойтнинг». Героиня этой сказки участвует в состязаниях в перетягивании оленьего рога, веревочки, палочки и побеждает злого хозяина благодаря не только своей силе и ловкости, но и высоким нравственным качествам [246].

О необычайной физической силе девушки-манси говорится в предании «Женщина-богатырь»: «Тогда она рассердилась, лук вырвала, натянула его так, что он пополам переломился» [246].

Весьма интересные сведения о традиционном физическом воспитании хантов имеются в сборнике «Мифы, предания, сказки хантов и манси» [139].

Например, в мифологической сказке «Мужчина Мось, рожденный из колена женщины» описываются элементы хантыйской борьбы. Из этой сказки мы узнаем о том, что в древности у хантов существовали специальные площадки для состязаний в борьбе.

В предании «Леший» имеются сведения о групповой борьбе, о ритуальном обряде в начале состязания, а также описание некоторых основных приемов. Конечной целью такой борьбы было уложить противника на лопатки.

В героическом сказании «Камень семпыр» достаточно подробно показана древняя игра в каменный мяч – семпыр. Смысл этой игры – поймать брошенный мяч на лету руками и перебросить его кому-либо из игроков другой команды.

Подобной игре в мяч посвящен сюжет героической песни «Подобно Осинуву Листу Верткий Муж», но здесь игроки метают и ловят каменный

мяч носком или пяткой ноги, выстроившись в два ряда напротив друг друга. Игра, как говорится в песне, проходила на игровой площадке, изготовленной из серебра или меди.

В «Вогульских сказках» В. Г. Чернецова содержатся сведения о раннем приучении детей манси к промыслам: «Эква-Парищ в ту пору еще маленьким был. Подрастать стал, бабка ему лук сделала, стрелы сделала. Эква-Парищ вокруг дома бегает, играет. Так играя, однажды зверя убил» [242].

В мансийском предании «Богатырь-невеличка» встречается описание некоторых элементов игры кольцом: «Тут один из играющих положил кольцо себе на ногу, бросил его внуку Богатыря-невелички. Внук Богатыря-невелички в это время размышляет: “Кольцо сюда летит, прилетит, я его рукой поймаю”» [139, с. 411–412].

В. Г. Чернецов упоминает такую разновидность игры с кольцом. Играющие стараются забросить кольцо как можно дальше [242].

Многочисленные сведения о раннем приобщении детей к промыслам, а значит и физическим упражнениям, встречаются в сказках о мальчиках-богатырях.

Например, в сказке «Старик Лампаск и его внук» есть описание того, как мальчик, играя луком и стрелами, постепенно достигает в стрельбе такого мастерства, что после первого выстрела его стрела оказывается вертелом с нанизанной на нее рыбой. За это он получает, как бы в поощрение, богатырское прозвище «Богатырь с Вертелом для Осенней Супки Рыбы» [139].

В сказке «Ими-Хиты» рассказывается о воспитании бабушкой внука Ими-Хиты. Она первая изготавливает ему лук и стрелы, она же дает советы, как по следам разыскать того или иного зверя в лесу [139].

О военной подготовке мальчиков-богатырей сообщается в предании «Месть за отца»: «Остановились около речки, каждый день тренируются, кто сильнее» [139].

В сказке «Богатырь, росший два дня» говорится о том, что герой начал ходить на первый день после рождения, а на второй день пошел на охоту. На третий день мальчик-богатырь был уже в состоянии перенести столько дров, сколько могли привезти десять лошадей [139].

Все вышеперечисленные сведения из сказок о мальчиках-богатырях красноречиво говорят о том, что ханты посредством игр и состязаний с раннего возраста стремились привить детям любовь к труду, а значит и к физической тренировке.

Многие легенды и сказки о богатырях, в которых описываются их победы в единоборствах с врагом, сила, ловкость, неустранимость, отражают реальные возможности таких людей. И в повести «В тени старого кедра» Е. В. Айпина уже как о действительном факте рассказывается о необычайной силе охотника-ханта, который голыми руками задушил медведя-шатуна [4]. А по сведениям информатора из с. Унсельгорт, его дядя прославился на весь род тем, что свободно догонял на всей скорости мчавшуюся оленью упряжку и даже мог похлопать рукой передового оленя. Последний пример – яркое подтверждение эффективности традиционного физического воспитания хантов, позволяющего оптимально развивать выносливость, необходимую оленеводу [108].

И. Г. Георги описывает пляски, борьбу и «прыгание через держимые в долъ шесты» у лопарей, подражательные (зверям) пляски и метание стрел у тунгусов [53, с. 241].

Особый интерес представляет изучение родового общества эвенков (тунгусов), проведенное А. Ф. Анисимовым [11]. Выборы и посвящение гражданского вождя рода сопровождалось у эвенков серьезными публичными испытаниями его физической подготовленности. Для этого расчищали большую ровную площадку и устанавливали по полукругу шесть помостов. В центре круга становились шаман и его помощник; кандидат в вожди должен был перепрыгивать с помоста на помост, имитируя пение различных промысловых птиц. Если он выполнял все испытания успешно, посвящение считалось законченным.

В другой работе А. Ф. Анисимов указывает: «Физическая выносливость и духовная стойкость – эти качества высоко ценились в первобытном обществе, и на них были ориентированы в известной степени все рациональные формы общественного сознания: искусство (фольклор), этика, мораль, дополняемые соответствующей системой воспитания» [10, с. 114–115]. Физические испытания сопровождали также выборы военного вождя рода, в обязанности которого входило обучение военному делу мужчин: «Летом военного вождя работа – обучать военному делу мужчин, чтобы все сородичи знали военное дело. Он мужчин обучал рубить мечами, стрелять из лука, прыгать, увертываться от стрел, хорошее управление лодкой, чтобы знали, если откуда-нибудь стрелы летят, чтобы увертываться уметь. Один род делили пополам: обучавшиеся к военному вождю шли, не обучавшиеся на расчищенном месте обучаться начинали». Военный вождь должен был

быть, прежде всего, хорошим знатоком военного дела и хорошим воином; в связи с этим подвергались испытанию его основные военные навыки: умение хорошо прыгать, хорошо увертываться от стрел противника. Поэтому-то военного вождя рода и выбирали из числа лучших воинов рода, он был, как говорит предание, «самым бойким человеком, самым храбрым воином». Обряд посвящения в военные вожди являлся военным экзаменом избранного кандидата в присутствии всех членов рода [10, с. 88–92].

А. Ф. Анисимов упоминает также об эвенкийских рисунках, в которых воспроизводится церемония посвящения в военные вожди [12].

Физические упражнения эвенков носили массовый характер; согласно преданию, днем становилось темно, если все члены рода начинали упражняться в стрельбе из лука. Военное обучение эвенков разделялось на две стадии. Первую стадию проходило все мужское население рода. Эту часть обучения проводил военный вождь рода. В обучение на второй стадии включались более сложные «военно-спортивные упражнения»<sup>3</sup>. Им обучали членов племени, которые специально готовились к военному делу.

Во время племенных сборов у эвенков происходили игры и состязания между отдельными фратриями, причем каждая из них выдвигала свою команду игроков. Массовыми упражнениями в то время были борьба, стрельба из лука, прыжки в высоту через натянутые ременные арканы. Все эти племенные игры нашли отражение в фольклоре.

Итак, устное народное творчество коренных народов Сибири давало молодому поколению ориентиры для подражания. Оно несло мощный психологический заряд, который, воздействуя на психику детей и подростков, вызывал у них естественную тягу к совершенствованию, стремление быть похожими на народных героев в смелости, силе, выносливости, ловкости.

## **2.2. Половозрастные периоды психофизического развития детей**

Возраст – конкретная, относительно ограниченная во времени ступень психического и личностного развития индивида, характеризующая совокупностью объективно существующих физиологических, психологических и социальных изменений.

---

<sup>3</sup> Термин А. Ф. Анисимова.



Впервые попытку дать возрастную периодизацию предпринял Аристотель. Он описал развитие человека от 7 лет до половой зрелости, до 21 года, причем каждому периоду соответствует особое состояние души (растительное, животное, разумное) [14].

Я. А. Коменский предложил свою периодизацию. Он выделил особенности развития на каждом из этапов. В детстве (до 6 лет) происходит развитие «внешних чувств» (органов чувств); в отрочестве (6–12 лет) развиваются «внутренние чувства» (воображение, память, т. е. психические процессы); в юности (12–18 лет) развиваются мышление и способность к суждениям; в период возмужалости (18–24 года) развивается воля [102].

Ж. Ж. Руссо также разработал свою периодизацию: до 2 лет происходит физическое развитие по принципу «естественных последствий» (приучать к голоду, холоду, жажде, усталости и пр.); период от 2 до 12 лет он характеризует как «сон разума»: развиваются лишь органы внешних чувств, поэтому, продолжая развитие физическое, необходимо ввести трудовое воспитание по принципу «дисциплины естественных последствий» («измеряйте, считайте, взвешивайте...»); в 12–15 лет развиваются психические процессы, следовательно, необходимо умственное воспитание наряду с трудовым; в период «бурь и страстей» (15–18 лет) надлежит заниматься нравственным и половым воспитанием. Ясно, что Ж. Ж. Руссо явно преувеличивает роль биологического фактора; он также пытается «приписать» каждому из этапов свой вид воспитания [181].

А. Дистервег так характеризует различные этапы возрастного развития: 6–9 лет – период преобладания ощущений (главное в организации обучения – наглядность); 9–14 лет – период развития памяти и накопления представлений («Не торопись при изучении основ» – так гласит одно из его правил); 14–17 лет – период рассудка (ведущий принцип – сознательность обучения). Таким образом, А. Дистервег дает рекомендации учителю по работе в каждом из возрастных периодов через выделение ведущих идей, правил взаимодействия с детьми [70].

К. Д. Ушинский выделил три главных периода: от 3 до 6 или 7 лет – собственно детство, или дошкольный период; от 6 или 7 лет до 14 или 15 лет – отрочество, или учебный период; от 16 до 22–23 лет – юность [227].

В современной возрастной психологии и педагогике принята следующая возрастная периодизация: младенчество (от рождения до 1 года); преддошкольное детство (1–3 года); дошкольное детство (3–6 лет); млад-

ший школьный возраст (6–10 лет); подростковый возраст (10–15 лет); юность (1-й период – 15–17 лет, 2-й период – 17–21 год) [158].

Для того чтобы раскрыть и понять особенности традиционного физического воспитания детей коренных народов Сибири, необходимо дать характеристику возрастной периодизации, принятую в воспитательной практике того или иного этноса.

Так, например, по данным Е. Г. Федоровой, дети у манси делились на несколько категорий: до наречения имени, от наречения имени до появления зубов, затем до 3–4 лет, от 3–4 лет до перехода в категорию взрослых [228].

Несколько отличную характеристику возрастных этапов у обских угров (хантов и манси) представляет Е. П. Мартынова. Она выделяет следующие возрастные категории: грудные дети до прохождения обряда «социального рождения», «колыбельные» младенцы (до 2–3 лет), младшие дети (до начала обучения трудовой деятельности), старшие дети (до времени начала регулярной трудовой деятельности) и подростки. Детство заканчивалось после прохождения специальных обрядов по достижении половой зрелости с последующим вступлением в брак [134].

Согласно исследованиям В. П. Дьяконовой, у тувинцев развитие ребенка определяется несколькими этапами: 1-й этап – осознание внешнего мира, узнавание матери; 2-й этап – (5-летний возраст), период когда дети начинают играть; это расценивалось как проявление у них «ума, труда и знаний» [75].

Интересную классификацию периодов жизни детей у нивхов представляет Ч. М. Таксами. Так, согласно его наблюдениям, детство и отрочество у нивхов продолжалось до четырнадцатилетнего возраста. Но внутри этого периода автор выделяет несколько возрастных групп: 1-я группа – ранний младенческий период, младенцы в возрасте до 3–5 месяцев (*ойдам* – нивх, еще не умеющий улыбаться); 2-я группа (*ола*) – период старшего младенческого возраста, младенцы с 5 месяцев и до первых самостоятельных шагов (по мнению нивхов, в это время у ребенка появляется осмысленный взор и осознанная улыбка); 3-я группа – период раннего детства, дети, которые начали ходить; 4-я группа – период от 4 до 5 лет, характеризуемый тем, что почти все дети в это время бросают сосать грудь, мальчики и девочки начинают играть отдельно; 5-я группа – период от 8 до 14 лет; дети вместе со взрослыми принимают активное участие в производственной и хозяйственной деятельности [215].

У нганасан, по сведениям Г. Н. Грачевой, дети делятся на три возрастные группы: 1-я группа (*нуо* – ребенок независимо от его половой принадлежности) – дети до 6–8 лет; 2-я группа (*тыбыйки* – мальчишки; *нербэ э нербы а* – девочки) – отроки, подростки 13–14 лет; 3-я группа (*нянту* – парень; *коптуа* – девица, девушка) – молодежь от 15 до 20–25 лет [62].

Т. Ю. Сем сообщает о том, что у оленкских эвенков в процессе роста детей выделяют несколько этапов: младенчество (от рождения до 3 лет), детство (с 3 до 10 лет) и подростковый период (9–15 лет). Далее начинался взрослый период [185].

Вариант, отличный от вышеперечисленных возрастных периодизаций физического развития детей, представлен в работе Д. Доржиевой. Она описывает 8 возрастных групп у бурятских детей: 1) новорожденные; 2) сосущие грудь; 3) достигшие 1 года; 4) начинающие ходить – от 1 года до 1,5 лет; 5) дети от 1,5 до 5 лет; 6) дети от 5 до 10 лет; 7) подростки от 10 до 15 лет; 8) молодежь от 15 до 18 лет [72].

Согласно Е. А. Алексеевко, для народной педагогики кетов было характерно выделение трех этапов физического развития детей: 1-й – внутриутробное состояние и новорожденный в первые дни жизни до отпадения пуповины (характеризуется отсутствием собственной жизненной субстанции); 2-й – развитие ребенка до появления зубов (жизненная субстанция *амinei*); 3-й – развитие ребенка после появления зубов (жизненная субстанция *ул вэi*) [7].

Как видно из анализа литературных источников, проведенного нами, авторы расходятся во взглядах на возрастную периодизацию детей, подростков, молодежи у коренных народов Сибири. Однако правомерно сделать некоторые выводы о том, что большинством из них выделяются два больших периода в физическом и психическом развитии коренных сибиряков: 1-й период – детство и отрочество (относится к периоду от рождения до 14 лет), 2-й период – прохождение специальных обрядов по достижении половой зрелости с последующим вступлением в брак. Столь раннее вступление подростков во взрослую жизнь связывается многими авторами с экстремальными климатическими условиями проживания и особенностями национальной культуры коренных сибиряков.

Интерес для исследователей народной педагогики коренных народов Сибири представляют и особенности наречения именем новорожденных детей.

Как отмечает Ю. В. Чесноков, у чукчей и коряков после обряда помазания ребенок получал имя. Согласно мировоззренческим представлениям оленных чукчей и коряков, в лице новорожденного возвращался кто-либо из умерших предков. Имя определяли гаданием. Специальный камень – *пылленан* (чукот.), *а нятель* (коряк.), имевшийся в каждой семье, подвешивался на ремешке к посоху, снеговывивалке из рогов оленя или треноге. Отец ребенка произносил имена умерших родственников по линии отца или матери. Движение камня во время произнесения одного из имен указывало на вновь «вернувшегося». На наречение имени ребенка могли оказывать влияние сны матери, особые приметы на теле ребенка, а также наблюдения за его поведением в первые после родов дни [244].

У тувинцев, по данным В. П. Дьяконовой, выбор имени зависел от родителей. Акт наречения у всех территориальных групп тувинцев происходил на третий день после рождения младенца. Имя ребенку могли дать отец, тот, кто принимал роды женщины, старейший уважаемый человек, лама [75].

Имя могло быть подобрано неудачно (ребенок много болел), и его заменяли другим, чаще прозвищем.

У теленгитов наречение имени было прерогативой *киндик эне*, ухаживающей за роженицей в течение первых трех дней, или старика, резавшего овцу после удачных родов [75].

Якуты же, по данным Я. И. Линденау, после рождения ребенка называли его именем первого постороннего человека, вошедшего в юрту. Этот же человек мог сам дать имя новорожденному [126]. По сведениям В. Л. Серошевского, первое имя ребенку давали на третьем месяце жизни, а второе – когда ребенок был уже в состоянии натянуть тетиву лука [191].

По данным В. Я. Бутанаева, хакасы давали имя новорожденному обычно через три месяца (в некоторых случаях младенца нарекали еще при родах). Девочке давали имя пожилые женщины, мальчику – старики. Младенца называли по имени умерших [36].

Манси, как указывает Е. Г. Федорова, считали, что в ребенка вселяется одна из четырех душ (для женщин) или пяти (для мужчин). Вместе с душой ребенок получал имя покойного [228]<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> Подробнее см. об этом в кн. «Социализация детей у хантов и манси» [133, с. 121].

По сведениям В. Н. Чернецова, манси считали, что по-настоящему душа вселяется в ребенка только через три-четыре года после рождения. Тогда ему и давали второе имя [243].

Как пишет Ч. М. Таксами, нивхи давали имя новорожденному в первые же моменты его жизни, иногда даже непосредственно в родильном шалаше. По мнению нивхов, это необходимо делать быстро, чтобы злой дух *милк* не мог дать имя раньше человека; последнее могло привести к гибели ребенка [215].

Имена новорожденным подыскивали дед с бабушкой, родители или со-родичи.

На Сахалине нивхи давали новорожденным два имени: истинное имя – *ускр ка* и шуточное имя – *лярун ка*. Употреблять истинное имя человека избегали [215].

У эвенков, по свидетельству Е. А. Крейнович, когда набиралось достаточно наблюдений за тем, что происходило вокруг во время рождения младенца, и выяснялись его личные особенности, старшие (дед, бабушка, дядя) выбирали одно из названий (имен) и из него при помощи суффикса образовывали имя. Имена обычно старались не повторять, и только у отдельных групп, да и то редко, давали ребенку имя умершего, но всеми почитаемого родственника. Таким образом, имя ребенка в большинстве случаев являлось новым словом. Например: Каеча – имя мальчика, родившегося у озера Кае; Гарпанча – имя мальчика, родившегося в момент восхода солнца (*гарпан* – луч); Либгэрик – имя девочки, во время рождения которой шел первый мокрый снег – *либгэ*. Имя могли давать исходя из черт характера новорожденного. Например: Бэркэчэ или Бэркэвул (бойкий) – имя мальчика, данное ему потому, что он сильно двигал руками и ногами; Соночо – имя мальчика-плаксы, Соночек, Соцолик – имя девочки-плаксы; Тыкулча – имя мальчика, имевшего сердитый вид, и т. д. Меняли имя в тех случаях, когда ребенок болел. Это имя после выздоровления обычно заменялось другим. Случаи смены имени были нечастыми. Наряду с эвенкийскими именами у эвенков были и русские имена, вошедшие в их жизнь с началом христианизации. Русские имена, соответственно по-эвенкийски модифицированные, вошли в эвенкийский язык и считались отличными от своих русских аналогов [116].

### 2.3. Гигиенические условия и социальные обряды, связанные с рождением, как факторы физического развития ребенка

Условия появления ребенка на свет у коренных народов Сибири имеют ряд особенностей, которые не наблюдаются в «среде обитания» европейских народов и обусловлены национальной культурой и природно-климатической средой. Эти специфические условия оказывают и в дальнейшем огромное воздействие на физическое развитие, создавая предпосылки для успешного формирования двигательных способностей детей.

Так, например, у кетов, по данным Е. А. Алексеенко, считалось, что находящийся в утробе матери ребенок и новорожденный в первые дни (по некоторым данным – конкретно: в первые 7 дней жизни), до отпадения у него пуповины, независимо от пола воспринимается как одно целое с матерью. У него еще нет собственной субстанции, т. е. того главного, что отличает индивида, и сам ребенок – пустое тело, *куту контол*. Кеты верили, что, будучи частью материнского естества, ребенок в первые дни своего существования мог оказывать неблагоприятное воздействие не только на здоровье других детей, но и на хозяйственную и культовую деятельность [7].

По данным Л. В. Хомич, для ненцев также было характерно представление о «нечистоте» женщины. В связи с этим она не могла рожать в жилом чуме. Для рождения ставили особый маленький чум (*сямай мяди-ко* – нечистый чум). Если же женщину родовые схватки заставляли в пути, то она рожала на нарте или возле нее на подстеленной шкуре. После родов муж сжигал нарты и закалывал оленей, мясо которых отдавал собакам [238]. Подобные «правила» рождения детей характерны для хантов и манси [167; 228].

Интересные сведения имеются в работе Г. Н. Грачевой, в которой автор отмечает, что у нгансан женщина могла рожать и в жилом чуме, но ее вводили в чум, приподняв покрытие чума слева от входа. А в некоторых семьях считалось, что чум должен быть еще и холодным, т. е. отапливался очень маленьким костерчиком. При этом во время родов женщине запрещалось кричать или стонать, вообще издавать горлом какие-либо звуки. На третий день происходили обряды очищения; роженица, ребенок и повитуха окуривались дымом собачьей шерсти и жира дикого оленя [62].

Ю. В. Чесноков указывает, что женщины у оленных чукчей и коряков рожали в пологе – внутреннем спальном помещении яранги, сидя на корточках или стоя, опираясь на доску для кройки шкур. Пуповину перевязывали сухожильной нитью с вплетенными в нее волосами роженицы и перерезали камнем, взятым из скребка для выделки шкур. Кончик пупка натирали золой, а после того как он отпадал, его обшивали «одеждой», и присоединяли к связке семейных охранителей – *тайныкват* (чукот.), *ка-ла кпила ку* (коряк.). В течение первой недели, как правило, проводился обряд помазания новорожденного кровью жертвенного оленя. Выполнение этого обряда связано было с представлениями о восприимчивости новорожденного к дурным влияниям [244].

Как пишет Ю. А. Сем, у нанайцев для рождения ребенка сооружался конический шалаш *чоро*, или *утан*. Строил его отец ребенка, а в его отсутствие – старшая женщина. Почувствовав приближение родов, беременная уходила в это сооружение.

Если новорожденный был мальчик, то пуповину отрезали мужским ножом для тонких работ, *гиасо*, если девочка, то женским – для кройки и вырезания орнамента.

Мать после родов обмывалась водой, приготовленной из отвара багульника.

Пуповину предварительно перевязывали конопляной ниткой или крапивными волокнами, которые не прели и не могли служить возможным источником нагноения. Пупок посыпали мелко истолченными гнилушками гальника.

Особой заботой родителей было уберечь ребенка от возможных козней злых духов. С этой целью внутри родильного шалаша и перед ним на небольших кострах сжигали ветки и листья болотного багульника. Сама роженица меняла одежды. (В народной медицине нанайцев дым от сжигания багульника приписывалось лечебное свойство.)

Послеродовой период длился 4–6 недель. Затем ребенка перекладывали в постоянную люльку [186].

У тувинцев, по сведениям В. П. Дьяконовой, роды происходили в том же жилище, где жила молодая чета. Пуповину, *хенин*, принимающая роды женщина перерезала ножницами или ножом. Ее перевязывали шерстяной ниткой и присыпали истолченным чаем.

В течение семи дней роженице не полагалось выходить из юрты, работать. Вещи ее до очищения были запретны для других (например, она не

могла передать кому-либо чашку, из которой ела, и т. д.). Через неделю в юрте производился обряд *артыжаар*. Можжевельник с добавлением пороха зажигали и дымом с потрескивающим порохом окуривали кровать, саму роженицу, место, где она рожала, другие части юрты.

Добавление пороха было не случайным: как и запах от *артыша*, он считался способным очищать, уничтожать все плохое, опасное, угрожающее матери и ребенку.

У теленгитов женщины рожали в том же жилище, где жила семья. Роды проходили возле постели супругов на специальной подстилке, *журун*, сделанной из шкуры овцы без какой-либо обработки либо из куска войлока, *киис*. С момента схваток роженица перебиралась на подстилку, становилась на корточки, опираясь руками о ящик. При родах одежда не снималась, женщина рожала в том, что носила повседневно; затем все очищалось можжевельником путем окуривания.

При родах пуповину перерезали ножницами или ножом. Пуповину перевязывали ниткой, учук, присыпку для пуповины делали из сожженных волос матери [75].

Якутки, по сведениям В. И. Дьяченко, до середины 1930-х гг. рожали в юртах. Перед самыми родами повитуха мазала роженицу маслом (лицо и волосы), а при наступлении первых потуг массировала живот и поясницу. Пуповину ребенка завязывали жилой теленка, отступив на два пальца от тела новорожденного [76].

У хакасов, как пишет В. Я. Бутанаев, при родах роженицу помещали за очагом на женской половине юрты, у почетного места, *тор*. Хакаские женщины рожали, стоя на коленях, держась за березовую жердь.

Пуповину ребенка перевязывали ниткой; немного отступив, ее перерезали на березовой палочке. Ранку пупка посыпали пеплом от сожженных волос, состриженных с затылка матери.

При рождении слабого ребенка повитуха окунала его в теплую воду, вставляла мундштук курительной трубки в задний проход и делала искусственное дыхание и массаж, пока ребенок не оживал. Сразу после родов роженицу окуривали богородской травой. До трех суток, пока не отпадет пуповина у ребенка, молодая мать не выходила на улицу, каждый день обливаясь по три раза и окуриваясь богородской травой [36].

У сосвинских манси, по данным Е. Г. Федоровой, роды происходили в специальной постройке — *мань-кол*, которая делалась из досок или



бревен. Кочевое население использовало отдельный, крытый берестяной чум. При нормальных родах женщина рожала стоя, при затянувшихся – на своеобразных качелях. После обрезания пуповины женщина окуривалась бобровой струей<sup>5</sup> с целью очищения [228].

По сведениям И. Г. Георги, после родов женщина у манси очищались в течение шести недель; в это время она даже питалась отдельно от других членов семьи [53].

## **2.4. Самобытные приемы воздействия на физическое развитие и укрепление здоровья детей и подростков**

Коренными народами Сибири накоплен богатейший опыт, целый арсенал самобытных приемов воздействия на ребенка с помощью различных средств и методов в целях его гармоничного физического развития, укрепления здоровья даже в экстремальных северных климатических условиях.

По данным Е. Г. Федоровой, у манси после рождения ребенка обмывали водой с настоем чаги и заворачивали в мягкие шкурки оленьего теленка или зайца [228].

Тувинцы, как пишет В. П. Дьяконова, новорожденного обмывали чаем, отличавшимся по способу приготовления от того, который предназначался для питья. После обмывания младенца заворачивали в выделанную шкурку ягненка или козленка [75].

В. И. Дьяченко сообщает о том, что якуты обмывали новорожденного теплой водой и заворачивали в телячью шкуру. Если роды происходили зимой, головку новорожденного покрывали заячьей шкуркой, после чего укладывали рядом с матерью. На третий или четвертый день после отпадения пуповины кожу младенца смазывали топленным маслом или сливками, держа ребенка у огня. В первое время так поступали очень часто, почти ежедневно, а через полтора-два месяца – реже, до одного раза в неделю. Ребенка натирали маслом до полутора-двухлетнего возраста [76].

У нивхов, по сведениям Ч. М. Таксами, младенца со второго дня жизни мыли теплой водой, настоянной на ветках багульника в качестве дезинфицирующего средства. Обычно для этой цели брали две ветки молодого багульника, *тыкр*, с цветочным наростом и бросали в кипящую воду. Такой водой регулярно мыли ребенка, используя вместо губки шкурки ку-

---

<sup>5</sup> Бобровая струя – особый секрет, вырабатываемый железой бобра.

ропатки и других птиц [215]. Но имеются данные Е. А. Крейнович о том, что иногда нивхские женщины мыли новорожденного своим молоком, одной рукой сцеживая его из груди, а другой рукой протирая кусочком белого мха осторожно каждую складку на его теле [116].

Хакасы, как пишет В. Я. Бутанаев, младенца купали в соленой воде и затем натирали сметаной (чтобы тело было крепким). С момента отпадения пуповины и до шести месяцев ребенка купали таким образом через день [36].

По данным Л. В. Хомич, ненцы, перед тем как уложить ребенка в колыбель, обычно обмывали его с целью очищения водой, в которую был опущен обуглившийся на костре кусок чаги [238].

Нгансаны, по сведениям Г. Н. Грачевой, иногда обтирали новорожденных снегом [62]. А. А. Попов утверждает также, что роженица, придерживающаяся старинных обрядов, в течение трех дней держала ребенка у себя за пазухой, никому не отдавая. На третий день происходил обряд очищения; роженицу, ребенка и повитуху окуривали дымом, сжигая собачью шерсть и жир дикого оленя [172].

Как утверждает Ю. В. Чесноков, чукчи и коряки обтирали новорожденного мягкой оленьей шкуркой или мхом, смоченным в моче матери, и помещали в меховой комбинезон – *калгэкэр* (чукот.), *кальныкэй* (коряк.) [244]. Но имеются и противоположные сведения, например, Н. Н. Беретти наблюдал обмывание новорожденных снегом [28].

Нанайцы, по данным Ю. А. Сема, только что родившегося ребенка обтирали шелковистыми стружками черемухи, которые обладают бактерицидными свойствами и быстро впитывают влагу напоподобие ваты. Затем новорожденного укладывали в берестяную коробку в свежую черемуховую стружку, которая к тому же хорошо согревала младенца [186].

У бурят, по данным К. Д. Басаевой, купание детей рассматривалось не как норма элементарной гигиены, а как средство укрепления кожи. Однако и в этом проявлялись различия у бурят различных регионов. Так, например, у ольхонских и верхнекудинских бурят обмывание новорожденного в течение первого месяца не допускалось. Его время от времени обтирали молочными пенками или сметаной. В дальнейшем начинали обмывать ребенка водой, но делали это нечасто. В то же время у балачанских и аларских бурят новорожденных сразу обмывали теплой водой, а затем, периодически, теплой водой с молоком [21]. Таким же образом поступали

тункинские буряты [22]. Повсеместно у бурят смазывали тело ребенка грудным молоком, что якобы придавало ему больше силы и здоровья. Купание ребенка в целом не было систематическим.

По сведениям Л. Э. Каруновской, обмывание ребенка соленой водой практиковалось и у алеутов, после чего его смазывали коровьим маслом или овечьим салом [100].

У хантов, проживающих на Северном Урале, как пишет Н. Подревский, было принято новорожденного окунать зимой в снег, а летом в воду [167].

И. И. Гапанович отмечает, что тунгусы, если погода ясная, только родившегося ребенка выносили из юрты и обмывали снегом [50].

Как пишет В. П. Дьяконова, у тувинцев после рождения ребенка укладывали в колыбель, *кавай*, сделанную из кедра, лиственницы, ели, где он лежал на спинке, спеленутый ременными вязками, прикрепленными к боковым стенкам. Под спинку ребенку стелили мягкую шерсть овцы или козий пух, поверх прикрывали меховой пеленкой.

С изготовлением колыбели у тувинцев были связаны некоторые обрядовые действия, предписания. Ее мог изготовить только почтенного возраста мужчина, не родственник семьи, что объяснялось тем, что за рубку дерева человек несет проклятие, а потому делать колыбель мог только чужой. Колыбель изготавливалась вместе с крюком для подвешивания и внутренними деталями. Ее располагали обычно возле ложа родителей или подвешивали к крюку на конце ременной веревки, спускавшейся с жерди, *уңуу*, прикрепленной к крыше юрты.

Младенец находился в колыбели круглосуточно, и доставали его оттуда в основном для гигиенических процедур: обтирания чаем, присыпки опрелостей истолченным чаем или багульником, смены подстилки из шерсти, подсыпки сухого навоза. Из-за особого отношения тувинцев к теменной части головы до трех лет ее не обрабатывали, а затем регулярно смазывали топленым маслом до отпадения коросты. Широко использовались обереги – клыки марала, когти медведя [75].

У теленгитов, по сведениям В. П. Дьяконовой, для изготовления люльки использовались несколько пород дерева: тополь – *терек*, лиственница – *тыт*, ель – *чибат*, кедр – *мош*; предпочитался тополь, ибо это дерево является более мягким в обработке и легким; люлька из тополя весила меньше, чем люльки из других пород. Она выдалбливалась из целого дере-

ва с трухлявой сердцевинной. Изготовлением люльки занимались только мужчины (женатые, имеющие много детей); наиболее оптимальный вариант – когда мастером был старый человек, *Јалан кјџи*.

На дно люльки под нижнюю часть тела младенца насыпали слой овечьего помета, *койын оток*, и стружки от дерева *тая*. Чуть выше, под спинку, на дно люльки клали шерсть от молочных коз; еще выше люлька выстилалась в несколько рядов шкурками ягнят; подмоченную мочой шерсть просушивали и употребляли долгое время. В Умунганском районе поверх шерсти помещали листья лопуха – *табук*.

В колыбели ребенок лежал голый, прикрытый шкурками ягнят, козлят. «Пеленалось» не все тельце; закрывали только грудь и живот; чтобы было теплее, с дуги и с задней части люльки надвигали поверх тела младенца войлок. В колыбель укладывали не сразу, а только после того, как заживал пуп.

В жилище люльку подвешивали, также как и у тувинцев, за ремennую веревку к крюку [75].

У якутов, как пишет В. И. Дьяченко, люльку изготавливали из березы. Она представляла собой легкий прямоугольный ящик из тонких дощечек, немного приподнятый со стороны изголовья. На дне его имелся желоб для стока мочи, который называли детским седлом. Над головной частью колыбели укрепляли согнутый из тальника обруч – *чампарык*. Дно устилали тряпками, стружками и высушенными измельченными гнилушками. На обруч в качестве оберега привешивали нос лисицы, ногу глухаря или хищной птицы, лапу медведя [76].

Ребенка укладывали в колыбели на спину, а ноги клали по сторонам желоба. Боковые дощечки люльки имели отверстия, сквозь которые пропускали ремни. На время сна ребенка закрывали меховым одеяльцем и зашнуровывали. Закутывали и завязывали его таким образом, чтобы он не мог освободить и вытащить руки.

В первое время младенец лежал почти все время в одном положении – на спине. Часто это отражалось на форме головы ребенка; в таком случае ее старались исправить. Обычно это делала мать или приглашенная старушка. Плоский и вытянутый череп исправляли путем осторожного сдавливания и растирания головы маслом. Наиболее красивой формой головы младенца считалась круглая. По мнению якутов, округлению головы младенца способствовала и надеваемая ему с первых дней маленькая шапочка, которая защищала его от холода [76].

По данным Ю. А. Сема, у нанайцев предусматривались для новорожденных два вида люлек: дневная люлька, *эмуэ*, которую изготавливала мать, и ночная, *фури*, которую делал отец. В дневной люльке ребенок мог лежать и сидеть. Люльку обжигали огнем. На верхнюю планку ее навешивали обереги: голову орла, две рыбы головы и т. д. [186].

У игансан, как пишет Г. Н. Грачева, дно детской люльки, *лапсы*, изготавливались из тонко оструганных и хорошо подогнанных друг к другу дощечек, окруженных довольно низким деревянным бортиком. Люльки использовались двух типов: плоские, без подъема со стороны головы, и с небольшим подъемом. На дужке люльки, которая крепилась к бортикам, располагались различные костяные и металлические предметы и обереги [62].

В отличие от других народов Сибири ненцы не имели разных колыбелей. По сведениям Л. В. Хомич, ненецкая колыбель, *ябц*, состояла из трех деталей: плоского донышка овальной формы, гнutoго бортика, который прикреплялся к донышку с помощью ровдужных ремешков, пропускаемых через специальные отверстия, и дужки, устанавливаемой в изголовье. К донышку колыбели прикрепляли три пары ремешков, которыми привязывали ребенка.

Колыбель для первенца обычно изготавливал отец; материалом чаще служила береза. Колыбель у ненцев подвешивалась к шестам чума с помощью ременной петли, но часто ее ставили на постель или держали на руках вместе с ребенком.

На дно колыбели, иногда подложив кусок бересты или подшейный волос оленя, насыпали мелко натертые древесные гнилушки или клали сухой мох, *нарцо*, заменяя их по необходимости. Пеленками служили мягкие олени или песцовые шкурки; время от времени их просушивали у костра. Завернутого в шкурки ребенка закрепляли в колыбели с помощью ремешков. В холодную погоду колыбель вкладывалась в специальный чехол, сшитый из оленьих шкур и покрытый тканью, — *хоба* [238].

У хакасов, по данным В. Я. Бутанаева, колыбель, по обычаю, изготавливал дядя по матери. Материалом служила береза. Остов делали из двух продольных брусков, скрепленных между собой четырьмя поперечными дощечками. С двух боков продольных брусков прикреплялись вильчатые перильца. С верхней стороны брусков была вставлена высокая дуга. На дне колыбели укреплялся лопатообразный желобок для стока мочи [36].

Нивхи, как пишет Ч. М. Таксами, делали детям ночную и дневную люльки. Ночную люльку делали из бересты или выдалбливали из дерева. Берестяная люлька изготавливалась из цельного куска бересты. Люлька из древесины имела форму долбленной лодки. В ночные люльки ребенка укладывали, завернув в заячий или собачий мех, предварительно завернув в пеленку из ткани или в меховое одеяло. Нередко в качестве матраца клали в люльку заячью шкуру или лебяжий пух [215].

Е. А. Алексеенко отмечает, что у кетов существовала временная колыбель для детей, которая изготавливалась из бересты. Делать ее могли только женщины. Колыбель в первые дни стояла возле кострища в задней (со стороны входа) части жилища.

Постоянная люлька изготавливалась после появления зубов у младенца. Ее изготавливали из кедра только мужчины [7].

У манси, как пишет Е. Г. Федорова, существовали несколько типов колыбелей. Первый тип колыбели, *няврам сан*, представлял собой неорнаментированное вместилище прямоугольной формы. В таких колыбелях дети лежали до 3–4 месяцев. Затем их перемещали в орнаментированные берестяные колыбели, которые подразделялись на дневные и ночные. В дневной колыбели ребенок находился в сидячем положении.

Подстилкой в колыбелях служили мох и порошок из гнилого дерева. Они хорошо впитывают влагу; мох обладает также дезинфицирующими свойствами. По мере необходимости мох и порошок заменяли новыми [238].

У ульчей через месяц-полтора после рождения ребенка начинали на день припеленовывать к подвесной деревянной долбленной люльке, *эмуэ* (ульчи ее называют также «*гилеми эмуэни*» – нивхская люлька), которую подвешивали на ремнях к балке дома. Ребенку пяти-шести месяцев делали дневную колыбель больших размеров. Подтягивая и отпуская ремни, колыбели придавали то горизонтальное (когда ребенок спал), то наклонное или вертикальное положение. При вертикальном положении ребенок опирался ножками на нары или скамью и постепенно сам начинал себя развлекать, отталкиваясь от поверхности и раскачиваясь. При этом о дно люльки стучали подвешенные на ремешке ножные косточки рыси, челюсти соболей, выдр, наконечники стрел самострелов, медвежьи когти (у колыбели мальчиков), связки бус, фигурные объемные матерчатые украшения *сиэп-ту* в виде бабочек или цветов, расшитые бисером (у колыбели девочек). Колыбели тунгусского типа, стенки которых делались из двух гнутых, по-

ставленных под углом дощечек, ульчи называли походной люлькой («ульча»), или «*нани эмуэни*», т. е. ульчская) и использовали ее во время поездок летом на рыбалку; здесь обычно жили в легких шалашах, а для подвешивания долбленых колыбелей нужны были прочные балки постоянного зимнего дома.

Ульчи считали, что от рождения до года душа ребенка имеет вид птицы, которую злой дух легко может утащить, поэтому данный период жизни очень опасен. Чтобы предотвратить смерть новорожденного, в доме, где до него умирали маленькие дети, выполнялись различные магические обряды, которые называются «*илучуэу*» – «чтобы стоял, чтобы жил». Эти обряды, совершавшиеся без помощи шаманов, были очень разнообразны [197].

По данным Е. А. Алексеенко, у кетов грудных детей вынимали из колыбели на более или менее продолжительное время (в зависимости от возраста), чтобы поддержать их на открытом воздухе, дать поползать, походить и т. д. Полуторагодовалых и двухлетних детей, вынув из колыбели, привязывали в чуме или снаружи около порога (в теплое время года) при помощи ремешка с петлей, которую надевали через плечо или поперек груди ребенка, чтобы не ушел далеко, не обжегся и т. д. [7; 8].

Как пишет В. П. Дьяконова, тувинцы не считали необходимым скорее научить ребенка ходить и даже сдерживали этот процесс, привязывая к шубке начавшего ходить ребенка деревянную ступку – *саагаш*. Согласно существовавшим поверьям, ребенок, начавший рано ходить, не будет жить долго. Но в то же время, по сведениям этого же автора, тувинцы обучали маленьких детей первым самостоятельным шагам с помощью игры «Стой-стой» – «*Боп-боп*», целями которой были и развлечение, и развитие терпения, и тренировка мышц ребенка [75].

У теленгитов существовал любопытный обычай в отношении детей, делавших первые шаги. Ножки такого ребенка чем-либо опутывались. Для этой цели использовали, например, тонкую кишку для домашней колбасы – *иоргум*. Затем в гости зазывался шустрый, подвижный ребенок, который перерезал своеобразные путы начавшему ходить младенцу. Смысл этого акта заключается в желании придать ногам ребенка крепость, силу, быстроту ног лошади. Сходный обычай был известен киргизам [75].

Существование обряда разрезания пут, *кiзен систерге тузамах кизерге*, у хакасов отмечает В. Я. Бутанаев. Как только ребенок делал свои

первые самостоятельные шаги, бабушка брала нож (если мальчик) или ножницы (если девочка) и перед его(ее) ногами на земле чертила крест. Затем имитировала разрезание веревочных пут, три раза бросая нож или ножницы между ног ребенка. Впрочем, обычно ребенка ходить не учили. Когда созреет, сам пойдет – так говорили старики [36].

Ю. А. Сем пишет о том, что у нанайцев ребенка, как только он начал ползать, на какое-то время отвязывали от люльки и давали возможность передвигаться по нарам или по полу. Затем вновь привязывали к люльке. Ножки ребенка регулярно массировали. Люльку помещали в стоячем положении так, чтобы он мог касаться ножками нар; затем давали ему постоять и даже сделать несколько шажков. Мать, как только видела, что ножки ребенка устали, придавала люльке горизонтальное положение, что позволяло малышу отдыхать. Для приучения ребенка к ходьбе на него надевали специальные ремешки для поддержания [186].

У эвенков, по наблюдениям Г. М. Василевич, начинающим ходить детям для страховки продевали за шеей и под мышками поводок, привязывая обими концами к жердям чума [41].

Своеобразный тренажер – устройство для обучения ходьбе детей хантов – наблюдали в XIX в. О. Финш и А. Брэм [229]. (Отметим, что К. Голодников приводит данные о том, что ханты своих детей специально не учили [55].)

Для чукчей, юкагиров, манси, ненцев, коми-зырян, хантов и других народов, проживающих в суровых климатических условиях Сибири, основной успешной жизнедеятельности была закалка – в самом широком смысле этого слова. Закаливание позволяло детям успешно расти и физически развиваться, а в более старшем возрасте – жить и работать в суровых условиях Севера. Как утверждают Н. А. Абрамов, Г. Старцев, Д. Туровский, О. Финш и А. Брэм и др., у коренных народов Сибири женщины рожали детей в отдельном чуме или шалашике, несмотря на зимнюю стужу [1; 210; 225; 229]. При этом были случаи, когда мать или новорожденный умирали, но, как отмечают О. Финш и А. Брэм, уцелевшие дети обладали хорошим здоровьем и доживали до глубокой старости. А зачастую даже таких условий для рождения ребенка у хантыйских женщин не было, так как они вели полукочевой или кочевой образ жизни. По свидетельству Г. Новицкого, А. О. Плотникова, Н. К. Хондажевского, женщины-хантыйки во время перекочевки иногда рожали зимой прямо в пути, при этом сильный мороз не был им помехой [145; 166; 239].



По сведениям ряда авторов, после рождения ребенка у манси, нгансан, чукчей, хантов и др. его обтирали снегом, а иногда катали по снежно-моу насту [77; 91; 108].

По свидетельству И. Н. Глушкова, у манси матери на ходу (во время езды на нартах) обтирали маленьких детей сосновым *вехтем* (мочалкой), выносили их на солнце, где они засыпали с непокрытой головой [54].

По данным наших исследований, сургутские ханты часто оставляют грудных детей лежащими на небольших шкурах нагими с буквально ледяными ручками и ножками [108].

Э. Гофман наблюдал у ненцев следующее: дети, которые еще не умели говорить и ходить, самостоятельно подползали к посуде с водой и зачерпывали воду ковшом. Автор объясняет столь раннее развитие детей суровым образом жизни и закаливанием их сразу после рождения [61].

Ульчи в связи с тем, что у них не было молочного скота, кормили своих детей грудью долго (до 3–4 лет). Если у матери было мало молока, ребенка уже в 3–4 месяца начинали прикармливать жиденькой кашкой, заправленной нерпичьим или рыбьим жиром. Детям постарше давали *юколу* – сушеную рыбу, а ребенка годовалого возраста кормили всем, что ели взрослые (хотя одновременно мать кормила его грудью) [197].

У эвенков, по данным Г. М. Василевич, детей после года начинали прикармливать лепешками из белой муки, сушками, давали кусочки вареного мяса, рыбы, поили чаем. Оленье молоко ели с кусочками хлеба, ягодами. Среди оленних эвенков (орочон) в качестве детского питания было широко распространено кипяченое особым способом молоко (посуду с молоком ставили в кипящую воду и доводили его до кипения, помешивая ложкой; оно постепенно густело, превращаясь в творог). Эту массу обливали сбитым молоком. Лакомством для детей любого возраста был костный мозг только что убитого зверя [41].

В то же время у оленкинских эвенков основной пищей ребенка было молоко матери. Для искусственного кормления пользовались соской, *эмнак*, из коленного желвака оленя, натянутого на палочку. В качестве дополнительной пищи годовалым детям давали оленье молоко и ягоды – голубику, бруснику [41].

Интересные сведения содержатся в работе Е. А. Алексеенко, который утверждает, что детей у кетов матери могли кормить своим молоком до 6–8 лет и более; как пишет автор, это было связано с частыми

беременностями. Новорожденному давали грудь при каждом проявлении беспокойства; в дальнейшем кормление грудью оставалось крайне нерегулярным. Уже в возрасте одного месяца ребенка начинали прикармливать вареной рыбой, растертой в воде. Рыбная пища постепенно становилась основой питания. Младенцу в возрасте 3–4 месяцев давали сосать хлеб – *нан*. Годовалым и полуторагодовалым детям уже давали практически все, что ели взрослые [7].

По данным М. Ф. Кривошапкина, с появлением зубов у ребенка его один-два раза в день кормили рыбой и оленьим мясом в сыром виде [117].

У манси пищей ребенка до 2–3 лет, иногда и больше, также было преимущественно молоко матери [228].

По сведениям В. П. Дьяконовой, у тувинцев основной пищей детей было материнское молоко; если его было мало, подкармливали коровьим (молоко от коровы с годовалым теленком не было чересчур жирным). Кормление грудью было длительным; нередко при наличии младших по возрасту старшие еще брали грудь матери. Соски-пустышки для младенцев делали из курдючного сала двухгодовалой овцы [75].

У теленгитов (южных алтайцев) кормление грудью длилось очень долго, до 5–7 лет, иногда старшие по возрасту и родившиеся позже дети сосали грудь матери одновременно. Дополнительным питанием, если у матери было мало молока, являлось молоко домашних животных. Прикармливать детей начинали рано, им давали легкие сыры (*быштак*), сливки (*каймак*), мясной бульон, разжеванное отварное мясо. Соску делали из кусочков бараньего сала из курдючной части туши [75].

У якутов строгого распорядка кормления не существовало, старались накормить сразу, как только ребенок начинал плакать. Грудью детей кормили до 2–3 лет и более (дольше кормили в тех семьях, где ребенок был единственным). Если младенец вскармливался на коровьем молоке, то молоко обычно брали у старой коровы и обязательно кипятили. В конце первой недели жизни ребенка уже начинали кормить сливками. В первое время сливок давали очень немного, постепенно увеличивая порции. На втором-третьем месяце их давали уже 2–3 раза в день. Молоко кипятили в специальном глиняном горшочке, добавляя сливочное масло. Когда ребенку исполнялось два месяца, его начинали кормить кипяченым молоком с взбитыми кислыми сливками, иногда добавляя маленькие озерные водоросли – *уньцула*. Такое молоко нельзя было греть на огне: оно могло свер-

нуться. Поэтому кормящая мать сначала согревала его во рту, а затем переливала в рожок, который делали из рога молодой коровы, просверлив в нем отверстие и выварив в кипящей воде. Соски, *эммэкэ*, для рожка делали чаще всего из ровдуги (более прочные) или из коровьего вымени, для чего в сосце выбирали рыхлый внутренний слой, оставляя только плотную наружную кожу [191].

Как пишет В. Я. Бутанаев, у хакасов детей кормили грудью долго, часто до следующих родов. Если у женщины не хватало молока, то малыша прикармливали из соска коровьего вымени, насаженного на рожок, или из высушенной и прокопченной кишки лошади. С 6 месяцев ребенка начинали приучать к мясу. Из отваренного курдюка вырезали кусок сала величиной с палец. В нижней его части поперек вдевали палочку, и получалась своеобразная соска-пустышка, называемая «*соррыс*». Когда ребенку исполнился год, ему давали жевать мясо и хлеб. С двух лет его уже сажали за стол [37].

У ненцев, как отмечает Л. В. Хомич, кормление ребенка грудью происходило нерегулярно ввиду кочевого образа жизни и длилось до 3–4-летнего возраста, иногда даже после того, как мать начинала кормить другого новорожденного: это считалось весьма полезным. В то же время грудному ребенку давали сосать кровь из кусков сырого мяса или рыбы и понемногу есть мозг с кровью из костей оленя [238].

По данным Ю. В. Чеснокова, чукотские и корякские женщины продолжали кормить ребенка грудью до 3–4 лет [244].

Нанайцы, по сведениям Ю. А. Сема, кормили детей грудным молоком обычно до года. Если молока у матери не хватало, ребенку давали сосать кусочек юколы в тряпочке. После года начинали прикармливать супом (*чоло*), жидкой кашей (*бода*), отварной рыбой (*согдата*), мясом (*уликсэ*), поили чаем и пр. [186].

Тувинцы, по данным В. П. Дьяконовой, когда ребенок подрастал и уже не лежал в колыбели, шили ему верхнюю одежду, *чучак*, из мягкой шкурки ягненка, оленя, белки и др. Чучак шился по принципу распашной одежды. Сверху он обшивался тканью. После чучака ребенку шили *тон* уже со всеми теми отличиями, которые были присущи мужской или женской одежде [75].

Первая обувь, *пупук*, для девочек и мальчиков делалась из войлока — *кидис*. Ее шили ребенку, когда он начинал ползать или ходить в юрте или

в доме. После попука детям шили *бичеодук* из выделанной кожи и из шкур мехом внутрь. Покрой детской обуви не отличался от обуви взрослых.

У теленгитов, по сведениям этого же автора, первый комплект одежды детям (шубу, шапку, обувь) готовили, когда они начинали ходить [75].

Ч. М. Таксами отмечает, что у нивхов все дети имели обувь из мягкого материала в виде чулочек, сапожек, так как ноги их всегда выступали из люлек. Головки сапожек делали из шкур маленьких нерп (без шерсти), голенища же, имевшие продольный разрез, были из ткани на холщовой подкладке. Поверх голенищ нашивалась черная и синяя кайма. В длину голенище достигало половины голени. Встречалась обувь с голенищем из мягкой кожи, большей частью опять-таки из шкур маленьких нерп, – *матьки ланп нонку ныр*.

Головным убором младенца был чепчик, сшитый из ткани. Встречались шапочки грудных детей и в виде конического колпачка с напуском на затылке. Ч. М. Таксами отмечает наличие в прошлом у нивхов рубашки для грудного ребенка, сшитой из ткани [215].

Хакасы, по сведениям В. Я. Бутанаева, младенцу никогда не делали одежду из новых материалов. Детские пеленки и рубашки изготавливались из ношеного платья, дабы предохранить их от нечистой силы. Пеленки до трех месяцев на улице не вывешивали и сушили только в юрте – считалось, что если к ним прикоснется какая-нибудь нечисть, то ребенок может заболеть. До сих пор на ночь не оставляют детские вещи развешанными на улице. Первую распашонку, *холтырбас*, надевали младенцу на второй или третий месяц. Шилась она из кусков старого платья.

Когда ребенок начинал ходить, ему надевали детские штанишки, *сантах*, с вырезанным низом. Детские башмачки, *пату*, делались из голяшек старой обуви. Шапочки, *тараях*, изготавливали из ткани, с кисточкой и раковинной, *каури*, для притягивания души [36].

Ненцы, как сообщает Л. В. Хомич, одежду детям шили примерно с 8–9-месячного возраста. Дети до 3–4 лет носили двойную меховую одежду (мехом внутрь и наружу), напоминающую по покрою мужскую малицу, с капюшоном и наглухо пришитыми рукавичками. Шили эту одежду из мягких шкурок оленя (иногда из пыжиков). К рукавам с нижней стороны часто пришивали маленькие колокольчики, назначение которых было отгонять злых духов, а к спинке одежды – колечко, чтобы привязывать маленького ребенка подальше от костра к шестам чума. Штаны для маленьких детей обычно шили вместе с обувью. Они имели внизу отверстие [238].

Как пишет Г. Н. Грачева, нгансаны, по мере того как дети начинали ходить, шили девочкам небольшие меховые комбинезоны, *минер*, без рукавов, но с закрытой грудкой, а мальчикам такие же до бедра меховые штанишки, шерстью внутрь. Штанины и обувь составляли одно целое. Отверстие, приходящееся на промежность, позволяло всегда сохранять сухой эту удобную одежду.

Зимой для пребывания за пределами чума на ребенка надевали одежду, сшитую мехом внутрь [62].

Ю. В. Чесноков отмечает, что чукчи и коряки детям готовили одежду уже в период беременности. Для шитья использовали мягкие шкурки телят. Рукава и штанины не имели отверстий. Голову закрывал капюшон. На грудь ребенка помещали заячью шкурку, после чего вырез комбинезона стягивался ремешками, пришитыми к его краям. Между штанинами оставлялось отверстие, к которому привязывался клапан, *макы*. В него подкладывался слой сухого мха, смешанного с шерстью оленя. По мере необходимости мех заменяли [244].

Как замечает Е. А. Алексеенко, с одеждой детей у кетов связаны представления, позволяющие видеть в ней не только предмет утилитарного, бытового назначения.

Первый комплект одежды детей кетов (одинаковый для девочек и мальчиков) состоял из распашной, стеганой верхней одежды, *бэсем*, подкладку которой составляли заячьи и беличьи шкурки, ровдужной обуви, *тесин*, и рубашки из хлопчатобумажной ткани, *сожат*. Бэсем надевали на детей, когда те начинали ходить. Одновременно с бэсем ребенок получал обувь из тонкой (летней) оленьей шкуры стриженным мехом внутрь. Бэсем и эту обувь дети до 5–6 лет носили зимой и летом [7].

У манси, по данным Е. Г. Федоровой, по покрою одежда детей повторяла одежду взрослых, но детскую одежду шили из более мягких шкурок и украшали более ярко. К детской одежде пришивали колокольчики, которые, с одной стороны, считались оберегом от злых духов, с другой – позволяли найти ребенка в том случае, если он в данный момент не находился в поле зрения взрослых [228].

По данным Т. Ю. Сема, оленкские звенки детям от года до 1,5 лет надевали своеобразные ползунки из ровдуги, *алаки*, с отстегивающимся клапаном между ног. За клапан, внутрь, вкладывали труху и белый мох, имеющие слабое дезинфицирующее свойство; подкладку регулярно меня-

ли. Поверх ползунков надевали ровдужные или меховые распашные рубахи, рукава которых были наглухо зашиты [185].

Буряты, по сведениям К. Д. Басаевой, в зимнее время одевали детей в короткие овчинные шубки и унты [21].

Как сообщает Е. А. Покровский, ссылаясь при этом на К. Голодникову, остяки, самоеды, вогулы в раннем возрасте никакой одежды детям своим не делали, но, когда ребенок начинал ползать или ходить, шили ему малицу из тонких оленьих шкур, *неплюев*, которые и надевали прямо на голое тело [169].

О. Финш и А. Брэм, путешествуя по Западной Сибири, отмечали, что дети хантов не имели нижнего белья и ходили только в верхней одежде [229].

Интересные сведения сообщают Адам Бранд и Избранд Идес, которые посетили обских хантов в XVII в. Они писали, что ханты изготавливают одежду и обувь из рыбьей кожи [86].

Подтверждение этого факта имеется в работе Н. Г. Спафария-Милеску [207].

А. Л. Дунин-Горкавич отмечает, что ханты через 3–4 месяца после рождения ребенка надевают на него рубаху, а через год ему уже шьются обувь, *ноговицы*, и одежда из заячьего меха [73].

## **2.5. Обучение двигательным навыкам, развитие физических качеств, необходимых для ведения промысловой деятельности**

Для народов Сибири характерна ранняя физическая подготовка к трудовой деятельности, в основном к промыслам (охоте, оленеводству, рыболовству).

Так, например, В. П. Дьяконова пишет о том, что тувинцы начинали готовить своих детей к труду, а значит и развивать их физически, с 5–6 лет. Она же утверждает, что огромное влияние на формирование личности ребенка оказывала система народных игр. Так, для 2–3-летних детей к разряду обучающих игр относились различные считалки – *саналга*. Наглядными пособиями для счета служили связки ушей, коленные косточки, *астрагалы*, косточки от лапок зайцев и другие предметы. В. П. Дьяконова отмечает, что у теленгитов детей привлекали к трудовой деятельности с 6 лет. Мальчики

этого возраста могли уже оседлать лошадь, ездить верхом, что, разумеется, требовало длительной и целенаправленной тренировки и физической подготовленности.

Для физического развития мальчиков имели важное значение традиционные спортивные игры, которые проводились в основном в летнее время и приурочивались к большим общественным и религиозным праздникам. Тувинские мальчики к определенному возрасту свободно владели верховой ездой, и самые способные из них с 10–12 лет участвовали в конных состязаниях – *аът чаарыш*. Мальчики выступали на лошадях-трехлетках, ход которых назывался «*чугурук*»; обычная дистанция таких заездов была не менее 30 км. Маленькие наездники, специально натренированные к состязаниям, не только прекрасно управляли лошадью во время скачек, но и знали необходимые приемы, возгласы, движения для подбадривания лошадей на дистанции.

Тувинская борьба «*хурээш*» – спорт взрослых, но дети уже с раннего возраста подражали правилам этой борьбы в играх между собой, и это, безусловно, способствовало физически полноценному развитию мальчиков, из которых потом вырастали настоящие борцы – *хурээша* [75].

В. И. Дьяченко говорит о том, что у якутов мальчики уже с 4–5 лет вставали на лыжи, учились попадать в цель из детского лука, пользоваться ножом.

Большое значение в физической подготовке детей этого возраста имели игрушки. Если у детей младшего возраста в числе игрушек преобладали изображения животных, то, став постарше, они часто играли с игрушечными орудиями труда, а также маленькими луками и стрелами, петлями и др. [76].

По сведениям В. Я. Бутанаева, у хакасов мальчики с 5–6 лет учились садиться на лошадь и управлять ею. Эти упражнения, несомненно, способствовали физическому развитию детей [36].

Г. Н. Грачева пишет, что у нгансан детей очень рано приучали к самостоятельным упражнениям, способствующим их физическому развитию. Как только пальцы мальчиков обретали ловкость, они пытались ножом строгать деревянные палочки, делали какие-либо нехитрые приспособления для игры, игрушки. Девочки старались выкраивать ножом из небольших шкурок кукольную одежду, орудовать иглой. Мальчики 6–7 лет уже начинали плести силки для ловли куропаток [62].

Как отмечает Ю. В. Чесноков, в 4–5-летнем возрасте дети чукчей и коряков получали от взрослых первые игрушки, которые способствовали их физическому развитию и подготовке к труду. Мальчики – игрушечные маленькие арканы, деревянные лучки со стрелами, ножи, пращи, девочки – наперстки, игольники, сухожильные нити и т. д. В обязанности девочек входила заготовка съедобных корней и листьев на зиму; для этого требовалось совершать большие переходы по тайге, а значит, были необходимы очень хорошая физическая подготовка, умение ориентироваться в лесу.

После ухода пастухов со стадом на летние пастбища взрослые, оставшиеся в стойбище, располагали несколько более свободным временем и могли заниматься с детьми. В этот период выполнялась преимущественно работа по подготовке к предстоящему зимнему сезону.

Выделялись и раскраивались шкуры, шились одежда, полога и покрывки для яранг. Изготавливались и чинились нарты, упряжь, арканы и т. д. Во всех этих видах деятельности дети являлись активными помощниками.

Помимо этого, как мы уже упоминали, девочки заготавливали съедобные корни и листья на зиму. Мальчики – сначала под присмотром стариков или старших по возрасту, а затем и самостоятельно – занимались ловлей рыбы на крючок.

Детям предоставлялась относительная свобода. Значительную часть времени они проводили в играх. Особое место в играх мальчиков занимали упражнения с миниатюрными орудиями труда, среди которых основное место отводилось аркану. Наличие в детских играх лука и стрел, отмеченное путешественниками и исследователями культуры чукчей и коряков, возможно, было обусловлено ролью охоты в хозяйстве предков этих народов, а также необходимостью ранней военной подготовки в условиях частых межплеменных столкновений.

Развитие оленеводства, вытеснение им охотничьего промысла, прекращение межплеменных войн нашло отражение в характере детских игр, в которых лук, стрелы и копья уступили место аркану. Однако необходимо отметить, что аркан, по-видимому, нельзя рассматривать только как элемент оленеводческой культуры. По словам информаторов, в прошлом им пользовались при загонной охоте на диких оленей и лосей.

Мальчики получали свои первые арканы из веревки в самом раннем возрасте. В 5–6 лет отец или дед сплетал ребенку арканчик из кожи. Иг-



ры с арканом обычно носили характер состязаний [244]. С. Н. Стебницкий, отмечая популярность этих игр, писал, что «дети чавчуменов не могут пройти мимо колышка, сколько-нибудь выдающегося над землей, мимо куста, хоть самым кончиком торчащего из-под снега, не испытав на нем меткость своей руки. Так вырабатывается та поразительная меткость, с которой корякские пастухи безошибочно вылавливают из вечно беспокойного стада именно того оленя, который необходим для поездки или на мясо» [211].

Соревновались в меткости, набрасывая аркан на движущуюся мишень, которой обычно являлись кусок дерева или рога, вращающиеся на ремне вокруг шеста. Очень часто игры с арканом носили подвижный характер. Взяв в руки рога, дети, подражая поведению оленей в стаде, стремились увернуться от аркана.

Особенности оленеводческого хозяйства чукчей и коряков, связанные с отсутствием оленегонной собаки, ежедневным передвижением за стадом пешком по летним маршрутам выпаса, требовали от пастухов исключительной выносливости и быстроты. «Быстрота – подчеркивал В. Г. Богораз, – ценится выше физической силы, ибо для пастуха самое необходимое качество – быстрота» [30].

Для приобретения этих качеств существовали особые физические упражнения. У чукчей они обозначались термином «*иллюэтык*» (упражняться, тренироваться). С раннего возраста детям старались привить любовь к бегу. Чукотские дети, по сведениям Г. Мерка, на которые ссылается В. В. Антропова, ежедневно упражнялись в беге взапуски по кругу, пока позволяли природно-климатические условия. При этом скорость бега постепенно возрастала [13].

Основами езды на нартах дети овладевали в зимнее время, скатываясь с небольших пологих сопок на специально изготовленных детских нарточках или на нартах для перевозки шестов. При перекочевках взрослые объясняли способ посадки и правила управления оленьей упряжкой. В специальных нартах, *кааран*, детей обычно перевозили до трехлетнего возраста.

В воспитании детей велико было значение фольклора, прививавшего подрастающему поколению любовь к традиционным занятиям. Фольклор обеспечивал усвоение подрастающим поколением необходимых норм, отношений в производственном коллективе, производственной этики. В каждом стойбище имелся умелый рассказчик, способный с особой яркостью передать фольклорные сюжеты.

Из фольклорных рассказов дети получали первые сведения о природных явлениях, животном и растительном мире.

В 9–10 лет подростки начинали принимать активное участие в хозяйственной жизни стойбища. Мальчики оказывали существенную помощь в выпасе стада в летний период. В роли помощников они выступали и во время гона и отела. Зимой же при наличии хороших пастбищ и при отсутствии пурги и волков ребятам могли доверить и самостоятельный выпас. Естественно, что на начало самостоятельной трудовой деятельности оказывал влияние и численный состав стойбища. В условиях нехватки трудоспособных членов стойбища мальчики и девочки гораздо раньше приобщались к труду. Помогая пастухам, мальчики имели возможность наблюдать за поведением оленей в разные периоды, учиться принципам выбора сезонных пастбищ и кормов. Они учились различать оленей по полу, возрасту и окраске – особенностям, имевшим важное значение в пастушестве.

Пользоваться арканом разрешалось только тем, кто в достаточной степени овладел этим искусством, так как одним из главных условий успешного нагула животных, предотвращения болезней являлся спокойный выпас стада. Когда олени находились в непосредственной близости от стойбища, мальчиков обучали приемам приучения оленей к упряжи. Для этого оленя, обычно двухгодовалого, выбранного для упряжи, привязывали к листовнице, кусту или кочке и в течение нескольких часов в день «мяли», дергали за веревку. Продолжалось это до тех пор, пока олень не подпускал подростка к себе.

В свободное время подростки занимались упражнениями, приближающимися по своему характеру к народным видам спорта. Особенно были популярны состязания в борьбе, бег с посохом и прыжки в длину. Отношение к подросткам было более суровым, нежели к малолетним детям. В подготовку будущих оленеводов входило приобретение ими стойкости в преодолении голода, холода, бессонницы. Потребление пищи намеренно ограничивалось, так как лишний вес препятствовал быстроте движений. Молодые пастухи, отправляясь в стадо в зимнее время, часто надевали только верхнюю кухлянку.

По свидетельству С. Н. Стебницкого, коряки считали, что «пастух не должен тепло одеваться, теплая одежда – для стариков и детей» [211]. Это отмечает и В. Г. Богораз, который пишет, что чукотские пастухи не стремились особенно тщательно защитить свои ноги от холода. Тепло поддер-

живалось преимущественно за счет движения. Конечно, здесь следует принимать во внимание и требование экономии в забое оленей, шкуры которых использовались для шитья одежды, и бережное отношение оленеводов к одежде: потоотделение, вызванное постоянным движением во время окарауливания оленей, приводило к оседанию влаги на ворсе меховой одежды, из-за чего она быстро изнашивалась. В. Г. Богораз пишет также, что в конце лета чукотские пастухи, чтобы согреться во время снежных метелей, вынуждены были забивать оленей и надевать на себя еще сырые шкуры [31].

Как утверждает Ю. А. Сем, нанайцы начинали физически готовить своих детей к различным видам труда с 3 лет. С 6–7 лет каждый ребенок уже имел свои обязанности по дому. Так, дети ходили за водой и снегом, при этом они получали с раннего возраста определенную физическую нагрузку, осваивая жизненно необходимые двигательные навыки.

С 8–9-летнего возраста мальчиков начинали приучать к мужским занятиям. Для этого их брали с собой на промысел, где они выполняли по очереди все работы охотника или рыбака-промысловика. Прежде всего, мальчики учились заготавливать дрова, варить пищу, разжигать костер, ставить палатку, сооружать промысловое жилище, т. е. выполнять всю вспомогательную работу, без которой не мог проходить сам промысел. Здесь же они учились делать ловушки, настораживать промысловые орудия: петли, капканы, самострелы, пасти, черканы и пр. С этого возраста начинали учить детей обращению с огнестрельным оружием. Пример такого обучения приводит А. Д. Самар в своей автобиографической повести «Сын бедняка». В ней автор рассказывает о том, как восьмилетний мальчик за 12 дней добыл четыре связки беличьих шкурок [182].

В 14–15 лет подростки имели свое ружье и охотились самостоятельно или на равных правах в составе промысловой артели. В этом же возрасте происходило обучение их рыболовному промыслу. Мальчиков учили вязать сети, неводы, чинить и надвязывать их, ставить на озерах и реках, обращаться с плавными сетями, ловить рыбу в ловушки, лучить ее днем и ночью, при свете берестяного или смоляного факела.

Так постепенно из мальчика формировался рыболов и охотник-промысловик.

К более позднему возрасту относится овладение секретами домашних промыслов: кузнечного и паяльного дела, декоративного искусства,

искусства чеканки и др. Получение этих навыков происходило у нанайцев в возрасте 15–16 лет.

Так же рано начинали приучать к труду и девочек. Мать и ближайшие ее родственники знакомили девочку 7–8 лет со сложным домашним хозяйством. Девочка узнавала секреты национальной кухни, особенности заготовки впрок продуктов питания, училась шитью одежды и обуви [186].

У улчей также отмечается ранняя физическая подготовка детей к промыслам. Мальчиков уже с 4–6 лет учили стрельбе из маленьких луков, в 6–7 лет они уже выезжали с родителями на рыбный промысел, где помогали по мере своих сил [197].

По данным К. Д. Басаевой, у бурят детей приучали к физическим нагрузкам с 3–4 лет. Они были обязаны приносить дрова, загонять и выгонять скот, пригонять пасущийся недалеко молодняк. Кроме этого до 4–5-летнего возраста физической подготовке и физическому развитию детей способствовали игры с мячами из шерсти, деревянные трещотки, лодки из сосновой коры и дощечек. Большой популярностью пользовались игры в бабки – *шагай*. С 6–7 лет мальчиков начинали обучать верховой езде, умению запрягать, распрягать лошадей, что требовало определенного физического развития и спортивности [21].

По нашим сведениям, сургутские ханты изготавливали 1,5–2-летним мальчикам деревянные ножи; затем в 2–3 года они получали от родителей уже металлические ножи, но пока с тупыми концами, с помощью которых они могли изготовить себе игрушки из дерева (лодки, нарты и т. д.). Ваховские ханты начинали брать с собой в лодку детей уже с 4-летнего возраста. Вначале дети смотрели, как старшие удерживают равновесие, гробут, причаливают; они также помогали ставить сети, вытаскивать их из воды. На следующем этапе обучения они уже учились управлять специально изготовленными для них маленькими лодками (длина – 2,5 м, ширина – 60 см) и грести детскими веслами.

Сургутские ханты также изготавливали своим детям небольшие весла, маленькие лодки и весла, с помощью которых дети непосредственно переходили к настоящему промыслу, требовавшему от них определенных двигательных навыков [108].

Г. М. Осокин, описывая быт бурят Западного Забайкалья, отмечает, что мальчики уже считались самостоятельными в 5–7 лет, уходя иногда далеко и надолго; это не заставляло родителей тревожиться о их безопас-

ности. Иначе говоря, к этому возрасту они уже были достаточно развиты физически и подготовлены к трудностям кочевого образа жизни [151].

Особенно раннее начало обучения и физической тренировки отмечает Т. Ю. Сем. Он пишет, что эвенки с 1 года до 3 лет уже обучали мальчиков и девочек езде верхом на олене. С 1 года до 1,5 лет детей приучали сидеть верхом на выючном седле, *дерэ*, привязывая с помощью специальных дощечек-держателей – *хатантын*. При этом к седлу с двух сторон для равновесия крепили твердые переметные сумы, *мас матанга*, ребенка обкладывали подушками и закрепляли держателями по бокам. Держатели убирали постепенно по мере взросления ребенка; в 3 года он должен уже научиться самостоятельно держаться на выючном седле и ездить на нем. Такой способ назывался «*нама*». С трех лет ребенок под присмотром родителей уже самостоятельно ездил на верховом олене – *миндэр*. Сначала ребенка привязывали к седлу и шли с ним рядом, присматривая, затем отпускали на длинный повод (5–6 м); в итоге ребенок должен был уметь самостоятельно держаться на олене и управлять им.

С 5 лет каждому мальчику давали свой нож, маленький лук и стрелы, лыжи, лыжный посох, маленькие нарты. Ходить на камусных лыжах, *тут хаагар*, учили с 3–5 лет [185].

У ненцев с наступлением весны, когда кончалась полярная ночь, дети больше времени проводили на улице. Взрослые также переносили свои занятия за пределы чума. Здесь мужчины изготавливали нарты, ремонтировали их, плели арканы, смолили лодки, чинили сети и т. д. Женщины выделывали шкуры, шили одежду, изготавливали берестяные покрыва для чума, разделывали рыбу и т. д. Все это наблюдали дети, они часто помогали отцу в каких-то несложных видах работ или сидели тут же, выстругивая палочки для игрушечных нарт или других поделок. А девочки подбирали кусочки меха для мозаичных узоров, шили маленькие сумочки для себя и своих кукол.

Событием были сборы к перекочевке, когда мальчики помогали старшим отлавливать упряжных оленей, запрягать их, а девочки – разбирать чум, выносить и укладывать на нарты в определенном порядке домашние вещи – постели, утварь, посуду, доски, служащие в чуме полом, и т. п. Проехав положенное расстояние, взрослые распрягали оленей, ставили чум, разводили костер, готовили еду, а дети оказывали посильную помощь: приносили воду (зимой – снег) для чая и супа, собирали топливо для костра.

Игры детей в значительной степени отражали хозяйственные занятия ненцев, поэтому способствовали приобретению необходимых навыков и физической закалки. Для ненецких мальчиков были характерны игры, связанные с оленеводством и охотой. Большинство из них имело свои миниатюрные арканы и луки, которые им делали отцы или старшие братья, а иногда и они сами – под руководством старших. С помощью аркана, *тынзя*, отлавливали оленей для запряжки, убоа, кастрации, поэтому каждый оленевод должен был уметь виртуозно пользоваться им.

В связи с этим детские игры с арканом весьма поощрялись. Дети набрасывали их на головки нарт, на лежащие рога оленя, на воткнутую палку, друг на друга.

Важное значение имели песни, которые исполняла мать, укачивая или успокаивая ребенка. Песни могли исполнять также тетки, бабушки, реже старшие сестры. В этих песнях выражались надежды на то, что ребенок, когда он вырастет, будет обладать лучшими качествами охотника, рыбака, семьянина и пр. [238].

В возрасте 7–10 лет детей коренных народов Сибири начинали активно готовить для участия в промысловой деятельности (охота, рыболовство, оленеводство), хозяйственной деятельности. Соответственно с этим возрастали требования к физической подготовленности детей и подростков.

Так, например, Е. А. Алексеев пишет, что семи-восемилетние дети у кетов имели уже большую практику в управлении лодкой, гребле, кроме того помогали мужчинам собирать оленей перед перекочевкой и запрягать их. Многочасовые переходы на лыжах на зимнем промысле способствовали прекрасному физическому развитию детей и воспитанию волевых качеств [7].

По сведениям Е. Г. Федоровой, мальчики-манси самостоятельно охотились на мелких пушных зверей. Кроме того, дети у манси самостоятельно управляли оленьими упряжками в 7–8-летнем возрасте. Как пишет автор, ко всему этому они готовились под руководством взрослых с помощью различных подвижных игр [228].

С 8 лет мальчики у тувинцев принимали участие в охоте, с 10 лет самостоятельно пасли мелкий скот (овец, ягнят). Мальчики-пастухи к 10 годам могли самостоятельно ездить верхом на лошади, что, несомненно, развивало их физически. Участие совместно с взрослыми в охоте позволяло

им приобретать необходимую физическую подготовку, умение метко стрелять, узнавать о повадках животных и о способах их выслеживания [75].

В. П. Дьяконова отмечает, что у теленгитов мальчики к 6 годам развивались физически до такой степени, что могли самостоятельно оседлать лошадь, ездить верхом, пасти скот на недалеком расстоянии от жилья [75].

Якуты готовили детей к промыслам и брали с собой на охоту детей с 8–10-летнего возраста, где учили их разводить костер, выслеживать зверя, снимать ловушки. Кроме того, физическому развитию детей способствовали участие в отгоне телят на водопой, помощь старшим по ведению домашнего хозяйства [76].

Мальчиков с 8–10-летнего возраста отцы сажали сзади себя на лошадь и обучали постепенно верховой езде; девочек обучали езде на быках [76, 240].

Дети хакасов к 7–8 годам были натренированы для езды на лошади, начинали пасти скот [37].

Ненцы с 10-летнего возраста брали мальчиков в стадо, приучали их пасти оленей. Во время перекочевков мальчиков учили управлять оленями, запрягать их, ориентироваться на местности по ее рельефу, по расположению звезд, по окраске неба и т. д. Девочки помогали матерям упаковывать домашний скarb, управлять оленями своей нарты, что опять же требовало немалых физических усилий и, соответственно, развивало у них силу, выносливость и другие физические качества [238].

Уже в 10 лет дети нгансан самостоятельно разъезжали по реке в легкой лодке, расставляя переметы для ловли налима [62].

Оленные чукчи и коряки с 9–10-летнего возраста привлекали мальчиков в качестве помощников в выпасе стада оленей в летнее время, а зимой могли доверить и самостоятельный выпас – в случае хорошей погоды и отсутствия волков. В свободное время подростки занимались тренировкой в беге с посохом, прыжками в длину, состязались в борьбе [244].

У нанайцев дети 6–7 лет ходили за дровами, водой, снегом, что несомненно укрепляло их физически, а уже с 8–9-летнего возраста мальчиков привлекали к промыслам [186].

Мальчики и девочки у ульчей с 6–7-летнего возраста ездили с родителями на рыбалку, а 7–8-летним уже разрешали ставить петли на куропадок, ловить рыбу *махалками* через лунки, которые для них пока прорубали взрослые [197].

Бурятские мальчики с 6–7-летнего возраста обучались верховой езде, умению запрягать и распрягать лошадей. В этом же возрасте мальчики могли возить копны, пригнать издалика скот, обучались стрельбе из лука, обращению с оружием [21].

У эвенков дети с 6–7 лет ходили с котелком за водой, вносили в чум наколотые дрова. В этом же возрасте мальчикам делали маленькие луки и стрелы для охоты на бурвдуков и белок недалеко от чума. Мальчиков постарше отцы и старшие братья брали с собой на охоту и рыбалку [41].

Азиатские эскимосы приучали мальчиков с 7–8-летнего возраста раньше всех вставать по утрам; им не разрешалось долго спать. С 8–9 лет их начинали тренировать в поднятии тяжестей. Мальчику сначала давали камень, который он мог приподнять самостоятельно с земли и обойти с ним несколько раз вокруг жилища или по заданному маршруту. Из месяца в месяц вес камней увеличивался и расстояние удлинялось [137].

Оленкские эвенки начинали брать мальчиков на охоту с 6–7 лет, показывая при этом, как читать следы, с какой стороны и как подбираться к животным и т. д. С 9 лет мальчики уже имели право самостоятельно охотиться в тундре и лесотундре на оленей [185].

Манси, проживающие на Северном Урале, очень рано приучали своих детей к труду. Как пишут А. Г. Базанов и Л. В. Певгова, у манси существовала самобытная система тренировки, обучения детей промысловым навыкам. В 5–6 лет мальчики-манси охотились с луком и стрелами на мелких птичек, вырабатывая меткость. С 7–8 лет их начинали брать с собой в лес старшие. Там их приучали, как находить белку, глухаря, как обращаться с собакой, где и как ставить *слоты*, *черканы*, капканы. С 9–10 лет мальчики-манси уже самостоятельно могли управлять лодкой, стрелять из винтовки [18].

К 10–14 годам подростки коренных народов Сибири уже полностью осваивали все виды промыслов, ведения домашнего хозяйства. Их физическая подготовка была направлена на дальнейшее совершенствование навыков промысловика, оленевода, рыбака.

Так, например, у кетов в 12 лет подростки начинали свою самостоятельную промысловую деятельность, символом которой являлась добыча первого лося, дикого оленя. В 14 лет юноша мог стать признанным охотником [7].

По данным С. И. Руденко, 12-летний мансийский мальчик самостоятельно убил 150 белок и прошел, после того как у него кончился порох,



85 км, чтобы взять его у своих братьев. Это пример прекрасной физической подготовленности и выносливости [271].

Тувинские мальчики-подростки с 10 лет уже привлекались к охоте, где от взрослых они узнавали о повадках животных, о том, когда и как на них лучше охотиться. В 12–15 лет они уже верхом на оленях, с ружьями, собаками уезжали самостоятельно на охоту в тайгу. Как известно, охота в тайге, за редким исключением, была однодневной [75].

У якутов подростки 12–16 лет уже ставили петли на зайцев, учились стрелять из лука или ружья белок, лисиц, дикого оленя, а позднее начинали промысливать медведя. Лет с 15 мальчики помогали косить сено [76].

Девочек постоянно приучали доить коров, кобылиц, заготавливать впрок мясные и молочные продукты, жать в поле хлеб, сбивать молоко, т. е. и они получали при этом значительную физическую нагрузку [76].

Как пишет Ю. В. Чесноков, у чукчей и коряков отношение к подросткам было более суровым, нежели к малолетним детям. В подготовку будущих оленеводов входило приобретение ими стойкости в преодолении холода, голода, бессонницы. Потребление пищи намеренно ограничивалось, так как лишний вес препятствовал быстроте передвижений. Пользоваться арканом для ловли оленей разрешалось только тем, кто в достаточной мере овладел этим искусством [244].

По свидетельству Г. Н. Грачевой, у нгансан подростки 13–14 лет уходили с оленеводами, уже имея собственную нарту и своих оленей. Они могли, в соответствии со своими способностями, быть участниками охоты на диких оленей [62].

Результаты исследований Л. В. Хомич говорят о том, что ненцы брали мальчиков с 10–12 лет в стадо, приучая их пасти оленей. Во время перекочевок их учили управлять оленями, запрягать и распрягать их, ориентироваться на местности по рельефу, по расположению звезд, по окраске неба и т. д. [238].

У хакасов было принято приучать мальчиков в 13 лет косить сено, а в 15 лет брать с собой на охоту [37].

По наблюдениям Ч. М. Таксами, у нивхских мальчиков 12–13 лет уже могла быть своя собачья упряжка и все промысловые орудия труда. Они виртуозно управляли лодками, могли целыми днями ходить по лесу в поисках зверя; многие были прекрасными стрелками [215].

По данным А. Н. Рейнсона-Правдина, у хантов, манси, ненцев мальчик 10–11 лет становился самостоятельным пастухом и уходил со стадом на пастбище. Он помогал отцу перевозить грузы, чинить упряжь, делать нарты, ходил с отцом на охоту на дикого оленя [178].

Девочка с раннего возраста имела свой аркан, *тынзей*, свои нарточки, в которые сама запрягала оленя, когда ездил за водой или за дровами [178].

Таким образом, физическое воспитание детей, подростков, молодежи занимало важное место в традиционном воспитании коренных народов Сибири. Оно было направлено на подготовку к трудовой деятельности (промыслы, собирательство, ведение домашнего хозяйства); кроме того, параллельно решались задачи военной подготовки. Основными средствами обучения промысловой, хозяйственной деятельности, военной подготовки были традиционные игры и состязания. Они аккумулировали в себе многовековые традиции физической подготовки детей, подростков, молодежи и взрослых. Наряду с этим большую роль играли закаливание (психическое и физическое), трудовая деятельность (охота, оленеводство, рыболовство, собирательство), гигиена, питание.

### **Глава 3. НАРОДНЫЕ ИГРЫ, СОСТЯЗАНИЯ КАК ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА, МЕТОДЫ И ФОРМЫ ТРАДИЦИОННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

#### **3.1. Теория и история традиционных игр и состязаний**

Игры являлись и являются объектом изучения самых различных наук: психологии, этнографии, философии, искусствоведения. Но особую ценность как средство и метод воспитания они представляют для педагогики. Об этом писали крупнейшие мыслители разных эпох., Аристотель, Д. Локк, Платон, Ф. Рабле, Ф. Шиллер [14; 128; 175; 161; 252]. Как отмечал Ф. Шиллер, «человек играет только тогда, когда он в полном значении слова – человек, и он бывает вполне человеком тогда, когда играет» [252, с. 317].

Наибольшее развитие теория игры получила в XIX в. Большим успехом в это время пользовалась работа Г. Спенсера, который считал, что игра – искусственное упражнение для разрешения энергии и затрата сил оправдывается полученным в процессе удовольствием [208].

Представитель другого направления в теории игры. К. Гроос рассматривал игру с точки зрения ее биологической целесообразности и значения, заключающуюся в подготовке к жизни – как людей, так и животных. Игры, строго говоря, представлялись ему биологически усложняющимся процессом [267; 268].

Интересна работа Д. А. Колодца, в которой он заявил себя сторонником теории избытка сил. В то же время он критиковал Шиллера, Спенсера и других авторов, признавая подготовительное значение игр; в конце концов он пришел к мнению о том, что инстинкт является источником развлечений и игр [101].

В 1935 г. видный голландский психолог Ф. Бойтендайк в своей книге «Игра человека и животного», посвященной выяснению сущности и значения игры, выступил с новой концепцией игры. Эта книга была, да и до настоящего времени является, единственной попыткой преодоления взглядов Г. Спенсера и К. Грооса в рамках биологических, натуралистических концепций.

По мысли Ф. Бойтендайка, инстинктивные формы деятельности, так же как и нервные механизмы, лежащие в их основе, складываются незави-

симо от упражнений. Кроме того, Ф. Бойтендайк решительно отделял собственно упражнения от игры. Он опровергал формулу К. Грооса, по которой игра составляет сущность детства.

В целом теоретические взгляды Ф. Бойтендайка отражают существенные моменты этого феномена, мимо которых не сможет пройти ни одна будущая теория игры [35].

Как известно, проблему происхождения игр рассматривал с точки зрения исторического материализма Г. В. Плеханов, вступая в полемику с Г. Спенсером, К. Гроосом и др. Он утверждал, что труд старше игры: «Игра есть дитя труда, который необходимо предшествует ей во времени» [165, с. 70].

Своеобразен взгляд на игру выдающегося голландского историка И. Хейзинга, который пришел к выводу о том, что игра возникла раньше человека, а культура зародилась из игры [236].

Любопытную мысль высказал Л. С. Выготский о том, что игра есть определяющий тип деятельности ребенка в дошкольном возрасте. Он утверждал: «В игре ребенок всегда выше своего роста, выше своего обычного повседневного поведения; он в игре как бы на голову выше себя» [48, с. 74].

Итак, можно сделать вывод о том, что игра как эффективное средство воспитания детей привлекала и привлекает внимание различных ученых. Однако единой точки зрения на теорию игры до настоящего времени нет. Эта проблема остается актуальной и представляет собой обширное поле деятельности для исследователей самых разных научных направлений.

Изучение специальной литературы показало, что наиболее ранние сведения об истории и теории традиционных игр и состязаний, распространенных в Сибири, встречаются в работах ученых (этнографов, антропологов, археологов), путешественников и даже ссыльных. Все эти сведения носят фрагментарный характер, но тем не менее имеют большую ценность для современной теории игры, педагогики и психологии.

Одним из старейших источников, повествующих о традиционных играх хантов, манси, ненцев, является работа академика В. Ф. Зуева «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов Остяков и Самоедов», который изучал быт и культуру этих народов в 1771–1772 гг. Автор дает краткое описание элементов детских игр

с моделями охотничьих капканов, ловушек, сообщает сведения об играх – состязаниях в стрельбе из лука, по прыжкам в длину у ненцев, о борьбе обских хантов и ненцев [83].

Эвенкийский вариант игры в стрельбу из лука описан в 1822 г. Г. Спасским. В этой игре под названием «*Уши ижи луга*» играющие выстрелом из лука должны были выбить связку сыромятных ремней за границу игрового поля. Помимо этого автор отмечает, что «для молодых тунгусов (эвенков) конная скачка и беганье взапуски служат не последнею забавой» [206, с. 65].

В 1840 г. И. Вениаминов дает описание алеутских традиционных игр. Среди них коллективная игра с метанием костяных или деревянных кружочков в цель под названием «*Какань*». Кроме того, автор отмечает у этого народа наличие таких популярных игр, как «Городки» и игры с мячом. К сожалению, И. Вениаминов не раскрывает при этом подробно содержания, правил и методики применения упомянутых им игр [42].

Немецкие ученые О. Финш и А. Брэм в своем труде «Путешествие в Западную Сибирь» представляют содержание двух хантыйских игр: «Городки» – «*Хуть-юхь-мудра*» и «Игра в пять лошадок» – «*Вуеть-лаудимба-юхь*», однако не описывают при этом правила и методику применения этих игр при воспитании детей [229].

В конце XIX в. М. Ф. Кривошапкин наблюдал у енисейских остяков (кетов) командный вариант игры в стрельбу из лука в цель – «*Тамором*». В этой игре могли принимать участие и дети, и взрослые [117].

Описание нескольких нанайских игр встречается в работе Л. И. Шренка. Он достаточно подробно описывает игру в прыжки через веревку, «*Таббатере*», которую раскачивают два человека. Помимо этого им были описаны две игры в прыжки на одной и двух ногах – «*Тооменди*» и «*Деринди*» [253].

В начале XX в. началось более глубокое изучение культуры народов Северного Урала и Сибири, что дало возможность получить более систематические сведения о традиционном воспитании детей и подростков, в том числе и физическом.

В 1913 г. Б. Городков описал традиционную игру салымских остяков (хантов) в стрельбу из лука в цель стрелой с тупым наконечником [60, с. 39–40].

У этой же территориальной группы хантов побывал в 1913 г. Л. Р. Шульц, которому удалось собрать коллекцию детских игрушек: кукол, кузовков, волчков, лодочек, а также записать несколько игр с ними [257].

И. Н. Шухов дает подробное описание оригинальной хантыйской игрушки *тсггерь-вой*. Игрушка представляет собой 14 фигурок зверей и птиц, сделанных из дощечек и нанизанных на веревочку. На конце веревочки имеется деревянная шпилька. На эту шпильку необходимо надеть при подбрасывании деревянную дощечку с прорезьями. Такая игра способствует развитию ловкости и точности движений [258].

Интересный вариант игры в стрельбу из лука в цель по двум дощечкам записал в 1914 г. у ваховских хантов Г. Дмитриев-Садовников. Автор дает подробное описание содержания и правил игры, а также делает выводы об особенностях методов обучения стрельбе из этого древнего орудия [71].

Ф. П. Врангель при описании путешествия к чукчам делает краткие заметки о том, что они виртуозно управляют оленями, устраивая состязания в скачках на оленьих упряжках. Кроме того, автор пишет, что чукчи «бегают взапуски» в обыкновенной, тяжелой одежде по глубокому снегу на дистанцию 15 верст. Выдающийся путешественник был поражен их необычайной выносливостью [47].

В 1916 г. в приложении к журналу «Живая старина» Б. Э. Петри дает описание содержания и правил традиционной бурятской игры «Купаки» – «Бэхэр», цель которой – бросить завязанный во множество узлов бурятский пояс, бэхэр, в сторону противника так, чтобы противоположная команда не смогла поймать его на лету. В этой игре принимают участие юноши, девушки и даже дети 5–6 лет. Как отмечает автор, игра может затягиваться до бесконечности [161].

Как видно из обзора литературных источников, основой физического воспитания детей, подростков и молодежи коренных народов Сибири являются разнообразные традиционные игры и состязания. Но, как мы отмечали ранее, сведения эти даются преимущественно в виде кратких замечаний, которые не содержат достаточно полной информации о системном применении этих игр и состязаний в том или ином возрасте.

Наиболее интенсивные исследования игр коренных народов Сибири начались в 1930-е гг. В этот период впервые появляются публикации, посвященные традиционному воспитанию, играм и состязаниям, методике их применения в национальных школах Севера.

В 1939 г. была опубликована книга Л. В. Певговой, в которой она впервые дает описание 50 подвижных игр саамов, ненцев, хантов, эвенков,

нанайцев, эскимосов, чукчей, коряков, долган. Достоинством работы является и то, что автор классифицировала все игры на три группы:

- игры, связанные с производством и бытом;
- спортивные игры;
- спортивные упражнения.

К сожалению, Л. В. Певгова, описывая и классифицируя игры народов Севера, не делает этнографических заметок об изготовлении инвентаря для игр и о том, где и на каких праздниках данные игры используются [157].

В 1944–45 гг. было опубликовано диссертационное исследование А. Н. Рейнсона-Правдина «Игра и игрушка детей народов Обского Севера». В нем представлена обширная информация об игрушках хантов, манси, ненцев, а также приведены некоторые данные о традиционных играх этих народов. Однако сведения об играх отрывочны и не раскрывают полностью систему воспитания детей посредством игр и состязаний [178].

Примерно в эти же годы была опубликована статья В. Г. Богораза «Игры малых народностей Севера». В ней автор подробно характеризует некоторые традиционные игры и состязания эскимосов, чукчей, юкагиров и коряков. В. Г. Богораз указывает что большинство из этих игр носят производственный характер, а также отмечает наиболее важные особенности применения игр в воспитании детей [29, с. 253–254].

Несомненный интерес представляет публикация Г. А. Меновщикова, в которой раскрывается сущность традиционных игр эскимосов, записанных автором в начале 1930-х гг. Это состязания детей и взрослых в беге по специальному кругу с последующей борьбой победителей, игра в большой мяч – «Ан-к-ак». Г. А. Меновщиков отмечает, что игры эскимосов имеют не столько развлекательное, сколько воспитательное значение [137].

О национальных играх чукчей повествуется в книге В. В. Леонтьева. Автор отмечает у чукчей обычай устраивать оригинальные площадки, *гэчеватын*, – места для развлечений. Они представляют собой большой круг радиусом 30 м и более с хорошо утоптаным центром. В. В. Леонтьев пишет, что подростки и юноши бегают по малому кругу, но могут состязаться с взрослыми в случае хорошей физической подготовленности. Мальчики состязаются в метании камней на дальность, играют в мяч. Игра в мяч – «Кэплювичэвт» – напоминает по содержанию и правилам современный футбол. Автор указывает, что в нее могут играть и девушки, но отдельно от мужчин [124].

Изучение и анализ специальной литературы, а также результаты наших полевых этнопедагогических исследований традиционных игр и состязаний коренных народов Сибири позволили построить их классификацию, в основу которой были положены возрастные особенности детей, подростков и молодежи (рис. 1, 2).

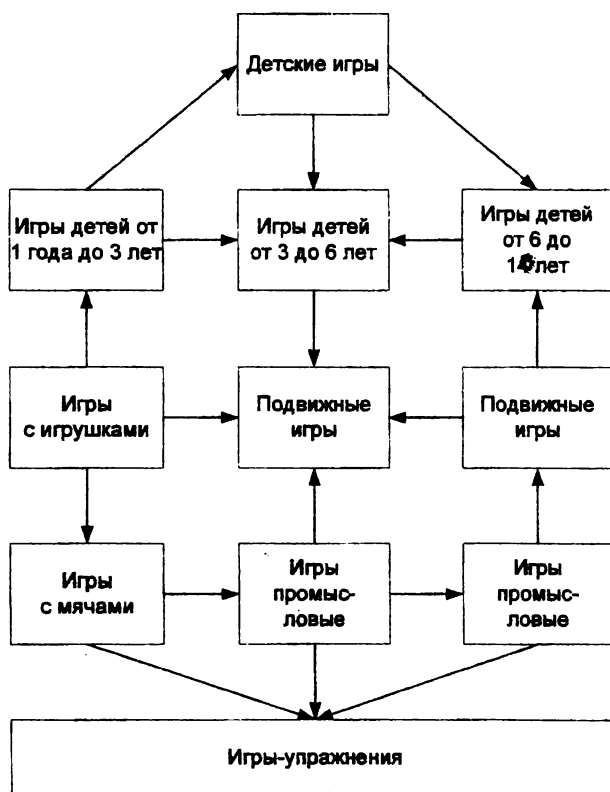


Рис. 1. Детские игры коренных народов Сибири

Исследования показали, что игры детей от 1 года до 3 лет в значительной степени отражают хозяйственные занятия, специфичные для коренных народов Сибири. С младенческого возраста ребенка окружают игрушки, изготовленные из природных материалов: гирлянды белчих хвостиков, погремушки из глухаринного зоба, шкурки и лапки животных, раз-



ноцветные птичьи перышки. Из утиных и гусиных клювов, прикрепляя к ним птичьи ключицы, делают игрушечных оленей и составляют упряжки с «нартами» из оленьих бабок.

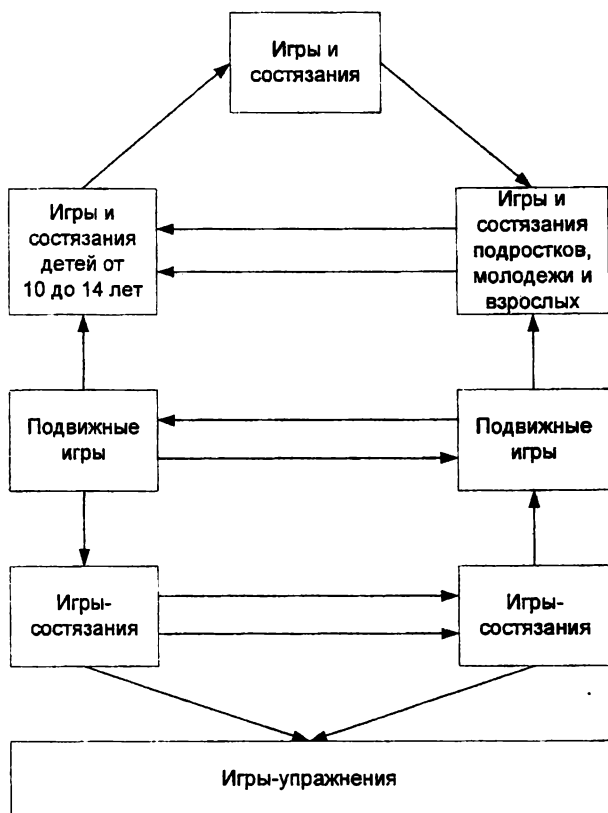


Рис. 2. Игры и состязания коренных народов Сибири

Взрослые с удовольствием вырезают для детей фигурки птиц и животных, рассказывая при этом о повадках и особенностях изображаемых зверей. Такими игрушками занимаются и мальчики, и девочки; далее по мере взросления их интересы расходятся.

Для мальчиков очень характерны игры, связанные с оленеводством и охотой: в укромных местах они устраивают игрушечные промысловые

угодня с «ловушками» и олени пастбища с оленьими домиками, оленей, дымокурами. Большинство мальчиков имеют миниатюрные арканы и луки, во время игр упражняются в стрельбе по цели и соревнуются между собой. Взрослые с готовностью отдают для игр старую упряжь, куски рыболовных сетей и всячески поощряют стремление ребят самостоятельно изготавливать игрушки. Об искусстве обращения мальчиков с ножом говорится во многих работах [108; 229].

Любимыми игрушками девочек являются куклы, изготовленные из туго свернутых кусочков ткани и кожи. Первых кукол делают дочерям матери, затем под их наблюдением девочки учатся делать эти игрушки самостоятельно. Каждая девочка имеет набор игрушечной утвари – маленькие сумочки и мешочки для хранения кукольной одежды и украшений, подушки и одеяльца, берестяные коробочки, деревянную посуду и т. д. В игре воспроизводятся различные сцены повседневного и праздничного быта.

В возрасте от 3 до 6 лет, следуя опыту предшествующих поколений, коренные народы Сибири готовят детей к производственной деятельности. На этом этапе игры и игрушки уже в большей степени помогают детям осваивать и закреплять связи с традиционной бытовой культурой, осознавать свой пол. В данный период у девочек появляются игры и игрушки, приучающие их к труду женщины-хозяйки, будущей матери, – это куклы из дерева, белчих хвостовых косточек, из утиных клювов, маленькие люльки, маленькие чумы, отдельные части одежды, блюда, ложки, кузовки, игольницы, коробочки со швейными принадлежностями. Мальчики играют луком и стрелами, маленькими лодочками, нартами, моделями кашканов, ловушек, частями рыболовецких сетей, упряжью для оленей и собак из кожи, сукна, тряпочек.

С 5–6 лет начинается раздельное трудовое воспитание, ориентирующее детей на различные трудовые роли. Эта разница отражается и в играх.

Суровые жизненные условия Сибири, промысловая деятельность требуют уже с 6–7-летнего возраста активного развития важнейших физических качеств и воспитания специфических двигательных навыков. С этого возрастного периода дети всецело привлекаются к помощи родителям по хозяйству: кроме этого, их готовят к промысловой деятельности (охоте, рыболовству, оленеводству). Естественно, что наиболее популярным средством обучения основам промысловой деятельности являются разнообразные народные подвижные игры. Игры детей этого возраста отличаются от

игр младших детей тем, что дети 6–7 лет осваивают более высокий уровень игровой деятельности. Для этого периода уже характерны игры с правилами. Такого рода игры разнообразны по своему содержанию и организационным формам проведения, что обусловлено быстрым физическим и умственным развитием детей на данном этапе.

Как видно из классификации, для детей от 6 до 10 лет наиболее простыми по правилам проведения и самыми распространенными являются различные игры, связанные с бегом, прыжками, метаниями, которые способствуют укреплению всех групп мышц тела, развитию ловкости, быстроты, выносливости (см. рис. 1, 2). Кроме того, они прекрасно готовят детей к промысловой деятельности. Это такие игры, как метание камней, «Догонялки», «Кто из нас быстрее», «Оленья упряжка», «Кошки-мышки», «Поиграем в ямки», «Заячьи следы». Существует ряд подвижных игр, которые непосредственно способствуют обучению детей промысловой деятельности: «Лучший охотник», «Кольца», стрельба из лука в цель, метание аркана на носы нарты и пр. Большой популярностью среди детей этого возраста пользуются игры-упражнения, которые прекрасно развивают ловкость, координацию движений, гибкость.

Дети коренных народов Сибири в возрасте от 10 до 14 лет уже начинают самостоятельно охотиться на водоплавающую дичь, помогают старшим в изготовлении ловушек и прочего охотничьего снаряжения. В связи с этим их игры приобретают промысловую направленность, готовят к суровым условиям кочевого и полукочевого образа жизни, способствуют воспитанию физических качеств, специальных двигательных навыков, необходимых в дальнейшем для самостоятельного ведения промысла.

Наши исследования показали, что у детей коренных народов Сибири в этом возрастном периоде, так же как и в предыдущем, популярны игры, связанные с бегом, прыжками, метаниями. Это такие игры, как «Озеро и черт», «Утки и гуси», «Жмурки», «Тройной прыжок», «Прыжок лахтака», игра с кольцами, прыжки через нарты, бег на подволоках, стрельба из лука и т.д. Особой любовью среди детей этого возраста и подростков пользуются самобытные игры – состязания в стрельбе из лука в цель, метании аркана на хорей, палки-копья на дальность и в цель. Кроме игр подвижного характера на досуге используются игры с веревочкой, с нитками, с палочками, в камешки, с иголкой и пр. Для детей этого возраста и подростков любимыми являются игры-упраж-

нения с палкой, метание аркана на дальность, метание аркана на хорей и т. д.

К 14–15 годам подростки становятся практически полноценными промысловниками. В связи с этим существенно меняется роль народных игр и состязаний. Их задача заключается не только в развитии физических качеств и обучении специфическим двигательным умениям и навыкам, необходимым для ведения промыслов и домашнего хозяйства, но и в дальнейшем их совершенствовании и поддержании на оптимальном уровне.

Народные игры и состязания в этом возрастном периоде также служат своеобразной подготовкой к промысловому сезону, разрядкой после тяжелой изнурительной работы в лесу, на реке.

Так, например, ваховские ханты после возвращения с охоты устраивают бег на подволоках (на лыжах, подбитых мехом).

Среди молодежи и взрослых сургутских хантов большой популярностью пользуется игра в прыжки через лодки. Широко распространены среди коренных народов Сибири игры – состязания в метании аркана на хорей; друг на друга; в высоту; в длину. Особой любовью пользуются игры – состязания в управлении оленьей и собачьей упряжкой, конные скачки, игры – состязания в переламывании костей птиц, животных. Подростки и молодежь увлекаются играми-упражнениями, такими как подъем и метание камней, поднимание партнера из положения лежа на спине и т. д.

Таким образом, на наш взгляд, на протяжении многовековой истории коренные народы Сибири придавали большое значение физическому воспитанию личности и оно занимало ведущее место в воспитательном процессе. Это было обусловлено суровыми условиями жизни на Севере (сильные морозы, тяжелый и разнообразный труд, частые военные столкновения).

Основными средствами физического воспитания у коренных народов Сибири являются исторически сложившиеся народные игры и состязания. Широкой популярностью среди этих народов пользуются: борьба, стрельба из лука, метание и толкание камней и других предметов, разного рода гонки на охотничьих лыжах, лодках, оленьих и собачьих упряжках, конные скачки, поднятие и перенос тяжестей, перетягивание палки, метание аркана, прыжки в высоту и длину, через лодки и пр.

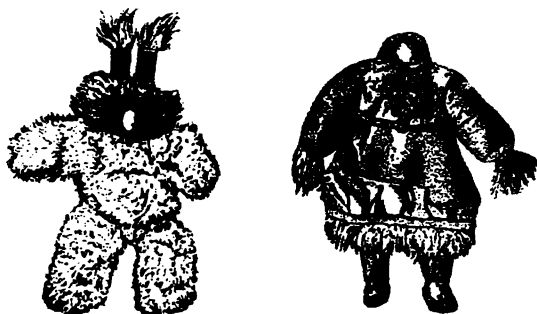
Народные игры и состязания для каждого возрастного периода развития личности имеют свою психолого-педагогическую направленность и определенное значение. Они ориентированы не только на развитие физи-

ческих качеств и двигательных навыков, но и на воспитание решительности, смелости, находчивости, коллективизма, нравственности и, несомненно, прекрасно подготавливают детей и подростков к промысловой и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Сибири.

## 3.2. Детские игры

### *Игры с куклами и камешками*

У детей чукчей и коряков большой популярностью пользуются игры с куклами и камешками; они наиболее распространены среди девочек. Камешки различной окраски собираются летом. Из них составляется стадо, устанавливаются яранги. Камни также символизируют оленей, жилище, людей, что в целом позволяет построить макет стойбища. Куклы – *алочелгыт* (чукот.), *гэлюч* (коряк.) – делаются из шкуры оленя мехом внутрь и чаще всего изображают грудных детей.



Чукотские куклы<sup>6</sup>

Некоторые из них, как отмечал В. Г. Богораз, являются амулетами, обеспечивающими многодетность. Эти куклы передаются по наследству от матери старшей дочери. При изготовлении куклы для младшей дочери из куклы старшей вынимается пучок шерсти и вкладывается в новую куклу, которая приобретает свойства первой. Над куклами-амулетами в каждом поколении произносится заклинание, «поэтому считается, что сила их постоянно подрастает» [30].

---

<sup>6</sup> Приводится по кн. В. Г. Богораз «Материальная культура чукчей» [30, с. 204].

У детей якутов используются в игре и фигурки коров, обычно вырезанные из тальника или деревянных палочек длиной 8–10 см и диаметром 2–3 см. У них не делают ног; вырезают как бы увиденными сверху, так что выделяются продолговатое туловище и голова со сходящимися впереди рогами. Фигурки коров и быков вырезают и из бересты, которую предварительно сгибают пополам. Такие берестяные игрушки также делаются как бы увиденными сверху.

Часто встречаются игрушки, изображающие птиц и рыб. Но наиболее любимыми в детских играх являются все же фигурки коров, быков и телят, что еще раз подчеркивает резко выраженную направленность скотоводческого хозяйства якутов. Немаловажно и то, что дети имеют значительно больше возможностей ухаживать за рогатым скотом, чем за лошадьми.

Этим, по-видимому, и можно объяснить значительное преобладание среди детских игрушек фигурок коров и быков.

У ненцев любимым занятием девочек является игра в куклы. Традиционные ненецкие куклы состоят из головы – клюва птицы (гуся, утки, тулана) – и туловища, представляющего собой продолговатый кусок сукна с нашитыми на него в вертикальном (реже – горизонтальном) направлении разноцветными полосками сукна.

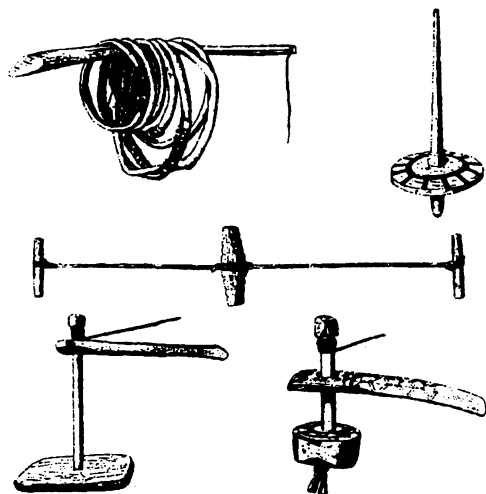
Кукол одевают в одежду из меха или сукна соответственно «полу» (в глухую, распашную). Иногда отделка одежды куклы оказывается очень сложной (сочетание полосок из меха разных оттенков с полосками сукна разного цвета).

Куклы-«оженщины» часто имеют накосники из лоскутков сукна или цепочек, украшенных бисером. Кукол изготавливают обычно сами девочки. Младшим помогают старшие. Каждая девочка имеет сумочку из оленьего меха, *падко*, *туця*, украшенную орнаментом из меха разных оттенков и полосок сукна. В такой сумочке хранятся лоскутки сукна и меха, бисер, бусинки, птичьи клювы, сухожильные нитки, копытца новорожденных телят и т. п. Как и взрослые женщины, девочки не расстаются со своими сумочками во время переездов. Помимо кукол и сумочек девочки изготавливают игрушечные колыбели из тряпочек и косточек птиц.

Изготовление одежды для кукол, сумочек оказывается хорошей школой для вступления во взрослую жизнь с ее обязанностями, в частности формирует навыки в области шитья одежды, знание качества оленьего меха в разные сезоны, особенностей мехов различных пушных зверей, а также умение их обрабатывать, кроить и т. п. [238].

### Игра с волчком, юлой

Волчок – любимая игрушка детей. Есть вертящиеся «жужжалки», которые делаются из различных материалов – мамонтовой кости, дерева, толстой шкуры и даже из кусков сушеной рыбы. Обрезки мамонтовой кости также употребляются в качестве игрушек. Существуют и волчки, приводимые в движение посредством бечевы, навитой на верхний конец игрушки.



Детские игрушки чукчей: «волчки», юла, «жужжалка», *оккаль*<sup>7</sup>

Жители с. Кышик Ханты-Мансийского района рассказали нам об игре «Жужжалка» – *«Вот вохты тарансек»*. Играют в эту игру девочки и мальчики круглый год. Для игры необходимо изготовить пластинку из любого дерева (длина – 7 см, ширина – 3 см, толщина – 0,3–0,5 см). Края пластинки закруглены. На расстоянии 3–4 см от каждого края пластинки просверливают небольшие дырочки для тонкой веревочки из оленьих жил длиной 60–70 см. Концы этой веревочки связывают. Игрок берет концы образовавшейся пегли в две руки и растягивает ее так, чтобы пластинка оказалась посередине петли. Затем он начинает вращать веревочку с плас-

<sup>7</sup> Приводится по кн. В. Г. Богораза «Материальная культура чукчей» [30, с. 203].

тинкой, чтобы она скрутилась в жгут. Когда игрок видит, что веревочка скрутилась, он начинает выполнять плавные рывки руками в стороны. Веревочка в итоге то раскручивается, то скручивается в жгут за счет инерционных сил, полученных ею от деревянной пластинки. Все это сопровождается своеобразным звуком – жужжанием [108].

Интересная самобытная игра «Юла» – «Шын» – была записана нами в с. Русскинская (сургутские ханты). В эту игру играют с большим удовольствием как дети, так и взрослые. Количественный состав произвольный. Для нее требуется ровная поверхность стола или пола и две иглы, на одну из которых нанизывается деревянный кружочек толщиной 1 мм и диаметром 1,6–2 см. На поверхность стола (пола) кладут иглу, а юлу берут за верхний конец и устанавливают ее у середины лежащей иглы.

Движением большого и указательного пальцев ей придается вращение – так, чтобы она, вращаясь, перемещалась только вдоль лежащей иглы (туда и обратно). Выигрывает тот, у кого юла движется таким образом дольше всех. В другом варианте игры юла должна, двигаясь, описывать круг или зигзаг.

Существует еще один вариант, когда юлу изготавливают из сухого дерева (березы, сосны, кедра). Она состоит из двух деталей: деревянного диска диаметром 5–10 см и заостренной с обеих сторон палочки длиной 6–10 см, толщиной 5–8 мм. Посередине диска продельвается отверстие, в которое вставляется палочка; после этого юла готова для игры. Игрок заставляет юлу вращаться, стараясь сделать так, чтобы она вращалась как можно дольше.

И, наконец, в последнем варианте игры из березы изготавливают ручку (с дырочкой на конце) длиной 15 см, шириной 3 см, толщиной 1,5 см. Юла имеет головку в виде цилиндра диаметром 10–15 см, высотой 5 см и ножку длиной 5 см, диаметром 1 см. На ножку наматывают нитку или тонкую веревочку и вставляют юлу в отверстие в ручке. Игрок берет одной рукой ручку юлы, а второй – сильно тянет на себя веревочку. После сильного рывка юла выскакивает из отверстия в ручке и начинает вращаться по твердой поверхности стола (пола). Лучшим считается игрок, у которого юла наиболее искусно изготовлена и, соответственно, дольше вращается [108].

Другая игра детей этого возраста бытует среди казымских хантов под названием «Игра волчком» – «Таранчут». Эту игру упоминает в своих исследованиях Л. Р. Шульц, который наблюдал ее у хантов, проживающих



вдоль реки Салым [257]. В эту игру играют обычно в помещении, на столе или полу. Для игры изготавливают из сосны или кедра волчок, который состоит из стержня (длина – 35 см, диаметр – от 0,5 см вверху до 0,8 см внизу) и крестовины (две пластинки длиной 10–15 см, шириной 2 см, толщиной 0,2–0,5 см). Крестовина укрепляется на высоте 5–10 см от заостренного конца стержня. В верхней части стержня привязывают веревочку длиной 15–20 см, два конца которой привязывают к палочке (длина – 15–20 см, диаметр – 0,5 см). Игрок ставит волчок вертикально, удерживая его одной рукой, а второй рукой начинает выполнять многократно движения вверх-вниз палочкой, привязанной к верхней части стержня. Постепенно волчку придается вращение, и он по инерции начинает быстро вращаться, то раскручивая веревочку, то закручивая ее вокруг стержня. Игрок, которому удастся придать волчку наиболее быстрое и продолжительное вращение, получает похвалу старших [108].

В некоторых центральных районах Якутии распространенной детской игрушкой является *ойун* (дословно «шаман») – конусообразный волчок, который вращают веревочкой. Волчок долго вращается и издает протяжный звук. Если сверху в его отверстие бросают несколько маленьких угольков, то в сумерках создается впечатление «вращающегося во время камлания шамана» [76].

### *Игры с нитками*

Дети коренных народов Сибири любят делать фигуры из ниток, искусно надевая петли вокруг пальцев рук. Нечто подобное существует у американских эскимосов. В прежние времена такие игры наблюдались среди камчадалов и коряков. Нитяные фигуры изображают животных – оленя, пса, собаку, кита и т. п. – или сценки, например «человек в лодке» и т. п.

### *Игры с метанием камней*

В юртах Кочевых (сургутские ханты) дети любят играть в игру «Метание камней» – «*Кав лякта*». Играют только мальчики в летнее время на берегу реки. Количество игроков не ограничивается. Игроки подыскивают камни диаметром 15–20 см и собирают их в кучку. Участники игры складывают поясные ремни в два раза и помещают в образовавшуюся при этом петлю камни, затем, размахнувшись, сильно посылают ремень вперед так,

чтобы камень, вылетев из петли, улетел как можно дальше вперед, к другому берегу реки. Лучшим считается игрок, камень которого достиг другого берега реки или упал как можно ближе к противоположному берегу [108].

В юртах Рыскиных (сургутские ханты) дети играют в подобную игру с метанием камней и кружочков из коры, но более маленьких по размеру. Эту игру они называют «*Кар тькти*». Игра проводится в теплое время на берегу реки или озера. Обычно играют в нее мальчики, но иногда подключаются и девочки. Количество игроков не ограничивается. Для бросков подбираются плоские камешки диаметром 5–6 см, толщиной 0,5–1 см. Иногда из коры любого дерева вырезают кружочки диаметром 6–7 см, толщиной 0,5–1 см. Игрок берет камешек или кружочек тремя пальцами и бросает его по поверхности воды так, чтобы он слегка подскакивал по ней. Другие участники обычно подсчитывают количество касаний камешком поверхности воды. Броски производятся по одному в порядке очередности. Победителем становится тот, кто добивается большего количества касаний [108].

### Игры с бегом

Дети постарше играют в более сложные коллективные игры, такие как игры с бегом и т. п. Любопытную игру с бегом мы записали в п. Угут (сургутские ханты). Она носит здесь название «Догонялки» – «*Пэнкинат*». Игра проводится в летнее и зимнее время на полянках возле домов. Участвуют в ней мальчики и девочки. Количество игроков не ограничивается. Перед игрой обговаривается игровая зона (ее границы). С помощью считалки: «*Тъэкэли-тукэли. Талу нева. Вотэнкэси. Кутэнкэси. Тетярина-мутярина. Телан-Тюк!*» – выбирают водящего; он должен догнать любого из участвующих в игре и коснуться его рукой. Игроки стараются убежать, увернуться от водящего в пределах границ игровой площадки. Если водящий догнал и коснулся рукой игрока, этот участник становится водящим, а бывший водящий – полевым игроком. В конце игры определяют лучшего игрока, который ни разу не побывал в роли водящего или был им меньшее количество раз.

В п. Ванзеват (обские ханты) у детей бытует игра «Кто из нас быстрее» – «*Мада у тэв пасты*». В ней принимают участие мальчики и девочки. Играют в летнее время на берегу реки или на дороге. Обычно в игре участвуют от 6 до 8 человек. Для игры изготавливают две палочки из тальника длиной 50 см, диаметром 1–2 см. В начале игры проводят линию

старта на песке (земле) и в 50 м от нее кладут камень. Игроки делятся на две команды так, чтобы в каждой команде было равное количество игроков. Затем они строятся в две колонны на расстоянии 1 м друг от друга, одна колонна параллельно другой. Впереди стоящие игроки располагаются рядом со стартовой линией и держат в руках палочки. По команде судьи или по договоренности между собой первая пара бегунов убегает вперед к камню, обегает его и возвращается назад, передавая палочку следующим по очереди игрокам в своих командах. Таким же образом задание выполняет следующая пара и т. д. Игрок, выполнивший задание, становится в конец своей колонны. Как только последний игрок преодолевает дистанцию бега и передает палочку стоящему за ним игроку, тот должен поднять руки с палочкой вверх, чтобы судья увидел, что команда закончила игру. Та команда, которая быстрее выполнила задание, становится победительницей в этой игре.

У сургутских хантов (п. Тром-Аган) популярна игра «Оленья упряжка» – «*Вэли кер*». Она проводится весной на снежном насте, иногда и летом. Участвуют в игре мальчики и девочки в количестве 6–8 человек. Для игры отбирают наиболее ветвистые сучья деревьев (похожие на оленье рога), и каждый игрок кладет их рядом с собой на стартовую линию. От этой линии отмеряется расстояние 200–300 м вперед, где проводится линия финиша. Финишем также могут служить дерево или камень. По команде судьи или кого-либо из болельщиков (игроков) все участники хватают свои ветки («оленьи рога»), поднимают их над головой и бегут так до финиша. Побеждает тот игрок, который прибегает первым и во время бега красиво держит «оленьи рога» над собой [108].

Среди бурят распространена игра «*Ботогон буурашалга*», которая похожа на русскую народную игру «Кошки-мышки». Играющие становятся кругом, а в середину круга выходит – один ребенок – *ботогон* (верблюжонок). За кругом ходит *буура* (верблюд-самец). Он старается поймать верблюжонка, которому играющие дают свободно выбегать из круга и обратно забегать в него. Однако играющие чинят верблюду всяческие препятствия, крепче держатся за руки, чтобы не впустить его в круг или не выпустить его оттуда. Когда верблюжонок пойман, новая пара по своему желанию заменяет первую.

Другая бурятская игра – «*Горшоогшоохо*» – также направлена на развитие быстроты бега. Играющие дети разбиваются попарно, причем

один из них, «горшок» сидит, а второй, «хозяин», становится сзади. Сидящие «горшки» образуют круг. Игру начинает кто-нибудь из «хозяев». Он, проходя мимо других «хозяев», ударяет кого-нибудь из них шапкой. «Пострадавший» догоняет «обидчика». Если ему это не удастся, он уступает «обидчику» свой «горшок», а сам обходит круг, чтоб посягнуть на чужой.

В зимнее время корякские дети часто играют в игру «Бросок» – «Йыулык». Для игры используется палочка, один конец которой делается острым; противоположному концу придается форма лопаточки. Палочку вставляют в снег острым концом и, вращая, делают лунку. Затем ее вытаскивают из снега и бросают через правое плечо так, чтобы попасть острием в лунку. После этого дети разбегаются. Участник игры, который дольше всех не может удачно бросить палочку, должен догонять остальных.

К числу подвижных игр якутов относится игра «Сокол и утки». На ровной поляне кладут параллельно, на расстоянии 4–5 м друг от друга два ряда палок длиной 8–10 м, которые обозначают «берега». За ними – «вода», а между ними – «дорога». Посередине одной из палок встает подросток, выбранный «соколом». Остальные участники выжидают момент, чтобы, имитируя уток, «пролететь» по «дороге» мимо «сокола». Тот, кого он ловит, выбывает из игры, так же как и перепрыгнувший через палку в «воду».

### *Игры с кольцами*

Прекрасным средством подготовки детей к рыбному промыслу с помощью остроги служит такая самобытная игра, как «Кольца» – «Кусы», которая пользуется большой популярностью среди шурышкарских хантов. Играют в нее только мальчики. Место для игры – берег реки. Количество игроков – от 8 до 10 человек. Играющие делятся на две команды, которые располагаются на расстоянии 20–30 м одна от другой. Все игроки держат в руках копья-палки длиной 1,5–2 м, диаметром 3–4 см, изготовленные из тальника. На конце палки-копья имеется «оперение» – опиленные сучки. Оперение палки-копья должно быть в диаметре равным диаметру кольца, в которое бросают палки-копья. Кольца изготавливают из гибкой тальниковой ветки диаметром 50 см, сечением 1,5–2 см. Игроки располагаются в двух колоннах напротив друг друга. Игрок одной из команд становится лицом в сторону противоположной команды и бросает кольцо так, чтобы оно быстро покатилося вдоль игроков напротив. Игроки противоположной

команды стараются броском палки-копья попасть в движущееся мимо их кольцо и тем самым остановить его. Если кому-то из игроков удастся это сделать, то его команда получает одно очко. Если же игроки не могут остановить кольцо, то очко получает команда напротив. Затем команда, которая оборонялась, в свою очередь мечет кольцо противоположной команде, и игроки этой команды теперь стараются поразить кольцо. Побеждает команда, которой удастся набрать наибольшее количество очков.

### *Игры с прыжками*

В с. Русскинская (сургутские ханты) дети любят играть в игру под названием «Заячьи следы» – «Чевэр лэк». Игра проводится в любое время года: летом – на песке, зимой – на снегу. Количество участников произвольное. Дистанцию для прыжков определяют перед игрой по договоренности между участниками. Перед игрой на снегу или на песке делают отметки – «следы зайца», расстояние между которыми устанавливается в зависимости от пола, возраста играющих, их физической подготовленности. Один из игроков становится в первый «след», т. е. принимает исходное положение «стоя ноги врозь», отталкивается двумя ногами, стараясь при этом точно приземлиться в следующий «след», но уже на одну ногу. Далее, отталкиваясь этой ногой, приземляется на две ноги в следующий «след» и т. д. Таким способом игрок должен преодолеть все расстояние, стараясь точно попасть в «следы зайца». После того как первый участник преодолевает всю дистанцию, в игру вступает следующий игрок. Победителем становится тот, кто точнее всех прыгает по «следам». Часто игра усложняется и продолжается дальше – увеличивается расстояние между «следами», изменяется их направление (таким образом «следы зайца» запутываются) и т. д. Расположение «следов» зависит от фантазии участников игры.

### *Игры в стрельбу из лука*

Широко распространены среди детей эвенков игры, связанные со стрельбой из лука. Одна из игр так и называется – «Лучший охотник». Заключается она в следующем. На определенном расстоянии устанавливаются палочки-мишени (воображаемые олени), после чего «охотники» начинают стрелять из луков из разных положений: с колена, лежа, стоя. Лучший охотник определяется по наибольшему количеству попаданий стрел в мишень [78].

Несомненно, большую часть игровой деятельности детей хантов занимают игры с промысловой направленностью – игры в охотника, рыбака, оленевода. Так, в с. Русскинская (сургутские ханты) дети играют в игру «Стрельба из лука в цель» – *«Ланк йавэтта»*. Проводится она в любое время года. В игре участвуют только мальчики. Количество игроков не ограничивается. Стрельба из лука в цель производится из самодельных луков. Количество выстрелов оговаривается заранее. Перед стрельбой на земле или на снегу проводится линия, с которой игроки производят выстрелы. От нее на расстоянии 10–20 м (оно зависит от возраста участников игры; чем он меньше, тем меньше расстояние) ставится любое количество мишеней. Каждый игрок подходит к линии стрельбы и делает определенное количество выстрелов. Тот, кто поражает большее количество мишеней и попадает ближе к центру, становится победителем.

У хантов существуют самобытные приемы обучения стрельбе из лука, которые позволяют довольно быстро осваивать секреты точной и быстрой стрельбы. По нашим данным, сургутские ханты изготавливают детям небольшие луки и стрелы, с которыми они постоянно играют и упражняются в стрельбе на дальность, в цель, а также стреляют вверх («кто выше»). Эти игры и упражнения в стрельбе прекрасно тренируют силу рук, плечевого пояса, а также, в связи с тем что за стрелами нужно бегать на довольно большие расстояния, способствуют развитию, как быстроты, так и выносливости в беге.

Обские ханты (п. Полноват) учат детей меткости в стрельбе из лука с помощью оригинальных мишеней – шишек кедра или сосны, что великолепно тренирует глазомер, чувство дистанции.

По сведениям информаторов, следующим этапом обучения стрельбе из лука является уже охота на мелких птичек, бурундуков, белок. На этом этапе обучения дети, используя предыдущий опыт тренировок, продолжают освоение непростого охотничьего промысла.

### *Игры с метанием аркана*

У детей ненцев (лесных) большим успехом пользуется игра под названием «Метание аркана на носы нарт» – *«Кану тыймана ялкулолкама»*. Состязаются в зимнее время мальчики от 5 до 7 лет. Количество участников не ограничивается. Ездовые нарты устанавливаются на расстоянии 1 м друг от друга (6–7 нарт) в один ряд. Для игры необходимы арканы – *тынзяны*, или *тыншаны* (лесной диалект).

Один из участников от заранее проведенной черты выполняет бросок аркана, стараясь захватить петлей аркана носы нарты. Если участник захватывает петлей оба носа нарты, то он в этом случае получает 1 очко, если ближний к себе нос, то 2 очка. В случае, если ему удастся попасть на дальний нос нарты, он зарабатывает 3 очка. Затем поочередно выполняют броски арканов другие участники. Выигрывает тот участник, которому удастся набрать наибольшее число очков.

**Вариант игры.** Участники метают арканы на спор, стараясь попасть на носы второй, третьей и т. д. нарты.

Другой вид состязания называется «Метание аркана на хорей» — «Вяжулолкама».

Состязаются в зимнее время мальчики 7–13 лет и взрослые. Приезжают на стойбище, распрягают оленей, обустриваются и начинают состязаться. Количество участников не ограничивается. Для состязания в снег втыкают хорей. Каждый участник в руках держит аркан.

Первый участник становится левым или правым боком к хорю так, что ближняя к хорю нога находится на расстоянии 50 см от него. Он отматывает и отмеряет от аркана ровно столько, сколько необходимо для метания на верхушку хорей; оставшуюся часть игрок прижимает к земле ближней к хорю ногой. Затем сильнейшим броском руки снизу через сторону участник состязания бросает аркан вверх так, чтобы он зацепился петлей за верх хорей или охватил верх хорей.

**Варианты состязания:**

1. Участники бросают арканы из трех попыток.
2. Участники бросают до попадания.
3. Все участники становятся одновременно боком к хорю по кругу на расстоянии 50 см от него и поочередно выполняют броски. Побеждает тот, кто наиболее метко бросает аркан в цель.

Так, в п. Шурыпшары бытует игра под названием «Ловля хорей» — «Сув еалмиты». В нее играют круглый год мальчики и девочки. Для игры в землю втыкают хорей длиной 3 м. На расстоянии 10 м от него проводится линия, от которой игроки производят броски. У каждого из игроков в руках находится тынзян длиной до 20 м, сплетенный из оленьей кожи. Игроки поочередно подходят к линии и выполняют броски, стараясь набросить петлю тынзяна на хорей. Если бросок удачный, игрок подходит к хорю и снимает петлю, сматывая тынзян в два мотка. В случае промаха

он просто сматывает аркан, подтягивая его. Игра продолжается до тех пор, пока кто-то из игроков первым не набирает десять попаданий – он и становится победителем. Игра способствует развитию меткости, глазомера, силы рук, плечевого пояса, ловкости; воспитанию настойчивости и выдержки; обучению знаниям и навыкам, необходимым оленеводу.

### *Игры с мячом*

У детей хантов юрт Каюковых (сургутские ханты) бытует игра «Поиграем в ямки» – *«Вонкь сахит ентэхли»*. В этой игре участвуют мальчики и девочки. Играют в игру круглый год на ровных площадках, которые не имеют определенных границ. Для игры изготавливают мяч из березового нароста (гриба) диаметром примерно 6–7 см. Перед игрой в песке или в снегу пяткой или палкой каждый играющий делает небольшую лунку глубиной 3–4 см, чтобы катящийся мяч мог в ней остановиться. Лунки располагаются в один ряд; количество их зависит от количества играющих. Расстояние между лунками примерно равно 5–6 см, и между собой они соединяются желобком, глубина которого – 1 см. Все игроки встают рядом со своими лунками. Любой игрок по желанию может стать «галящим»(водящим). Галящий берет мяч в руку и посылает его броском строго по лункам, так чтобы он мог остановиться в одной из них. Когда мяч оказывается в лунке, все игроки разбегаются в стороны от лунки по игровой площадке. Хозяин же лунки, в которой оказался мяч, быстро хватается его и старается попасть им в кого-либо из убегающих игроков. Игрок, в которого попали мячом, подбирает его, быстро возвращается к своей лунке и от нее старается попасть мячом в кого-либо из игроков. Если бросок оказывается неудачным, бросавший кладет в свою лунку небольшую палочку, которая не может мешать заново прокатывающемуся мячу, а все игроки возвращаются к своим лункам и игра начинается вновь. Когда в лунке одного из игроков набирается четыре палочки, к нему подходят остальные игроки и неслишком хлопают ладонями по его голове, произнося при этом: *«Коша титан кош муват вали явтын»*. Затем кто-нибудь из игроков кладет мяч этому игроку в подол рубахи, и все игроки разбегаются в стороны. После этого «наказания» игра возобновляется. Лучшим признается игрок, в лунке которого не оказывается палочек или их меньше, чем у остальных. Запрещается выбегать за пределы игровой площадки и хватать мяч раньше, чем он попадает в лунку.





Игра «Поиграем в ямки»<sup>8</sup>

Игра способствует развитию меткости, быстроты, реакции, ловкости; воспитанию смелости и настойчивости.

Сведения о существовании подобной игры у хантов в древние времена донесли до нашего времени хантыйские сказки [195]. Но игроки в этих сказках играют мячом из железа, а не из березового гриба. Подобная игра была популярной и у русских (Вятская губерния) под названием «Мячом по лункам» [168]. Но в этой игре все игроки имеют палки, которыми они стараются выбить опускающийся в лунку мяч подальше.

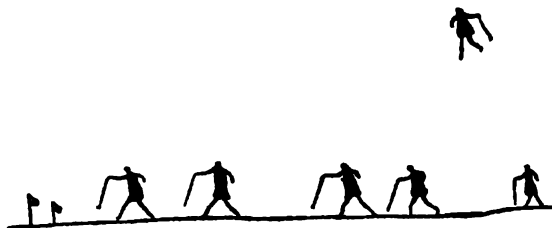
### 3.3. Игры-соревнования

#### *Соревнования в беге*

Соревнования в беге широко распространены среди коренных народов Сибири. Они тесно связаны с промысловой деятельностью и в связи с этим направлены на развитие тех физических качеств, которые так необходимы охотнику, рыбаку, оленеводу.

---

<sup>8</sup> См. ранее изданную нами кн. «Игры и соревнования в традиционном физическом воспитании хантов» [108, с. 48].



Бег чукчей с посохами<sup>9</sup>

Так, игры-соревнования в беге у чукчей проводятся обычно после оленьих гонок. Бегают по дороге, утоптанной оленьими копытами. Дистанции намечаются длинные, иногда в несколько километров.

Участники сбрасывают верхнюю одежду (некоторые даже снимают нижнюю) и надевают верхние штаны и короткие сапоги без чулок. В помощь себе бегуны берут палки, которыми они отталкиваются, чтобы увеличить размах своего шага.

Чукчи отличаются не столько быстротой бега, сколько выносливостью, особенно оленеводы. Они могут бежать несколько километров по глубокому снегу – даже в тяжелой меховой одежде. Но и быстрота чукотского бега также заслуживает немало удивления. Встречаются чукотские пастухи, которые в состоянии настичь самца оленя, бегущего вскачь. Правда, ламуты-охотники могут соперничать даже с диким оленем, бегущим изо всех сил. Некоторые из юкагиров могут бежать вровень с собачьей упряжкой на расстоянии 10–15 английских миль.

Девушки и молодые женщины у чукчей устраивают свои соревнования в беге и при этом проявляют азартность не меньшую, чем мужчины [29; 30].

Лесные ненцы очень любят игру под названием «Урони товарища». Игра проводится в зимнее время среди мальчиков и подростков 8–15 лет. Играют во время перекочевков, когда возникает необходимость согреться после долгого сидения на оленьей упряжке. Количество играющих не ограничивается. В начале игры выбирают водящего (жребием), обговаривают границы игрового поля (участка дороги).

Один из игроков, водящий, разбегается и, катаясь на одном колене, старается второй ногой, которая выпрямлена в колене, свалить кого-либо из играющих на снег. А этот игрок, в свою очередь, старается увернуться

---

<sup>9</sup> Приводится по кн. Н. И. Пономарева «Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания» [170, с. 175].

от подката или же устоять на ногах. Если же ему это не удастся и он падает на снег, то в этом случае он становится водящим. Лучшим считается игрок, которого не смогли свалить ни разу.

**Вариант игры.** Несколько игроков (2–3 человека) становятся водящими и стараются свалить подкатом кого-то из участников игры.

У эвенков бытует игра, свойственная только подросткам и взрослым (до брака). Она носит название «*Кунэли*» (сымские эвенки), «*Лэгэйхэчивкэ*» (олимпийские эвенки).

Молодежь делится на две группы (мужчин и женщин). Каждая группа стоит у своего дерева, которое считается матерью мужчин (матерью женщин). Затем подбрасывают маленькую палку, *кунэлиэун*. Группа, поймавшая ее, начинает игру. Все участники этой группы подбегают к дереву второй группы и палкой стараются его поцарапать; члены второй группы не дают это сделать и пытаются выбить палку из рук. Когда палка падает, ее берет кто-нибудь из второй группы, и игра продолжается.

К этому виду игр можно отнести и чукотскую игру «Соревнование по бегу» – «*Расвын-гын*» (*расвын* – игра, *гыргын* – бег). Она распространена как среди береговых чукчей, так и среди эскимосов. Бег на соревнованиях может быть с посохом и без него. Во время праздников выставляются большие призы, особенно когда соревнования происходят между тундровыми и береговыми чукчами. Тундровые чукчи обычно выставляют в качестве приза оленя. Когда борьба разгорается, все окружающие, увидев бегущих, кричат «Гой, гой!», подбадривая их.

В старину обычно праздник открывался таким бегом. В беге соревновались прямо на берегу. Призом служили моржовые клыки.

Своеобразным вариантом такой игры является игра «*Лыргыриен*». В ней участвуют только мужчины. Составляются две команды. Количество бегущих в каждой команде должно быть одинаковым. Бег проводится на большую дистанцию. Многие участники не выдерживают и выходят из игры. Победительницей считается команда, в которой больше бегунов доходит до цели.

Кроме того, у чукчей бытует состязание в беге – «*Айвакытконан*»; это бег с подъемом на гору и спуском с нее. Партия бегущих с посохами в руках поднимается километра два по долине ручья на крутую гору, переваливает ее, пробегает по противоположному склону, спускается на другую сторону лагуны и возвращается к поселку. Почти весь бег проходит на

глазах зрителей, которые сидят на камнях у яранг и мясохранилищ и, наблюдая за бегущими, дают критическую оценку тому или иному бегуну.

Когда выпадает рыхлый снег, у подножия горы устраиваются состязания в беге на короткую дистанцию с преодолением препятствий. В качестве препятствий используются огромные ребра гренландского кита, через которые каждый бегущий должен перепрыгивать. Иногда неловкий бегун сваливается в рыхлый снег и под громкий смех и язвительные замечания прекращает соревнование [124].

Юкагиры всегда были отличными бегунами на длинные дистанции. В. И. Иохельсон еще в конце прошлого века встречал на реке Ясачной бегунов, которые одолевали 7 км пути не запыхавшись [89].

У тундровых эвенков бытует игра «Озеро и черт» – «*Харги*». Играющие огораживают палочками два круга – «озера». Один из играющих валит на землю мальчика, изображающего черта, и сам убегает на «озеро». Все перебегают с одного «озера» на другое. «Черт» бегает за ними и вылавливает кого-нибудь. Он бросает пойманного на землю и делает вид, что высасывает кровь из головы. Пойманный игрок закрывает глаза и притворяется мертвым. После этого он становится товарищем «черта» и помогает ему ловить остальных. Игра продолжается до тех пор, пока не вылавливают последнего из игроков.

Здесь же широко распространена игра «в волка». Играющие очерчивают два круга и огораживают их палочками. Один играющий – «волк», остальные – «олени». «Волк» помещается между кругами, остальные – в одном из кругов. Когда играющие перебегают из одного круга в другой, «волк» ловит их и делает вид, что ест «оленья». В это время остальные бегут смелее. «Волк» должен поймать всех игроков [41].

Среди чукчей и коряков большой любовью пользуется игра с палочкой – *уттытъл* (чукот.), *уттыут* (коряк.). Участники, за исключением водящего, садятся в ряд. Держа в руке палочку, символизирующую ногу оленя, водящий подходит к каждому участнику и, положив ее ему на голову, спрашивает: «Наелся ли ты?». После ответа последнего из сидящих в ряду все участники разбегаются, а водящий их ловит по очереди.

У якутов также большой популярностью пользуются игры с бегом, например «Утки и гуси» – «*Кус-хаас буолар*». На сухом месте на поле (что для якутов равносильно понятию «на дворе» или «на улице») чертят две «воды», два «озера» (иногда выбирают два столба; схватиться за столб

означает спастись на «воде»). «Утки» и «гуси» садятся на этих «озерах» и «перелетают» с одного на другое. Уток и гусей изображают все играющие – за исключением одного, который называется «соколом». «Сокол» становится между двумя «водами» и ловит «уток» и «гусей» во время перелета (если «сокол» поймает «утку» («гуся») по дороге, следовательно, он ее (его) «съел»). Первый же пойманный должен лечь около «соколиного места»; он становится «соколиным яйцом»; второй пойманный тоже ложится; первый в этот момент уже встает на ноги и становится «соколиной самкой». Когда «сокол» поймает третьего, то второй в свою очередь встает на ноги и становится «соколиной самкой»; первый же становится «соколом». Когда поймают четвертого, третий становится «соколиной самкой», а второй «соколом». Впрочем, количество настоящих «соколов» не может быть больше трех; они вместе ловят всех «гусей» и «уток». Если «сокол» невзначай вступит на «воду», он «пропадает».

«Утка» или «гусь» иной раз вызывает сокола: «Поешь ли ты кадыкового жиру?». «Сокол» отвечает на это: «Потянемся!». И они схватываются средними пальцами; если перетянет «сокол», то «утка» «пропадает», и наоборот. Из «уток» последним остается, разумеется, самый быстрый и сильный игрок. Три «сокола» стоят против него. «Утка» задирает: «Поешь ли ты жиру кадыка?». Тогда «соколы» втроем нападают на «утку», и если «утка» втащит всех троих «соколов» в воду, то, значит, «утки» и «гуси» сильнее «соколов».

Другая подвижная игра с бегом – «Жмурки» – «*Харах симэр*». Одному из играющих, *тутаччы*, завязывают глаза, и он с завязанными глазами должен ловить остальных. Когда он переловит почти всех, остается, конечно, один, самый ловкий и быстрый игрок. Ловящий гоняется за ним и, если не может поймать, снимает с глаз платок и ловит без повязки. Если же и так не может поймать оставшегося игрока, то передает ему тех, кого сам прежде поймал, и тот должен их поцеловать. Если же *тутаччы* поймает всех, то целует сам, кого хочет, или же поручает кому-нибудь поцеловать по своему желанию. Заставляет, например, старика поцеловать молодую девушку или бедного человека – почетную женщину; из-за этого выходят нередко обиды, ссоры; жалуются на оскорбление старостам. Дело, как правило, оканчивается или ничем, или пустяками [76].

### Игры-соревнования с кольцами

Игры с кольцами имеют большое распространение среди различных народов Сибири. Они развивают быстроту реакции, ловкость, глазомер, точность, необходимую при метании. Все это качества, обязательные для промысловика.

В чукотской игре «Оккал» употребляются множество маленьких деревянных обручей различной величины и тонкая палка. Все обручи подбрасывают вверх и ловят на палку, сколько удастся. Затем их снимают попарно и возвращают в общую связку; если остается нечетный обруч, то он считается «убитым», отделяется от остальных и подбрасывается вверх; считается за счастье поймать его. Этот нечетный обруч дает право вторично ловить обручи. Если не поймано ни одного обруча или если поймано четное число обручей, играющий лишается дальнейшего права ловить обручи; игру начинает следующий участник. После того как все обручи «убиты», победитель имеет право дать побежденному по ладони его руки столько ударов игровой палкой, сколько очков он выиграл. Иногда вместо обруча бросают в воздух несколько палочек и ловят их рукой. Счет и правила этой игры такие же, как и в игре с обручами [30].

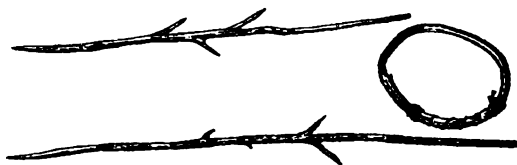
«Игра с кольцами» — «*Кусан юх*» распространена в с. Русскинской (сургутские ханты). Играют в эту игру летом в лесу на полянках мальчики и девочки. В игре принимают участие 6–8 человек. Для игры из веток тальника толщиной примерно 1 см изготавливают 5–6 колец диаметром 15 см и кольца длиной 90 см, толщиной 2–3 см (используются ветки сухостоя). Каждый игрок вбивает для себя кол на расстоянии 2–3 м от линии броска. Игроки становятся у линии напротив своих колец, держа в руке все кольца, и стараются по одному набросить их на кольца. Кто больше колец набрасывает на свой кол, тот становится победителем и считается самым метким и ловким игроком [108].

У нивхов бытует игра под названием «*Тутх лэк рд*» (*тутх* — это кольцо, свернутое из ствола тальника или другого кустарника). По правилам игры нужно либо, бросив кольцо, поймать его палкой, либо, бросив палку, попасть ею в кольцо.

В первом случае применяются два способа: «*кинх винд*» (брошенное поверху кольцо просто ловят палкой) и «*эспынд*» (брошенное кольцо ловят палкой и немедленно втыкают ее в снег вместе с кольцом). Во втором случае также применяются два способа: «*куркурунд*» (брошенная палка долж-

на попасть в кольцо и воткнуться в снег) и «кагзунт» (брошенная палка должна попасть в кольцо, но не воткнуться при этом в снег, а лишь придать кольцо). Играющие разделяются на две группы, которые выстраиваются в одну линию, но на определенном расстоянии друг от друга. Кольцо, по правилам, бросают вдоль линии. Группа, не поймавшая кольцо или не попавшая в него, теряет игрока. Он переходит в противоположную группу и становится в конец группы. Если в дальнейшем этот игрок поймает кольцо или попадет в него палкой, он возвращается в свою группу. Кольцо обычно бросают девять раз. На десятый раз, называемый «мхонд», играющие договариваются, каким способом будет поймано кольцо. Если группа поймает кольцо согласно уговору, она считается выигравшей. Если же нет, то игра начинается сначала.

Выигравшей считается та группа, которая заберет часть игроков противоположной группы и не возвратит их.



Игрушки нивхов для игры кольцами<sup>10</sup>

У манси большой любовью пользуется игра «Кольца» – «Кис». В этом состязании принимают участие только мальчики, подростки. Для состязания изготавливают из гибких веток копье длиной 70–80 см. Ветку подбирают такую, чтобы конец ее имеет много веточек, которые опиливают; ветка в разветвленной своей части должна быть равной диаметру кольца. Кольцо изготавливается также из гибких веток и равно 25 см в диаметре (толщина ветки – 1 см). Перед состязанием участники делятся на две команды. По жребию или договоренности одна из команд метает кольца, а другая бросает копья.

Команды встают на расстоянии 5–10 м друг от друга. Затем поочередно участники одной из команд подбрасывают кольца вверх-вперед в сто-

<sup>10</sup> Приводится по кн. «Традиционное воспитание детей у народов Сибири» [228, с. 103].

рону игроков с копьями, а те, бросая копья, пытаются попасть в кольца. После того как все участники бросят кольца и копья, подсчитывается результат соревнования, т. е. выясняется, кто больше поразил колец. В дальнейшем участники меняются снарядами (кольцами, копьями) и состязание продолжается. Побеждает команда, которой удастся точными бросками копий попасть в большее количество колец противника.

### *Игры – состязания в прыжках*

К играм, дающим физическую закалку, можно отнести также соревнование в прыжках. Такова игра «Тройной прыжок» – «*Ныренпенкои*». Распорядитель устанавливает метку, и каждый юноша пробует свои силы. Победителем становится тот, кто дальше всех прыгнул. Эта игра в настоящее время вошла в комплекс спортивных соревнований. В прошлом лучший прыгун одаривался ценным подарком. Тундровые чукчи получали приз – лахтачью шкуру или ремни, а береговые – оленью шкуру.

Игра «*Киглопэнко*» представляет собой прыжки на пятках. Участники руками держат носки своих ног и в таком положении перепрыгивают через метку вперед и назад. Кто совершил больше прыжков, тот считается победителем.

Значительное распространение у чукчей имеет игра «Прыжок лахтака» – «*Уньэль линкуй*». Исполнитель, опираясь на руки и носки ног, находится в горизонтальном положении по отношению к земле. В таком положении он прыгает вперед, в сторону. Соревнуются несколько юношей. Тот, кто сделает больше прыжков в таком положении, считается победителем. Иногда во время соревнований кто-нибудь из наблюдающих за состязанием начинает рассказывать смешные истории, которые выводят прыгунов из строя.

Другая чукотская игра с прыжками называется «Прыжки на корточках» – «*Валвытин кун*». Играют мужчины или мальчики. Игра направлена на развитие прыжковой выносливости. Игроки приседают на корточки и прыгают, подражая прыжкам ворона. Кто прыгает дольше других, тот и становится победителем [78].

Самобытная игра «Прыжки на моржовой шкуре» – «*Репальхагепкол*» (*репальхаен* – шкура, *пенкон* – прыгать) распространена только среди чукчей и эскимосов. Сухую моржовую шкуру растягивают; на концах ее делают прорезы, чтобы можно было держать шкуру руками. Один из юношей становится на середину, и его в таком положении подбрасывают вверх:



только тот считается ловким, кто может удержаться на ногах при приземлении. Иногда подбрасывают девушек. Ловкие девушки в тот момент, когда их подбрасывают в воздух, перебирают ногами, как будто шагают, и приземляются стоя [78].



Прыжки на моржовой шкуре<sup>11</sup>

Нередко прыжки на шкуре принимают характер состязания. Игроки выступают по двое, чаще всего юноша и девушка. Оба взлетают вверх, падают вниз; партнеры дергают шкуру, и снова прыгуны взлетают в вышину. Они держатся совершенно прямо, но горе тому, кто поскользнулся или даже наклонился в сторону: его подбрасывают вверх, он возвращается в наклонном положении, падает на шкуру уже не ногами, а лицом и снова взлетает в вышину – уже ногами вверх, головою вниз. После двух-трех подбрасываний один из соперников выходит из строя; на шкуру вступает другая пара и т. д. Потом состязаются победители, пока не остаются двое играющих, наиболее искусных. Женщины в этой игре искуснее мужчин: у них бедра шире. Победители получают приз, по местным меркам тоже довольно дорогой [29, с. 242].

Популярностью пользуются игры с разнообразными прыжками и у хантов. Так, у хантов юрт Каюковых дети играют в игру «Прыжки в высоту» – «*Неверты охрнам*». Играют в нее в летнее время на ровных площадках. Количество участников произвольное. Для прыжков специально подготавливают место, затем втыкают или вбивают в песок (землю)

---

<sup>11</sup> Приводится по кн. «Сибирский этнографический сборник» [13, с. 243].

палку длиной примерно 1,5–2 м, привязывают к ней веревку, другой конец которой держит судья или кто-то из старших. Вербку первоначально привязывают на высоту, доступную для преодоления всеми участниками игры. Игроки заранее договариваются, на какую высоту они будут поднимать веревку после каждой попытки. Один из участников (очередной) подходит к веревке, становится напротив нее, слегка приседает и затем, разогнув ноги в коленях с одновременным взмахом двумя руками вверх, перепрыгивает через веревку. Если игрок задевает веревку какой-либо частью тела, он выбывает из игры. После того как игроки выполняют по одной попытке на определенной высоте, судья поднимает веревку выше и состязания в прыжках продолжаются. Победителем становится тот игрок, которому удастся преодолеть наибольшую высоту.

**Вариант игры.** Игроки перепрыгивают через веревку с разбега (примерно с 10–15 м), отталкиваясь при этом обязательно двумя ногами.

Здесь же (юрты Каюковы) дети играют в игру под названием «Прыжки в длину с места» – «*Неверты*». Играют в нее в любое время года: летом – на песке или на мягком грунте; зимой – на снегу. Количество игроков произвольное. Обычно участники договариваются о том, сколько они будут совершать попыток – 2, или 3, или 5. В зачет идет только одна, лучшая, попытка. Прыжок или серию прыжков игроки выполняют по очереди. На земле (снегу) проводят стартовую линию, от которой совершаются прыжки. Участник становится перед этой линией и, не заступая за нее, принимает исходное положение – стоя на двух ногах, ступни ног при этом должны быть вместе и располагаться по направлению прыжка вперед. После этого он слегка сгибает ноги в коленях, как бы приседая, при этом делает взмах руками назад, отталкивается и совершает прыжок вперед, приземляясь на сомкнутые ступни ног. Длина прыжка замеряется по следам ног, точнее, по пяткам. Победителем становится тот прыгун, который прыгает дальше всех. Если прыгун во время приземления не смог одновременно коснуться земли двумя сомкнутыми ногами (ступнями), сдвинул при приземлении ступни или упал, прыжок не засчитывается.

У нивхов бытует игра «Прыжки в длину» – «*Тээн унд*». Эта игра проводится в передней части землянки, где свободно. Молодежь отмеряет на полу немалое расстояние и очерчивает его с двух сторон. Условия игры таковы. Перед первой чертой, обозначающей начало участка, становятся обеими ногами. Без разбега надо прыгнуть до середины отмеренного расстояния и замереть на одной ноге. Затем, стоя на одной ноге, надо прыг-

нуть дальше и удержаться уже на обеих ногах. Если играющий не допрыгивает до черты, он считается проигравшим; если перепрыгивает – выигравшим. При этом замеряют, насколько он прыгнул дальше черты. Если играющий падает на спину, прыжок замеряют по тому месту, где оказались ноги.

Состязаются нивхи и в прыжках в высоту. Эта игра называется «Подниматься к ремню» – *«Настох мард»*. В передней части землянки двое юношей, став на небольшом расстоянии друг от друга, растягивают между собой тонкий тюлений ремень. Сначала они его поднимают на уровень пояса и ждут, кто выйдет прыгать. После первого удачного прыжка ремень поднимается до груди, потом до шеи, до рта, до глаз, до бровей, до края волос надо лбом. Затем ремень поднимается на уровень макушки. Если прыгун берет и эту высоту, то на голову кладут палец и поднимают ремень уже на эту высоту. Далее высоту прибавляют на один палец до тех пор, пока ремень не будет поднят на высоту головы и ладони, поставленной на нее ребром. Это – предельная высота; выше ее ремень уже не поднимают. Задача прыгающего состоит не в том, чтобы перепрыгнуть через ремень, а лишь в том, чтобы допрыгнуть до ремня и коснуться его носками обуви. Для этого требуется не только высоко прыгнуть, но и высоко выбросить вперед ноги, которые обязательно должны быть сомкнуты.

У ульчей практикуются прыжки на одной ноге с разбега – *«Деокачи»* (от отметки делают всего четыре прыжка), *«Дэрикэчи»* (делают два больших прыжка, отталкиваясь обеими ногами), *«Пэкуеу»* (прыгают на четвереньках через веревку, которую крутят два человека). Есть мастера, которые прыгают через крутящуюся веревку, лежа на боку, на спине, на животе.

У ваховских хантов мы записали игру «Прыжки через нарты» – *«Ликэрээтлоки рюхли»*. Играют в нее в зимнее время возле домов. Количество игроков не ограничивается. Ставят нарты длиной 2,5 м, шириной 1 м, высотой 50–60 см. Один из игроков встает лицом к нартам (в непосредственной близости от них) и, оттолкнувшись обеими ногами с одновременным взмахом руками вверх, перепрыгивает через нарты. Затем после приземления на две ноги одновременно он без задержки поворачивается прыжком кругом на 180° и перепрыгивает нарты обратно – и т. д. Кто больше совершает прыжков, не нарушая правил, тот и становится победителем.

Казымские ханты состязаются в прыжках сразу через 5–7 нарт, которые расставляются на расстоянии 60 см друг от друга. По правилам со-

режнований, задерживаться при приземлении нельзя, как нельзя и касаться нарт какой-либо частью тела. Эта игра у казымцев называется «Эхалэлты наварты».

Подобная игра распространена и у шурышкарских хантов под названием «Угл-наурты» [108].

Якуты прыгают по-разному: двумя ногами вместе, по-заячьи (*куо-бахты*), на одной ноге (*кылыйсы*), по очереди правой и левой ногой. Последний вид состоит из 6, 8 и большего количества прыжков.

Среди лесных ненцев бытует игра-соревнование «Тройной прыжок» – «Хамунлукма». Соревнование проходит в летнее время на ровных площадках. Участники – мальчики 10–14 лет и, часто, взрослые. Количество участников не ограничивается. Перед началом соревнования на песке проводят линию, от которой выполняются прыжки.

Первый игрок встает как можно ближе к линии, на нее однако не наступая. Ступни ног должны быть вместе, носки направлены вперед. Сгибая ноги в коленях и отводя руки назад, участник за счет быстрого разгибания ног в коленях и одновременного маха обеих рук вперед-вверх выпрыгивает вперед. После этого он должен приземлиться на одну (любую) ногу и, сразу оттолкнувшись ею и вынося колено другой ноги вперед, приземлиться на две ноги. Затем он отталкивается двумя ногами, прыгая последний раз, чтобы приземлиться на две ноги. После этого кто-нибудь из участников проводит линию на месте его приземления (по последней точке касания к месту отталкивания). Затем поочередно прыгают остальные участники. Побеждает тот участник, которому удастся прыгнуть дальше всех.

Увлекательным занятием для хантыйской молодежи различных стойбищ и юрт являются прыжки с шестом в высоту, которые имеют воспитательное и прикладное значение. У ваховских хантов эта игра называется «Прыжки с валиком» – «Вялехна тантэ хелелтехе вослы». Прыжки проходят обычно на песчаном берегу реки. Для игры натягивают веревку между двумя кольями, деревьями. Для прыжков используют *валик* (шест для управления оленьей упряжкой). Игрок отходит на расстояние 15–20 м от веревки, берет в руки валик (одной рукой за верхнюю часть, другой – на 70–80 см ниже) и, разбежавшись, упирается валиком в песок в непосредственной близости от натянутой веревки. Далее он отталкивается ногой, подтягивается на шесте руками и старается как можно выше выбросить ноги вверх через веревку, чтобы перепрыгнуть через нее. Касаться ве-

ревки любой частью тела запрещено. После этого по порядку прыгают остальные игроки. Если высоту берут все участники игры, веревку поднимают выше и игра продолжалась. Игроки, которые не смогли взять высоту после трех попыток, выбывают из игры. Победителем становится тот, кто преодолевает максимальную высоту.

### *Игры – состязания в беге на лыжах*

Ваховские ханты после возвращения с охоты (в феврале, марте) устраивают игру «Бег на подволоках» – «*Нимэлна кэсылли*». Играют на краю села. Специально выбирают место с глубоким снегом. Участвуют молодежь и взрослые мужчины. Количество игроков – от 5 до 10 человек. Судят игру обычно старики. Длина дистанции 1–1,5 км. Каждый участник игры имеет охотничьи лыжи. Игроки встают в линию и по команде судьи начинают бег до противоположного края деревни, где обычно находятся судьи; финишем служит какой-либо предмет (дерево, колодец, камень и т. д.). Кто первым прибегает к финишу, тот и становится победителем.

### *Игры – состязания в стрельбе из лука и метании копья*

В повседневной деятельности ненцев, манси, хантов, селькупов, юкагиров и др. используются различные разновидности оружия, особенно клинки, луки и стрелы, копья, ружья. Владение этими видами оружия является обязательным для всего мужского населения – с учетом возраста.

Стрельба из лука – одно из важнейших средств народного физического воспитания, она хорошо развивает глазомер, тонкое мышечное чувство, физическую ловкость, выдержку, силу руки и кисти (для натягивания тетивы требуется достаточно большая сила) и т. д. Что касается соревновательного характера стрельбы из лука, то она одинаково интересна как для участников состязания, так и для зрителей. В этом, если коротко, и заключается общепедагогическое значение стрельбы из лука как вида спорта.

Широко распространены среди детей чукчей и эскимосов игры, связанные со стрельбой из лука, например «Лучший охотник». Заключается она в следующем. На определенном расстоянии устанавливаются палочки-мишени (воображаемые олени), после чего стрелки-охотники начинают стрелять из луков из разных положений: с колена, лежа, стоя. Лучший охотник определяется по наибольшему количеству попаданий стрел в мишень.

Другой вариант игры с луками – более сложный. В ней принимают участие юноши, наиболее развитые физически и подготовленные к обращению с луком и стрелами. Перед началом игры создаются две команды: одна изображает «олений», другая – «охотников». «Охотники» начинают игру, посылая стрелы в «олений». «Олени» должны показать свою ловкость – вовремя увернуться от стрелы, скрыться или поймать стрелу. Игра продолжается до тех пор, пока не «ранят» всех «олений», после чего команды меняются ролями.

Самая распространенная игра у взрослых бурят – «Стрельба из лука», «*Сура-Харбаху*». В прежние времена она имела более практическое, жизненное значение, поскольку лук был единственным орудием стрельбы – как военным, так и промысловым. Впоследствии же, когда изменился строй жизни бурят, упражнения эти сохранили лишь характер общественных игр.

Луки делаются из пластинок бычьих рогов, скрепляются жилами и оклеиваются берестой. С ранней весны, как только сходит снег, и природа оживает, буряты берутся за свое оружие, приготавливают тетивы, направляют или делают новые *томары* (стрелы с головкой на конце) и *суры* (кожаные, набитые волосом цилиндрические фигуры). Каждый стрелок, кроме лука, должен иметь до 4 томаров и до 4 сур. Участвующие в игре, разделившись на две партии, ставят в линию по 2, по 3 или 4 суры каждый, затем от линии сур на расстоянии 1,5 лука по обеим сторонам проводят черты; на расстоянии 35–40 луков от одной из них снова проводят черту, параллельную предыдущей, и стрелки одной партии становятся на нее. Установившись очередь, они начинают стрелять, причем стараются попасть так, чтобы стрела, ударив в сур, упала не ближе черты, а сур вылетел за вторую черту, – тогда он считается выбитым. С уменьшением числа сур стрелки приближаются. Когда остается 8 сур, они бьют с расстояния 30 луков, а при 4 сурах – 20 луков. После первой партии начинает стрелять вторая. Случается нередко, что такие состязания в стрельбе устраиваются между двумя улусами. Каждый улус выбирает лучших стрелков, которые до наступления дня состязания упражняются в стрельбе. Участники игры собираются из разных улусов в условленный заранее день, игра привлекает много гостей и посторонних зрителей; пестрая, разряженная толпа оживает улус, где назначено состязание, и этот день является для него днем веселого праздника.

У бурят, живущих по Якутскому тракту (кудинские, капсальские и верхоленские, а также ольхонские и ленские), с давних времен существует так называемый праздник стрельбы (*хурхарбаха*), тогда как буряты, живущие вдоль Московского тракта (балаганские, аларкисские и идинские), вовсе его не знают. Этот праздник бывает раз в году, весной, когда растает снег и наступает тепло.

Праздник стрельбы у бурят проводится по одним правилам, хотя несколько родов имеют свой отдельный праздник стрельбы; так, например, у одних кудинских бурят их насчитывают до шести разновидностей.

В Бурятии имеет распространение первичный, «монгольский», или естественный, способ стрельбы, причем применяют его те стрелки, у которых очень сильны пальцы рук; они могут натянуть тетиву. Правда, с точки зрения бурят, этот способ имеет один недостаток: при нем рука получается как бы длиннее и как будто эта длина мешает стрельбе. В Бурятии применяются также «средиземноморский» способ натягивания тетивы и его разновидности, предполагающие использование не трех, а двух пальцев. В данном случае приняты различные способы захвата стрелы указательным и средним пальцами. Больше всего этот способ распространен среди детей.

Кроме типичных «монгольского» и «средиземноморского» способов натягивания тетивы с их разновидностями в Бурятии зафиксирован еще один способ, который по приемам удержания стрелы и натягивания тетивы отличается от описанных в литературе.

Этот способ предполагает захват стрелы большим и средним пальцами, причем она придерживается боковой стороной указательного пальца. Натягивание тетивы, по существу, происходит всеми пальцами одной руки.

Последний способ заключается в том, что тетива натягивается с помощью специального приспособления. Этой цели служит деревянное незамкнутое либо железное овальное, замкнутое кольцо, которое надевается на среднюю часть правой кисти (если кольцо деревянное и незамкнутое, то прорезь кольца находится со стороны мизинца). Для натягивания тетивы стрелок зацепляет задней частью полукольца за среднюю ее часть и оттягивает вместе со стрелой назад (стрела при этом способе удерживается так же, как и при «монгольском» способе) [127].

У хантов и манси также большой популярностью всегда пользовались состязания в стрельбе из лука. Этот факт подтверждается историче-

Подобная игра бытует и среди лесных ненцев. Она называется *«Лу-китена найтулахам»*. Мальчики и взрослые состязаются летом на открытом месте – на большой лесной поляне, дороге. Для состязания изготавливают лук из комлевой части сосны, кедра эллипсоидной формы длиной 1,5 м, диаметром 3 см. Тетиву изготавливают из оленьих жил или капроновой нити. Стрелы делают из этого же дерева. Длина стрелы – 70 см, окружность – 1 см.

Два участника встают напротив друг друга на расстоянии 60–100 м и поочередно пускают стрелы вперед-вверх в сторону соперника. Если стрела не долетает до стоящего напротив участника, он подходит к упавшей стреле, а стрелок, выпустивший стрелу, отступает на это расстояние назад. Участник, подобравший стрелу, выпускает ее в сторону напарника, стараясь заставить соперника отступить назад и т. д. Побеждает тот, кому удается отгеснить соперника на большее расстояние.

У хантов существует ряд групповых и командных игр – состязаний в стрельбе из лука, в которых участвуют подростки и взрослые охотники. Эти игры и состязания позволяют не только поддерживать профессиональное мастерство, но и добиваться виртуозности во владении этим древним оружием. И, как утверждает Г. Дмитриев-Садовников, «...подобными упражнениями остяки еще добиваются того, что, сидя в неустойчивом облаке, метко бьют показавшуюся мгновениями утку, сшибают взлетевшую крупную птицу...» [71, с. 13–14]. Он же сообщает об умении хантов поражать дичь на дальнем расстоянии перекидной стрелой.

У ербогоченских эвенков бытуют следующие состязания:

- Стрельба тупыми стрелами. Стреляют в ледяную стену толщиной около 2 м, высотой до 1 м. Пробивший стену насквозь считается выигравшим.

- Стрельба в шест. Для игры выбирают ровную площадку на снегу, делают ямку и в 50–80 шагах от нее вбивают кол. По очереди тупыми стрелами стреляют в шест.

- Стрельба в обруч или шар. Посредине чистой площадки проводят черту, в конце ее становится судья с обручем из тальника. По команде он бросает обруч вдоль черты. Играющие должны попасть в этот катящийся обруч. Выигрывает тот, чьих стрел попало в обруч больше [41].

Стреляют из лука в мету; в пари идет ровдужный ремешок. В сказках этой игрой развлекаются даже на небе – среди больших собраний. Метой



скими свидетельствами. Так, например, в XIX в. О. Финш и А. Брэм, путешествуя по Западной Сибири, отмечали наличие искусных стрелков из лука среди хантов и манси [229].

У манси Березовского района бытует игра-состязание «Стрельба из лука по палочкам». Состязание проводится в летнее и зимнее время на утопанных ровных площадках. Участвуют в состязании подростки 10–14 лет, а иногда и взрослые. Продолжается это состязание порой несколько часов подряд. Участники образуют две команды по 3 человека в каждой. Каждый участник имеет лук и определенное, по договоренности, число стрел. Для состязания изготавливают из елки или березы палочки – мишени длиной 15–20 см, шириной 3 см, толщиной 2–3 см. Семь палочек-мишеней ставят плотно в один ряд на расстоянии 1 см друг от друга, втыкают в землю или снег так, чтобы они падали при попадании стрелы. Напротив, на расстоянии 25 м от них, также устанавливает семь палочек другая команда.

По жребию или договоренности между собой одна из команд встает в ряд спиной к своим палочкам-мишеням и начинает стрелять из луков по мишеням противника. Каждый участник выстреливает определенное количество стрел – по договоренности. Затем стреляет другая команда. После того как обе команды «отстрелялись», все участники состязания подходят к палочкам-мишеням и подсчитывают количество сбитых палочек-мишеней. Команда, которой удастся выбить больше палочек-мишеней, становится победительницей.

Правила другой игры со стрельбой из лука мы записали у сургутских хантов (с. Русскинская). Она здесь называется «Стрельба из лука на дальность». Для этой игры требуется открытое место (дорога, большая поляна). Участвуют в игре только мальчики. Количество игроков произвольно. Каждый участник имеет свой лук и стрелы с острым наконечником и оперением на конце. Стрелки метят свои стрелы, чтобы потом можно было определять стрелу победителя. Играющие стреляют по очереди вперед, стараясь пустить стрелу как можно дальше. Тот, чья стрела улетела дальше, становится победителем.

**Вариант игры.** Стрельба производится всеми участниками одновременно и вверх. Тот, чья стрела падает на землю последней, становится победителем. Игра способствует развитию силы рук, плечевого пояса, глазомера; воспитанию выдержки и самообладания; обучает знаниям и умениям, необходимым охотнику.

становится кость, а призом – девица, например дочь Солнца. Обыкновенно никто не может попасть, пока не придет, например, герой со среднего места (земли); он попадает сразу, берет девицу и едет дальше [29].

Игры с копьем имеют древние традиции. Еще недавно чукчи и эскимосы охотились с копьем на медведей. Сейчас копыя хранятся в некоторых семьях как реликвии. При игре с копьем юноши, собравшиеся на праздник, соревнуются в ловкости: один из игравших подбрасывает вверх палочку, которую другой должен поймать на острие копыя. Иногда подбрасывается череп зайца (в этом случае пытаются попасть в глазницы или в пасть). У эскимосов эта игра называется «Уккаль».

В этих играх, как и в предыдущих, вырабатываются качества, необходимые охотнику, – выносливость и ловкость [78].

### *Игры – упражнения в поднимании, переноске и бросании различных предметов*

У нанайцев большой популярностью пользуются игры с поднятием тяжести. Так, например, у них бытует игра под названием «Подъем тяжести» – «Хуйгечи». С этой целью используются тяжелые камни или наковальня; могут также употребляться и другие предметы. Соревнование проходит между двумя группами молодежи. Побеждает самый сильный. Соревнование имеет три степени трудности:

- оторвать тяжесть от земли;
- поднять тяжесть до груди;
- поднять тяжесть над головой.

Поднятие и ношение тяжести развивает у мальчиков и юношей необходимую для охотника силу и умение при любых условиях доставить добычу или часть ее в свое жилище, на каком бы расстоянии ни был убит зверь [186].

Тренировка в поднятии и ношении тяжестей начинается с восьми-девятилетнего возраста. Мальчику сначала дают камень, который он может приподнять самостоятельно с земли, и предлагают несколько раз пройти вокруг жилища или же по заданному направлению. Из месяца в месяц, из года в год вес камней увеличивается, а расстояние удлиняется. Тренирующийся подросток уже не просто несет камень, а должен бежать с ним, перепрыгивая через препятствия.

Интересно и необычно начало соревнований на *гэчеваттэнс* – это состязание на поднятие тяжести. Участник соревнования ложится животом на землю, и на его спину кладут камень. Два человека встают у головы и два – у ног. Они приподнимают соревнующегося и по мере его возможностей добавляют на спину камней. Победителем считается тот, кто выдержит большую тяжесть.

Упражнения в поднимании камня выполняются различными способами и на различную высоту. В одних случаях его приподнимают обхватом до колен, в других – с помощью колен до груди; некоторые (очень сильные) могут переносить его на несколько шагов и даже возвращать на прежнее место.



Тренировка с камнем<sup>12</sup>

Подниманием тяжестей в Сибири занимались на специальных площадках: *шахадзибэ* (у эвенов), *гэчеватын*, *вуквутын* (у чукчей), *яхта-хар* (у хантов) и пр. Для этой цели там лежат специальные камни различного размера, и в праздники или в свободное от работы время сельчане состязаются в их поднимании. По условиям состязания камень необходимо поднять на забор и снять его обратно. Победителем считается тот, кто поднимает самый тяжелый камень.

---

<sup>12</sup> Приводится по кн. В. Г. Богораза «Материальная культура чукчей» [30, с. 192].

По материалам источников и на основе собранного нами этнографического материала мы можем составить ясную картину применения самых различных способов выполнения упражнений с камнями и другими тяжелыми предметами у многих коренных народов Сибири.

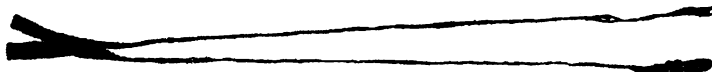
Например, «*Инулупхтак*» – подбрасывание двух-трех камешков. Эта игра похожа на жонглирование.

На морском побережье считается увлекательной следующая игра. На камень устанавливают череп небольшого кита, а рядом с ним – камень, смазанный жиром. В игре участвуют две команды, которые встают по обеим сторонам черепа на расстоянии 2 м и поочередно бросают в него камни. Когда кто-то попадает в череп, все бросаются к камню, смазанному жиром, чтобы схватить его и утащить (камень символизирует загарпуненного кита). Побеждает та команда, чей игрок утащил камень.

Метанию камней из пращи и метанию *бола* чукчи уделяют большое внимание. В этих видах спорта они добиваются необычайной ловкости и меткости. В приморских поселениях отводится специальное место для метания камней из пращи. Там же устраиваются состязания по броскам камня на дальность и меткость.

Состязания по метанию камней из пращи проводятся только в летнее время. Метатели становятся в один ряд по три-четыре человека и метают камни в цель или на дальность. Для метания используются галечные камни, хорошо отшлифованные водой и имеющие удобную для броска форму.

До недавнего времени для детей береговых чукчей праща становилась спутником с самого раннего возраста. Они тренировались в метании камней в прибойную волну, метали камни в пролетающих птиц и тем самым вырабатывали меткость, укрепляли сухожилия рук. Пращу – это нехитрое орудие охоты – можно было видеть у каждого чукчи на поясе еще в 1937–1940 гг. В настоящее время этот предмет утратил свое хозяйственное значение и употребляется только в детских играх.



Праща<sup>13</sup>

---

<sup>13</sup> Приводится по кн. «Сибирский этнографический сборник» [13, с. 198].

Не меньшее значение имело раньше метание бола, которое использовалось для ловли перелетных птиц.

По своему устройству бола отличается от пращи. Это орудие представляет собой связку шнурков с косточками на концах. Перед броском охотник проводит пятерней по шнуркам, распутывая их, собирает вместе в левой руке косточки, наводит на цель и резким взмахом правой руки метает в пролетающую стаю уток. В воздухе косточки разъединяются, и бола походит по форме на парашют. Достаточно утке слегка коснуться крылом одного из шнурков, как она моментально окутывается бола и живая, но скованная в движениях падает на землю. В стае охотнику часто удается опутать сразу двух уток, а некоторые достигают такой меткости, что без труда сбивают в лет утку-одиночку.

Бола находит частичное применение и в настоящее время, особенно в селениях, расположенных вблизи моржовых лежищ. С началом скопления моржей на лежищах в окрестностях запрещается какая-либо стрельба; тогда многие охотники переходят на лов уток с помощью бола.

Специальных состязаний по метанию бола не проводится, так как объектов для тренировки больше чем достаточно: утки летают все лето огромными стаями. Но все же иногда ради развлечения устраиваются соревнования «Ченкачет» — по броску бола на расстояние и в высоту.

В апреле чукчи и эскимосы с удовольствием включаются в игру с камнями — «Эмеюручит». Соревнуются две команды. Игра заключается в следующем: китовое ребро устанавливают на определенном расстоянии от играющих. В него бросают камень-гарпун. Если играющие попадают в ребро, то бегают с большим камнем и бросают его в сторону; это означает, что «кита убили». Если «кита», т. е. большой камень, отнимает другая команда, то «кит» считается потерянным.

Такое развлечение, как «Обменная игра» — «Пыньлыкутеткун», устраивают летом. Из моржового хряща делают небольшой шарик. Возле яранги на безветренное место ставят на землю ровный камень. Одна из женщин предлагает начать обмен. В руках она держит разные вещи: *торбаза*, *камусы*, перчатки. В игру вступает другая женщина, которой понравились, например, белые камусы. Первая женщина начинает бросать шарик о камень, а та, которая наметила себе белые камусы, пытается его поймать. Если она забирает камусы, то обязана принести свой подарок, не менее ценный. В эту игру-обмен могут включаться все, кто хочет; когда

игра заканчивается, шарик остается у той женщины, которая начала игру. В игре принимают участие только женщины. Сейчас, впрочем, основной смысл этой игры утерян, и игра с моржовым шариком превратилась в детскую забаву.

В п. Каюково (сургутские ханты) мы записали состязание, которое здесь называют «Толкание камней» – «*Ков лякты*». Для этих состязаний специально привозят камни весом от 10 до 30 кг, которые находят по берегам рек. Состязаются в летнее время на песчаном берегу подростки, юноши, мужчины. Каждая возрастная группа толкает камни определенного веса. Все участники толкают один и тот же камень в своей возрастной группе. Количество совершаемых попыток обговаривается заранее. На песке (земле) проводят линию, от которой толкают камни. Участник берет камень, подходит к линии, располагает камень у плеча (любого, как ему удобно), отводит плечо с камнем слегка назад и совершает толчок, посылая камень как можно дальше вперед. Расстояние, которое пролетает камень, замеряют шагами, а на месте приземления камня кладут или втыкают палочку. Побеждает тот игрок, который дальше всех толкнул камень. Если участник во время выполнения упражнения и после его завершения наступил на линию отталкивания или заступил за нее, попытка не засчитывается. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы, ловкости, быстроты движений; воспитанию настойчивости и выдержки.

Сведения о состязаниях в толкании камней довольно часто встречаются в сказках, героических сказаниях и былинах народов Сибири. Все это говорит о древнем происхождении многих игр-состязаний, а также о том, что в народных играх отражается быт, хозяйственная и промысловая деятельность этих народов.

Жители с. Тайлаково (сургутские ханты) любят в свободное время поиграть в игру «Метание чурбана» – «*Янтын*». Играют в теплое время года. Количество участников не ограничивается. Для проведения игры изготавливают чурбан из березы или кедра длиной 1 м и диаметром 40–50 см. На одном из концов чурбана выстругивают ручку, отсекая лишние куски дерева. Затем ее хорошо зачищают от неровностей. В диаметре ручка достигает 4–5 см, а длина ее доходит примерно до 30–40 см. Количество попыток метания чурбана обговаривается до начала игры. Его бросают все участники игры по очереди. На земле проводят линию, от которой метают чурбан. Участник игры берет одной рукой чурбан за ручку, подходит

к линии и старается бросить его как можно дальше вперед. Место падения чурбана отмечается (кладут палочку или небольшой камешек). Кто бросает чурбан дальше других игроков, тот и становится победителем. Игра способствует развитию и совершенствованию силы рук, плечевого пояса; воспитанию настойчивости, упорства.

Другую игру с метанием мы записали в с. Русскинская (сургутские ханты). Ее название «Броски палки на дальность» – «*Юх тахта*». Игра проводится в любое время года на ровном месте. В игре участвуют только молодежь и мужчины. Количество игроков произвольное. Каждый участник имеет свою палку, чаще сосновую, длиной 60 см, толщиной 5 см. Игрок берет палку за один конец, подходит к отметке, от которой производится броски, и, выполнив взмах через сторону, бросает ее как можно дальше вперед. Кому удастся бросить палку дальше других игроков, тот и становится победителем. О количестве бросков играющие договариваются заранее. Игра способствует развитию и совершенствованию силы рук, плечевого пояса, ловкости, воспитанию настойчивости, целеустремленности.

У чукчей существует и такой вид тренировки с камнями. Охотник ложится животом на гальку, вытягивает руки и ноги. На него кладут определенного веса камень; четыре человека, ухватившись за руки и ноги, слегка приподнимают лежащего. Он должен выдержать нагрузку. Вес камня с каждой попыткой увеличивается, пока не достигает своего предела. Приз получает тот, кто справляется с самыми тяжелыми камнями.

### *Игры с косточками*

Широко распространена игра «в лодыжки» – *шагаи*. Для этой игры употребляются преимущественно бараньи лодыжки (как наиболее легкие). Ранее она была принята не только среди бурятского населения Забайкалья, но и среди русских (играли преимущественно дети). В европейской части России эта игра была популярна практически повсеместно. Здесь она называлась игрой «в лодыжки», «*Кача*» и «*Гзири*».

Игра в шагаи у забайкальских бурят практикуется между взрослыми как азартная денежная игра, а между детьми как забава. В некоторых вариантах этой игры имеет значение, какой стороной упадет лодыжка. Стороны эти носят следующие названия: «*горбок-буху*», противоположная сторона

с ямкой – «хото»; гладкий бок – «мори» или «тэмэ», бок с углублениями – «ухыр» или «буху».

В игре «Хомпора-Дахо» принимают участие не менее 2 человек. Берут 3 лодыжки и, условившись, на что играют, бросают по очереди. У кого все шагаи лягут вверх тэмэ или буху, или частью тэмэ, тот берет выигрыш. Если же шагаи лягут одинаково у двух и более человек, они перебрасывают, пока у кого-либо не получится наибольшее число шагаев, лежащих вверх тэмэ. Эта игра напоминает монгольскую «Буху – Барильджа».

В игре «Двадцать лодыжек» – «Арбунг-Хоир – шагай» количество играющих не ограничено. Берут 12 шагаев и для установления очереди их подбрасывания поступают следующим образом: у кого больше шагаев ляжет вверх стороной буху, тот и начинает игру; далее очередь идет в нисходящем порядке соответственно количеству лодыжек, упавших вверх стороной буху. Играющий берет все шагаи и, поднявши их четверти на две или три, бросает; затем откладывает все буху, опять бросает и снова отбирает. Таким образом он продельвает до 12 раз. Если же в продолжение 12 раз ему удастся выбрать все шагаи, то выигрыш считается за ним, а игра должна начаться заново. Если шагаи остаются после 12 раз, то принимается бросать шагаи следующий по очереди. Если же никому не удастся выбрать все шагаи, выигрыш достается тому, у кого таких шагаев наибольшее количество.

В игре «Хитрицах» играющие, расположившись в кружок, берут по равному количеству шагаев. Очередь устанавливается так же, как и в предыдущей игре. Первый по очереди берет все свои шагаи в руку, подбрасывает их и ловит тыльной стороной кисти руки, опять подбрасывает и ловит горстью. Пойманные шагаи откладываются в сторону, а те, которые не были пойманы или скатываются с руки, должны быть подобраны так: подбрасывают один шагай, «цохо», и, схватив с земли столько шагаев, сколько было поймано первый раз, ловят падающий цохо. Если игроку не удастся поймать цохо на лету, играет следующий по очереди. А если играющий поднимает шагаи, подбрасывая цохо, он откладывает один шагай как выигрыш и продолжает игру, пока не обронит цохо, после чего начинает все это продельвать следующий по очереди. Такая же игра бытует и у русских, но исполняется она не лодыжками, а камешками и называется игрой «в ляпки».

«Шагыльцохо» – игра, аналогичная «Хитрицах», только здесь шагаи раскладываются на некотором расстоянии друг от друга; затем игрок сразу



начинает подбрасывать вверх цохо, беря снизу шагаи, сколько удастся захватить в горсть, и ловя цохо той же рукой. Если игрок уронил цохо или сдвинул с места лежащие шагаи, не захватив их в горсть, игра передается другому.

В игре *«Пальняхъ-Дахо»* количество играющих произвольно; каждый игрок берет 6 шагаев и бросает; у кого больше выпадет буху, тот и берет выигрыш. Очередь не устанавливается, так как здесь первенство не имеет значения. Каждый кидает по одному разу.

Игра *«Табу-Надонъ»* употребительна преимущественно среди бурятской молодежи. Она требует от играющих значительной ловкости. Играют пятью шагаями; количество играющих не ограничивается. Все игроки садятся в кружок; один берет шагаи в правую руку, подбрасывает цохо сверху, хватает с земли 4 лежащих шагаи и той же рукою ловит падающий цохо. После этого опять подбрасывает цохо, а остальные 4 шагаи кладет на землю; далее, все подбрасывая и ловя цохо, в промежутках поднимает сначала 3 шагаи, и затем, удерживая их в руке, один оставшийся; кладет все 4; потом таким же образом схватывает по два; наконец, один и остальные три; затем проводит перед собой черту; подбросив цохо, кладет шагаи на землю и ловит цохо, снова подбрасывает его, хватая снизу один шагай и, перекинув его через черту, ловит падающий цохо. Это повторяется до тех пор, пока не будут переброшены через черту все четыре шагаи.

После этого, подбросив цохо вверх, берут с земли один шагай и, придерживая его в горсти безымянным пальцем, большим и средним пальцами ловят падающий цохо, после чего, не изменяя положения руки, шагаи, схваченный с земли, подбрасывают вверх, а цохо кладут на землю и опять-таки большим и средним пальцами ловят последующий шагай. Такой обмен шагаев и цохо продолжается до тех пор, пока не переберут по одному все 4 лежащих шагаи. Покончив с этим, снова подбрасывают цохо и, схватив снизу один шагай, ловят в ту же горсть падающий цохо, причем стараются поймать его так, чтобы он не стукнулся в горсти о схваченный шагай; после этого шагай откладывают и то же самое проделывают с остальными. Этот прием повторяется два раза. В следующие два раза падающий цохо должен удариться о шагай, находящийся в руке.

Потом берут все 5 шагаев в руку и, подбросив цохо вверх, остальные 4 шагаи кладут на землю и ловят падающий цохо; снова подбрасывают его, берут с земли все шагаи и в ту же руку ловят падающий цохо. Таким

образом, подбросив вверх 2 шагая, 3 кладут на землю и ловят падающие 2 и потом снова их подбрасывают, берут с земли лежащие 3 шагая и ловят падающие в ту же горсть. Потом подбрасывают по 3, по 4; наконец, бросают все 5 шагаев и ловят их.

В качестве последней операции кладут на землю 4 шагая и на расстоянии полуаршина от них проводят черту; затем, захвативши безымянным пальцем левой руки указательный так, чтобы средний приходился сверху их, ставят руку между чертой и шагаями, касаясь земли только большим и средним пальцами и образуя проход; подбросив цохо вверх, схватывают лежащие на земле шагаи, бросают их в проход, образованный левой рукою, так чтобы все 4 шагая перелетели через черту, и ловят падающий цохо. Этим игра и заканчивается. Выполнивший все эти приемы выигрывает. Если же подброшенный вверх или один из лежащих на земле шагаев остается не схваченным, то игра проиграна. Проигравший кладет свою руку вверх тыльной стороной кисти, а выигравший, подбрасывая и ловя цохо, в промежутках сначала ударяет кулаком по подставленной руке, а потом царапает ее.

В игре «*Шагай – Харбоху*» у восточно-забайкальских бурят требуются следующие принадлежности:

- доска – *хантагай модо* (длина – 140 см, ширина – 17 см);
- брусок – *харабуль* (длина – 33 см, ширина – 3 см);
- костяная палочка – *жорхо* (длина – около 8 см, ширина – 1 см, толщина – 0,5 см). Палочка эта вкладывается в паз бруска и сбрасывается щелчком среднего пальца, который кладется при этом под указательный.

Количество играющих не ограничено. Они делятся на две партии, но собственно для исполнения выбирают несколько человек – до шести – из каждой партии. Со стороны каждой партии кладут доску; на нее ставят по 12 шагаев, причем располагают их так: 10 шагаев в одну линию вверх стороной мори, в середину – стороной буху; а на него – так называемый «ток», который по цвету отличается от прочих шагаев. Играющие размещаются по обе стороны доски поровну. Садятся с подогнутыми ногами, причем левую ногу несколько выдвигают вперед; на носок ее кладут харабуль, в паз которого вложена костяная палочка, жорхо. Харабуль придерживают левой рукой, а правой сбрасывают жорхо, щелчком направляя его в шагаи. Иногда харабуль держат на ладони левой руки, не опираясь на но-

гу. Когда же играет девушка или женщина, она становится на правое колено, а на левое кладет харабуль. Очередь определяется для каждой стороны обеих партий по количеству буху из трех брошенных шагаев. Играющие «стреляют» с одной стороны до тех пор, пока не собьют все шагаи, стоящие против них на доске; после этого «стреляет» другая сторона. Главная цель игры – сбить ток, т. е. среднюю лодыжку.

### *Игры – состязания в метании арканов*

Важное значение для оленевода имеет мастерство владения арканом (*маут* – у эвенков; *чаут* – у чукчей, *тынзей* – у ненцев; *тынзян*, *нюр* – у хантов). Им пользуются коренные народы Сибири при отлове оленей в стаде. Аркан сплетают из нескольких тонких ремней, изготовленных из оленьей кожи. Длина его достигает 20 м. На конце аркана закрепляется пластинка, изготовленная из кости оленя, через которую продевается петля. Еще в XIX в. Д. Юрьев, изучая березовских хантов, писал: «Остяк накидывает аркан меткою рукою и даже на всем бегу редко делает промах» [263, с. 107]. Упоминания о необычайной ловкости хантов в метании аркана можно найти в трудах таких исследователей Севера, как Г. Старцев, О. Финш и А. Брэм и др. [210; 229]. Они отмечают, что для того чтобы удержать убегающего оленя, кроме ловкости и меткости требуются еще и немалые силы. По сведениям информаторов, мало заарканить оленя; нужно успеть, задернув петлю, согнуть руки в локтях и собраться с силами; иначе олень, рванув с места, может даже порвать сухожилия рук.

Как видим, для успешного владения таким производственным снаряжением, как аркан, необходимы немалые силы, ловкость, реакция, смелость, решительность; поэтому ханты, по свидетельству И. Н. Шухова и Г. Старцева, с раннего детства тренируют своих детей в метании аркана [210; 258].

По нашим данным, казымские ханты изготавливают своим детям маленькие арканчики из оленьей кожи длиной от 10 до 12 м, которые они метают на различные предметы (ветки деревьев, носы нарт, колышки и т. д.).

Дети шурышкарских хантов тренируются в метании арканов на детский хорей, который устанавливается рядом с настоящим хореем, на который здесь же метают арканы подростки и взрослые. Наиболее подготовленные физически дети могут вступить в борьбу с взрослыми. Часто в этом упражнении принимают участие и девочки.

С возрастом сложность упражнений с арканом увеличивается. Дети десяти – двенадцати лет уже устраивают игры, в которых они метают арканы по подвижной цели – бегущим товарищам, изображающим оленей. Подростки и взрослые ханты соревнуются в метании арканов с больших расстояний на большее количество попаданий на хорей, с элементами акробатических упражнений (со стойки на руках, после поворота и т. д.).

Среди лесных ненцев бытует игра «Ловля оленей» – *«Вяркуота»*. Играют в загоне для оленей в зимнее время мальчики 10–14 лет. Количество играющих не ограничивается. Для игры отбирают из стада оленя. Каждый игрок держит в руках тынзян. Один из играющих удерживает оленя руками за рога, остальные игроки окружают его на расстоянии 15–20 м.

Игрок, удерживающий оленя, отпускает его, и он начинает бегать между игроками, которые в свою очередь стараются броском тынзяна поймать его. Игрок, который первым ловит оленя, уводит его в сторону, освобождает от петли тынзяна и направляет его в сторону игроков, которые также стараются заарканить его броском тынзяна. Побеждает игрок, которому удастся заарканить оленя большее число раз.

Широко распространена игра «Метание аркана на дальность» – *«Веньшкома»*. Состязаются в зимнее время на стойбище мальчики 10–14 лет. Каждый имеет аркан. Количество участников не ограничивается. На ровной площадке проводят черту, от которой производятся броски арканов.

Участник становится возле линии с арканом в руках. Сделав замах, он бросает аркан вперед-вверх как можно дальше. Если аркан улетает дальше своей длины, участник может забежать за линию и пробежать несколько шагов с арканом, не выпуская его из рук. После этого на место, где лежала дальняя часть аркана, кладут камень или забивают палочку. Затем игрок делает еще три попытки. Засчитывается лучший результат. За первым участником выходит второй и т. д. Побеждает участник, аркан которого улетает на большее расстояние, чем у других соперников.

#### **Варианты игры:**

1. Участник метает аркан одной ногой.
2. Участник метает аркан пяткой ноги после стойки на руках с последующим кувырком вперед [108].

Здесь целесообразно привести описание весьма специальных игр чукчей, коряков и юкагиров, так называемых «счетных игр».

У оленных чукчей принято подвешивать к дереву чурбан на ремне; мальчишки по очереди набрасывают на него аркан. Счет ведется по отдельным эпизодам из жизни оленевода: 1) я откочевал на весенние места; 2) я выкормил быков; 3) я откочевал на летние места; 4) я завершил убой оленей; 5) я сшил дорожную обувь; 6) я отогнал стадо к лесу; 7) я отнес посуду (на место остановки); 8) я подошел к травяному пастбищу; 9) я запутался в траве; 10) я вышел из травы; 11) я подошел к кустам; 12) я запутался в кустах; 13) я вышел из кустов; 14) я подошел к лесу; 15) я запутался в лесу; 16) я вышел из лесу; 17) я стою на поляне; 18) я шил теплую одежду; 19) я сосал молоко; 20) я сжег кости (съеденных оленей).

После завершения 20-го этапа начинается обратное движение, тоже состоящее из 20 шагов.



Чукча, метаящий аркан. Детали аркана<sup>14</sup>

У эвенкийских охотников такая же игра, с переходом по этапам, разыгрывается весною, на празднике «Обновление жизни». Здесь 7 этапов; они символизируют год, имеющий, таким образом, семь сезонов. Охотни-

<sup>14</sup> Приводится по кн. В. Г. Богораза «Материальная культура чукчей» [30, с. 22].

ки гонят невидимого зверя; в итоге, на седьмом переходе, убивают его на самом верхнем небе.

Коряцкая игра тоже имеет охотничий характер, но она «земная», с реальным содержанием. Счет ведется так: 1) я увидел след лося; 2) я догнал лося; 3) я убил лося.

В другой игре с дерева свешивается на веревке чурбан, и дети ловят его своими маленькими арканами. Несмотря на то, что кусок дерева постоянно раскачивается, искусные игроки никогда не промахнутся. В играх употребляется счет, например такой: 1) я видел след лося, 2) я догнал лося, 3) я убил его. Тот факт, что в играх изображается охота на лося, указывает на древнее происхождение игры, когда охота на лося была обычным явлением среди чукчей. Наиболее интересной представляется игра в охотящегося ворона, которая проводится группой маленьких детей. Прежде всего изображается мать, держащая ребенка; против нее находится ворон, который скребет землю руками; между ними происходит следующий разговор. Мать: «Что ты делаешь?». Ворон: «Я копаю яму». Мать: «Для чего?». Ворон: «Чтобы наполнить ее гольшами». Мать: «Зачем тебе нужны гольши?». Ворон: «Чтобы стрелять в твоих детей». Мать: «Зачем ты будешь стрелять?». Ворон: «Они украли мой королек». Затем ворон бежит за детьми, которые разбегаются в стороны, якобы отстреливаясь и крича: «Глаза ворона плохи, наши глаза хороши». Такая игра, с теми же самыми подробностями, существует у русских на Колыме. Эта же игра встречается среди детей цивилизованного мира. Трудно сказать, усвоена ли игра от русских или она возникла независимо, в связи с бесчисленными легендами о вороне, который играет важную роль в фольклоре племен, живущих по побережью Берингова моря.

Некоторые из детских игр сопровождаются более или менее разработанным счетом по зарубкам. К ним относится интересная игра «Погружение и ныряние»; в ней используется 24 зарубки. Играет один человек или же это могут быть две группы из двух или трех человек каждая. Они пытаются ловить арканом кусок дерева, лежащий на земле или подброшенный в воздух; каждая удачная попытка считается за единицу. Счет бывает такой: 1) я покрываю тебя сыпью; 2) я погружаю тебя до подошвы; 3) я погружаю тебя до носка; 4) я погружаю тебя до ступни; 5) я погружаю тебя до щиколотки и т. д., пока не будут учтены все части человеческого тела от подошвы ног до макушки головы. Затем счет идет обратно – по одной единице или по две.

Еще более сложная система счета существует в играх, в которых изображается жизнь оленеводов, например: 1) я двинулся на первую летнюю стоянку; 2) я кастрировал самцов; 3) я двинулся на среднюю летнюю стоянку; 4) я занимался убоем; 5) я приготовил обувь; 6) я погнал стадо внутрь страны; 7) я вернулся за котлами; 8) я в травяных местах; 9) я запутался в траве; 10) я вышел из травы; 11) я в низких кустах; 12) я запутался в кустарнике; 13) я вышел из кустарника; 14) я в густом кустарнике; 15) я запутался в густом кустарнике; 16) я вышел из густого кустарника; 17) я на чистом месте; 18) я сшил нижние штаны; 19) я пососал молоко оленьей самки; 20) я сжег кости.

Этим счетом обозначается движение вперед, и отсюда начинается обратное путешествие, причем остановки носят уже другие названия. Общее количество их, таким образом, достигает 39. Часто используют счет из шести зарубок; сюжет игры составляет охота на дикого оленя или тюленя. Другие игры со счетом имеют отношение к убою оленей и к различным обстоятельствам охотничьей жизни.

Игры со счетом отличаются оживленным характером. Проигрывающие подвергаются насмешкам, например в игре «в сифилис» победители дразнят побежденных, что они остались без носа; в охотничьей игре дразнят побежденных такими словами: «Вы, должно быть, голодны. отрежьте от ваших детских клапанов веревочку и съешьте ее». Такие насмешки часто заканчиваются ссорой [29: 31].

Сургутские ханты метают арканы на кучно расположенные хорен (7–8 хореев), стараясь захватить петлей аркана как можно больше их верхушек за один раз. Они устраивают следующие состязания: кто дальше метнет свой аркан; кто перебросит его через дерево; кто захватит петлей аркана верх или середину хорея; кто сдвинет сидящего на земле человека, захватив его петлей аркана; кто попадет арканом в увертывающегося человека, сидящего на земле; кто успеет захлестнуть петлей человека, который имеет право подпрыгивать на месте и т. д.

У сургутских хантов (п. Тром-Еган) есть игра «Броски на верх валиков» — «*Валых тойнам танятыты*». Играют в нее в зимнее время молодежь и мужчины среднего возраста. Количество игроков произвольное. Для игры подготавливают площадку: проводится линия броска, от нее на расстоянии 10–15 м втыкают в снег 8–10 валиков, которые располагаются друг от друга в пределах 35–100 см. Каждый игрок имеет аркан (*нюр, вели*

*катьлэ нюр*). Один из игроков (по договоренности) подходит к линии броска и метает свой аркан (*нюр*) на верх валиков. Метнуть его надо так, чтобы аркан смог хорошо распуститься в воздухе и захватить своей петлей как можно больше валиков. Игроку дается только одна попытка. Кто сумеет лучше выполнить это упражнение, захватить арканом больше валиков, тот и становится победителем.

**Первый вариант игры.** После каждого удачного броска – захвата арканом валиков – игрок отступает на один шаг назад, отходит дальше от линии броска, тем самым усложняя для себя упражнение. При неудачной попытке игрок выбывает из игры. Кто дальше отступил от линии броска, тот и становится победителем.

**Второй вариант игры.** Игроку разрешается выполнить три броска, за которые он должен заарканить как можно больше валиков. У кого это получается лучше, тот и становится победителем. Игра способствует развитию и совершенствованию меткости бросков, силы рук и плечевого пояса; обучению навыкам, необходимым оленеводу.

Как среди тундровых, так отчасти и среди береговых чукчей наиболее распространенными играми, дошедшими до наших дней, являются игры с *чаутом* (арканом). Такова, например, игра под названием «Элюлы-читылыт», что в переводе означает «поймать деревянную чурку». Играют в нее зимой на твердом снегу. Сначала один из участников бросает чурку или кусочек оленьего рога величиной не более пальца. Каждый желающий играть пытается чаутом поднять чурку со снега. Первый поднявший чурку вызывает на соревнование одного из присутствующих и диктует свои условия дальнейшей игры. Играют двое. Вызывающий объявляет, например, партнера «оленом» и начинает игру. Ведущий опять бросает чурку. Каждый партнер пытается первым поднять чурку со снега. При этом игрок, поднявший чурку, обращается к партнеру с репликами, например: «Я тебя поймал, я тебя забью на мясо» или же: «Отрежу тебе одну ногу» и т. д. Игра азартна, каждый партнер стремится отыграться. В случае удачи он придумывает смешной рассказ. Сюжетами рассказов служат случаи из охотничьей жизни. На смену первой паре выходит другая. Иногда играют несколько пар одновременно.

Нами записано несколько вариантов игры с чаутом.

**Первый вариант игры.** «*Корочет*» – так называется игра по набрасыванию чаута на оленьи рога. В игре принимают участие два человека.



По договоренности один из них изображает оленя, другой – пастуха. В руках у первого – рога, у второго – чаут. Между играющими начинается поединок. Задача «пастуха» – заарканить оленя. «Пастух» бегает за «оленем» и пытается набросить на него чаут. Если это ему удастся, он забирает «оленя» из стада. Затем игра возобновляется и продолжается до тех пор, пока «пастух» не поймает «оленя» определенное количество раз, т. е. не «заберет все стадо». Затем играющие меняются ролями.

**Второй вариант игры.** Сюжет игры заключается в том, чтобы приучить «оленя» к верховой езде. Поймав «оленя», «пастух» пытается сесть на него верхом. «Олень» не поддается обучению и сбрасывает «пастуха». Так продолжается несколько раз. «Пастух» выходит победителем только тогда, когда ему удастся сесть верхом на «оленя».

**Третий вариант игры.** Здесь участвуют 4 человека: два «оленя» и два «пастуха». «Пастухи» садятся верхом на «оленей»; у каждого «пастуха» в руках чаут. «Олени» скачут один около другого, а каждый «пастух» старается набросить чаут на другого «пастуха» и стащить его на землю.

**Четвертый вариант игры.** Один из участников изображает оленя, а все остальные участники одновременно бросают в него свои чауты, пытаясь поймать его за ногу. Когда «олень» пойман, он становится «пастухом», а другой из играющих – «оленем».

**Пятый вариант игры.** Игрок, который исполняет роль «оленя», должен успеть проскочить через кольцо, образуемое чаутом. Если он не успевает проскочить, он пойман.

Среди береговых чукчей, так же как и среди тундровых, распространена игра «*Вопканелечетылыт*», что в переводе означает «поймать чаутом лося». Перед началом игры недалеко от жилья вкапывают в землю палку (если игра выполняется в тундре, вместо палки употребляют жердь от яранги). К верхнему концу палки привязывают обрывок чаута с тяжелой чуркой или кожаным мешочком, набитым оленьей шерстью. Участники игры (их может быть пять-шесть человек) становятся вокруг палки на расстоянии нескольких шагов. В руках каждый играющий держит свой чаут. Один из участников перед началом игры подходит к палке, берет за конец, привязывает к ней свой чаут и раскачивает ее. Одновременно все участники стараются набросить свой чаут на раскачиваемый обрывок чаута с мешочком и поймать его.

Счет в игре ведется по заранее установленным очкам. Эту игру, как и предыдущие, сопровождает рассказ, связанный с охотой. Горе тому из

играющих, у кого чaut опутывается вокруг жерди. В его адрес произносятся самые обидные слова, например: «Сам себя повесил»; «Оторвал себе ухо» – и т. д. Эти реплики вызывают у присутствующих смех, игра становится азартнее.

Среди подкаменно-тунгусских эвенков, кроме указанных, была распространена игра «в аркан». Аркан, *маут*, растягивают по кругу, берутся за него обеими руками, стоя лицом к кругу. Водящий выходит на середину. Игра заключается в том, что стоящие по кругу, перехватывая руками по аркану, бегают то в одну, то в другую сторону. Водящий тоже бегают, стараясь тронуть чью-либо руку. Тот, кого он трогает, выходит из игры [41, с. 177].

У илимийских эвенков широко распространена игра «в аркан», которая проводится на большой поляне. Два человека берутся за концы маута и бегут, стараясь окружить бегающих. Попавшие «в плен» сменяют водящих.

### *Игры-соростязания с копьями и стрелами*

Говоря об играх, связанных с метанием, нельзя не отметить оригинальную традиционную игру хантов со стрелой. Эту игру казымские ханты называют «Стрела» – «*Лан нел*». Играют в нее только мальчики в летнее время на берегу реки или на больших полянах. Для игры изготавливают стрелу длиной 35 см, диаметром 1–1,5 см в средней части. Один конец стрелы заострен, другой имеет форму лопатки шириной 3–4 см, толщиной 0,5 см с сужением в конце до 1–2 см. На месте центра тяжести стрелы вырезают зарубку для того, чтобы можно было зацепить за нее веревочку, длина которой – 50–60 см. Веревочка привязывается к гибкому пруту, изготовленному из тальниковой палочки длиной 70–80 см и диаметром 1–2 см. Стрелу делают из елки, сосны, кедра, растущих на открытых местах. Игроки встают на расстоянии 50 м друг от друга и поочередно метают стрелы друг другу следующим образом: игрок берет прут в правую руку (веревочку предварительно цепляют одним концом за зарубку на стреле), а левой рукой удерживает стрелу за «лопатку». Затем он, отпуская стрелу, резким захлестывающим движением прутка с веревочкой посылает стрелу вверх и вперед в сторону партнера. Тот отступает на место падения стрелы (если она перелетала его), а игрок, бросивший стрелу, подходит к нему на расстояние, на которое он отступает. В случае же, если стрела не долетает до игрока, стоящего напротив, этот игрок подходит к ней и метает стрелу

уже с этого расстояния, а игрок, бросивший стрелу первым, отступает назад соответственно на это же расстояние. Победителем считается игрок, которому удастся как можно дальше оттеснить «оппонента» от исходной позиции.

**Вариант игры.** Игроки метают стрелы на дальность, стараясь перебросить свои стрелы на другой берег.

Важное место в процессе подготовки будущих охотников занимает игра в метание палки-копья по насту. В этой игре помимо определенных физических качеств у детей востребуется еще и умение искусно изготовить копье, которое должно быть легким (до определенной степени) и в то же время прочным.



Игра «Броски копья»<sup>15</sup>

Сургутские ханты называют эту игру «Броски копья» – «*Ланьт ылтия такта*». Играют зимой на дороге. В игре могут принимать участие и девочки, но чаще в этой игре участвуют мальчики. Количество игроков произвольное. Для игры требуется копье, которое изготавливают заранее из осины. Это палка длиной 120–130 см, толщиной 2 см; один из ее концов заостряется. Размеры палки-копья могут быть и меньше – с учетом возраста

<sup>15</sup> См. кн. «Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов [108, с. 73].

и роста играющих. Палку опшкуривают, зачищают от неровностей и намораживают на ней лед, опуская ее несколько раз в прорубь, после чего копьё становится гладким и скользким. На снегу проводят линию, от которой все участники игры производят броски по очереди. Бросок производится так: игрок берет палку за ее середину хватом сверху, рука при этом опущена вниз, выполняет замах назад и затем с силой посылает палку вперед так, чтобы она, упав плашмя на снег, заскользила по нему как можно дальше. Кому удастся бросить копьё дальше, тот становится победителем.

У детей казымских хантов эта игра носит название «Скользящая палка» – «Кулы юх». Но казымцы играют в эту игру в оленьем загоне. Они берут копьё не за середину, как сургутские ханты, а за конец и броском сбоку посылают палку-копьё вперед по снегу.

«Скользящая палка» – «Ляктэ-юх» – называют подобную игру и дети ваховских хантов. Они играют в нее на дороге или тропинке, слегка запошенной снегом.

У лесных ненцев подобная игра называется «Скользящее копьё» – «Наля». Играют в нее в зимнее время подростки и мальчики 10–14 лет; могут участвовать и взрослые мужчины. Игра проходит на участке дороги или реки, припорошенном свежим снегом. Количество игроков – от 2 до 10 человек. Для игры изготавливают копьё из целой сосенки, растущей в низине, возле реки. Длина копья – 1,5 м, диаметр в носовой части – 2–3 см, в хвостовой части – 1,5 см. Носовая часть копья на конце обычно закруглена. Копьё тщательно зашкуривается и очищается от неровностей. Перед игрой его 2–3 раза опускают в прорубь, чтобы на его поверхности образовалась ледяная корка. Метают копьё только в рукавицах. Кроме того, игроки проводят поперек дороги две черты на расстоянии 30–40 м одна от другой. Команды располагаются каждая за своей чертой напротив друг друга. Игрок одной из команд по жребию или договоренности начинает метать копьё в сторону противников. Он становится лицом к черте, берет копьё за середину, хвостовую часть прижимает к спине и, делая небольшой замах назад, посылает копьё вперед так, чтобы оно, упав плашмя на снег, заскользило прямо вперед в сторону противника. Игроки же противоположной команды должны остановить копьё у своей черты, прижав его сверху ступнями ног. Если им удастся это сделать, они метают копьё в обратном направлении; если же не удастся остановить копьё, игроки должны отступить назад на то расстояние, которое копьё проскользило за их чертой. Противоположная же команда

выдвигается вперед на это же расстояние. Перед игрой участники заранее обговаривают границы игровой площадки, до которых необходимо продвинуться командам, чтобы победить в игре. Побеждает команда, которой удастся вытеснить противников за границы игрового поля.

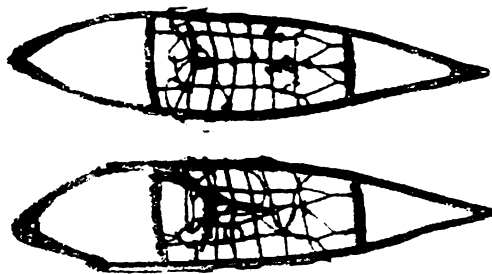
**Вариант игры.** Играют два игрока (один против одного).

### *Игры – состязания на лыжах*

С давних времен систематические занятия этим видом лыжных упражнений способствуют развитию у молодежи Северной Сибири важных физических качеств: силы, ловкости, физической выносливости. Кроме того, воспитываются моральные и волевые качества: решительность, смелость, бесстрашие, чувство ответственности и т. п.

Например, ваховские ханты после возвращения с охоты (в феврале, марте) устраивают игру «Бег на подволоках» – «*Нимэлна кэсилли*». Играют на краю села. Специально выбирают место с глубоким снегом. Участвуют молодежь и взрослые мужчины. Количество игроков – от 5 до 10 человек. Судят игру обычно старики. Длина дистанции 1–1,5 км. Каждый участник игры имеет охотничьи лыжи. Игроки встают в линию и по команде судьи начинают бег до противоположного края деревни, где обычно находятся судьи, а финишной линией служит какой-то предмет (дерево, колодец, камень и т. д.). Кто первым прибегает к финишу, тот и становится победителем.

Тренировке в беге на ракетных лыжах у чукчей уделяется большое внимание, так как умение ходить и бегать на них обязательно для каждого охотника.



Ракетные лыжи чукчей<sup>16</sup>

---

<sup>16</sup> Приводится по кн. «Сибирский этнографический сборник» [13. с. 201].

Ракетные лыжи незаменимы на охоте и в море, когда приходится идти среди торосов или же перебираться на дрейфующий лед по ледяной каше; удобны они и при ходьбе по безлесной тундре. Ракетные лыжи не скользят; они только удерживают человека на поверхности снега.

### Оленьи гонки

На севере Сибири очень популярны гонки на оленях.

В начале XX в. среди оленных чукчей, по данным В. Г. Богораза, излюбленным видом спорта являлись оленьи гонки [29; 30]. Однажды в год почти каждое стойбище устраивало гонки. На гонки собирались все соседи, близкие и дальние. Глава стойбища являлся распорядителем бегов. Он же обязан был приготовить приз для победителя. Призы были самые разнообразные, от нескольких листьев табаку до бобровой шкурки, представляющей значительную ценность, или даже санной оленьей упряжки. Приз подвешивается на шест или на ветку дерева. Чем ценнее приз, тем большее количество участников он привлекает на гонки и тем длиннее устанавливается дистанция для состязания, иногда до десяти английских миль и более.

Для гонок не существует никаких особенных правил. Участники собираются перед призом в беспорядочную группу. Распорядитель подает сигнал, и бег начинается. В то время как одни придерживаются дороги, другие несутся по глубокому снегу, стремясь пересечь путь первым. Дистанция бега заключает в себе расстояние до определенной точки и обратно. Пока состязающиеся едут до намеченного пункта, они шадят своих оленей. Гонка становится напряженнее, когда игроки поворачивают обратно, и это напряжение достигает наивысшей кульминации при приближении к призу.

Зрители обычно ведут себя с большим энтузиазмом и встречают состязающихся восторженными криками и гиканьем. Победитель срывает привязанный приз; этим гонки и оканчиваются. Часто кто-нибудь из жителей стойбища от себя выставляет меньший приз. Этот приз достается игроку, занявшему второе место. Иногда втыкается небольшой кол для бывшего последним — отчасти в насмешку, отчасти, как говорит народная пословица, чтобы утешить его в постигшем позоре. Распорядитель принимает участие в бегах, но считается неучтывым, если он пытается серьезно состязаться с гостями. Если он приезжает первым, то не дотрагивается до приза или, если выставлено несколько призов, берет себе самый маленький, оставляя прочие для гостей.

## Состязания на собачьих упряжках

Бега на севере Сибири устраиваются и на собаках. Эти бега проводятся довольно торжественно, с призом, который выставляется у задней черты: взад и вперед пробежишь, всех перегонишь – тогда и бери приз.

Как отмечает В. Г. Богораз, в собачьих бегах чукчи, коряки и другие приморские жители сравнительно менее азартны. Немаловажно и то обстоятельство, что их собаки питаются тюленьим жиром и часто голодают. Превосходными собачниками являются поречане, живущие по устьям Яны, Колымы, Индигирки, Анадыря и других северных рек [29].

## Конные состязания

Конный спорт в Сибири, как указывалось выше, имеет древние корни. О значении, которое придавалось конному спорту в жизни некоторых сибирских народов в прошлом, свидетельствует наличие в археологических материалах хорошо сохранившихся специальных, очевидно объездочных, тренировочных удил с шипами. Кроме того, найденные захоронения говорят о существовании культа лошади. Важная роль лошади в общественно-экономической жизни сибиряков прекрасно отражена и в устном народном творчестве. В современной Сибири культ коня полностью изжил себя, но отдельные конные виды спорта до сих пор сохранили свое значение и как проверенные средства физического воспитания, и как увлекательное зрелище. Особенно это относится к восточным и южным районам Сибири, в частности к Бурятии, Туве. Конные скачки – *«Мори урилдаан»* – любимая спортивная игра бурят, бытующая у них с давних пор. В дореволюционное время в скачках участвовало неограниченное количество лошадей, причем никто заранее не знал, сколько же скакунов будет участвовать в бегах. К тому же сами скачки носили обрядовый характер. Если они устраивались на праздниках, то прежде всего выставлялось угощение для старейшин, которые образуют полукружье – *духурик*. Внутри же духурика по радиусу находились распорядители спортивных игр. Чтобы учесть количество лошадей – участников забега, их водили вокруг духурика. Место запуска лошадей показывал один из распорядителей торжества.

Каждую лошадь у финиша встречал молодой человек, который отдавал свою шапку в кругу духурика. Как только скакунам давали старт, пирующие приумолкали. Все внимание публики сосредоточивалось на

скачущих лошадях. Двух-трех лошадей, финишировавших первыми, три раза обводили вокруг духурика.

### *Гонки на лодках*

Приморские чукчи устраивают в летнее время состязания на лодках. Гребля на кожаных лодках не представляет особого интереса и не может вызвать особенное воодушевление при дистанциях на длинное расстояние.

### *Борьба*

Борьба сибирских народов имеет многовековую историю. Она всегда пользуется у народа большой любовью и, чтобы оценить в достаточной мере значение борьбы в жизни сибиряков, необходимо проследить ее корни и уяснить, в каком виде она дошла до нас, как сегодня служит в виде средства воспитания и в качестве спорта.

Сущность борьбы заключается в схватке двух человек. По народным правилам, борцы, разумно применяя многообразные специальные, для этой цели созданные приемы, стараются положить противника на лопатки. Как и ходьба, бег, прыжки, метание, фехтование, конные игры и другие народные виды спорта, борьба принадлежит к числу древнейших средств физического воспитания.

Нет сомнения в том, что первоначально, она, по-видимому, представляла собой боевое единоборство и имела целью одолеть (осилить, победить) – в буквальном смысле – противника. Со временем такая боевая схватка переросла в условную борьбу. С этого и началось ее формирование как одного из самостоятельных видов физического воспитания. Но условия проведения борьбы, применения определенных приемов еще не стали общеизвестными и едиными для всех народов.

В тот период, когда физическое воспитание выделилось из общего воспитания и стало относительно самостоятельной областью народной педагогики, борьба уже окончательно оформилась как средство физического воспитания с точно установленной техникой, творческой тактикой, с едиными правилами проведения состязаний.

На народных праздниках совершались всесторонняя проверка и испытание, процедура «вхождения в жизнь» молодежи. Борьба была одной из главных составных частей подобных праздников. На больших праздни-



ках специально собиралось все окрестное население, прежде всего молодежь, которая заранее готовилась к этому дню, дабы испытать собственную силу и подготовленность. Во время таких массовых сборов уровень физической подготовленности подрастающего поколения проверялся и оценивался старейшими. Кроме того, сами борцы в это время знакомились с различными новыми приемами борьбы, новыми тактическими способами их применения и т. д., передавая опыт друг другу.

Понятно, что трудно в настоящее время, в начале XXI столетия, говорить точно о всех первопричинах происхождения средств борьбы. Но одно ясно, что первоначально решающее значение в борьбе часто имела физическая сила, от которой во многом зависело благополучие человека. Сила нужна была, в первую очередь, для выполнения трудовых действий; известно, что труд в то время был очень тяжелым. Кроме того, сила была необходима для обороны от хищных зверей и врагов. Указанные обстоятельства не просто обусловили характер физических упражнений, но даже сделали их приоритетными.

Этому способствовали и непосредственный контакт человека с природой, борьба с ней, ее освоение. Пастухи, охотники, рыбаки, хлебопашцы целые дни проводили на открытой местности, чистом воздухе, закаляя свое тело и дух. В свободное время они состязались друг с другом, испытывали силу, боролись. Так создавались основы различных видов физического воспитания, в том числе и борьбы.

О значении борьбы в истории народной педагогики коренных народов Сибири свидетельствует множество литературно-исторических источников и этнографических материалов.

Так, кочевой и полукочевой образ жизни, ведение промыслов в экстремальных условиях Севера требовали от хантов высокого уровня развития ловкости. Прекрасным средством развития и совершенствования ее являются различные виды национальной борьбы. В научной литературе фактически нет работ, в которых бы подробно описывались названия этого древнего состязания, правила, по которым оно проводится, его участники, и т. д. Имеются только фрагментарные сведения в работах В. Ф. Зуева, Н. И. Новиковой, Е. П. Мартыновой, М. Б. Шатилова [83; 133; 144; 250].

Значительно расширить сведения о борьбе позволили наши теоретические и полевые этнопедагогические исследования.

Например, у бурят борьба называется «*Барилдан*». Она проводится обычно после конноспортивных состязаний; без нее не обходится ни одно празднество. Среди борцов нет весового подразделения, и обладатель наименьшего веса в состязании с тяжеловесом может надеяться только на свою ловкость. Он может победить своего соперника с помощью хитрости; борцам разрешается применять любые приемы.

По неписанным, но бытующим в улусах правилам победа присуждается по третьей точке касания земли. Борец, коснувшийся земли рукой, коленом, локтем или какой-нибудь другой частью тела, считается побежденным.

По старым неписанным правилам борцы были одеты и подпоясаны кушаком. В настоящее время борются в двойных трусах и в тапочках. Предварительным условием допуска к соревнованиям является медицинское освидетельствование его участников.

Борьба начинается с взаимного приветствия (раньше это не практиковалось). Перед схваткой партнеры слегка раскачиваются с боку на бок, присматриваясь к позиции друг друга. Затем один из них нападает, а другой защищается.

Основным в начале борьбы считается прием «хам орохо» (схватиться вплотную, в охапку). Этот прием начинается с того, что нападающий хватается соперника за кисть руки. Если ему это удастся, то он сильным рывком притягивает его к себе и сразу же старается просунуть правую руку под мышку противника, а левой рукой хватает его правую руку выше локтя. Положение борцов в этот начальный период одинаковое, с некоторым перевесом сил на стороне нападающего.

Исходя из этой основной позиции применяются последовательно или в различных комбинациях следующие приемы борьбы.

**Первый прием** – *гохо*, заплетание ногой. Этот широко распространенный прием в бурятской борьбе имеет свою специфику. Нога того, кто пользуется этим приемом, как бы слетается винтообразно с ногой партнера. Цель *гохо* – нарушить равновесие соперника, навалиться на него всей тяжестью своего тела и повалить.

**Второй прием** – *ташха*, это внезапный сильный удар ногой по ноге партнера ниже колена. Завершение борьбы аналогично *гохо*.

**Третий прием** заключается в том, чтоб оторвать партнера от земли, лишить его опоры и внезапно повалить плашмя. Этого добиваются сле-

дующим образом: борец, решившийся пойти на этот силовой прием, берет партнера под мышку или мертвой хваткой зажимает обеими руками его поясницу и, подняв соперника, рывком бросает на землю.

**Четвертый прием** сводится к тому, что сильно сжимают руками поясницу противника и, подняв его, опускают на ноги, чтобы применить при этом еще один дополнительный прием – «*хам баряад ургээд табяа*».

**Пятый прием** заключается в том, что соперника хватают одной или двумя руками за ногу.

**Шестой прием**, напоминающий современный прием «двойной нильсон», состоит в том, что один из борцов оказывается сзади своего партнера. Этого он достигает путем ряда удачных комбинаций, особенно после проведения пятого приема. Борец, оказавшийся за спиной своего партнера, просунув предварительно руки под мышки противника и скрестив их на его шее, сжимает ее обеими руками. Борец, пустивший соперника за свою спину, полностью скован, теряет инициативу, его положение безнадежно.

**Седьмой прием** напоминает предыдущий, но, применяя его, действуют одной рукой. Вторая рука свободна для выполнения других приемов.

Иногда у борцов складывается такая ситуация, что никому в начале борьбы не удастся схватить партнера вплотную, в охапку. В таком случае возможны новые вариации описанных выше приемов:

- 1) борец налетает на соперника, внезапно хватая руками его за ногу и валит на землю;
- 2) один из борцов стремительно обеими руками хватается за шею и не отпускает партнера до тех пор, пока не победит его;
- 3) один из борцов внезапно хватается партнера за руку. В это время наносится удар ногой по ноге противника ниже колена (*ташаха*).

Все перечисленное выше – основные приемы бурятской борьбы. Этот вид старинных спортивных народных игр является у бурят одним из самых увлекательных. В схватке часто сталкиваются очень большие мастера борьбы. На народных празднествах восторг зрителей достигает кульминации, когда сильнейший берет верх над достойным соперником, продемонстрировавшим недюжинную силу с той мерой решимости, которая свойственна лишь знающим себе цену борцам [224, с. 64–65].

В. В. Лебедев утверждает, что у ачайваямских коряков-оленьеводов раньше боролись и во время похорон. Состязание проходило в двух груп-

пах. Старшие мужчины боролись отдельно от молодежи. Правила борьбы таковы, что вызвавший должен нападать, а вызванный увертываться, не применяя при этом никаких приемов. В этой борьбе можно выяснять отношения, если прежде кто-то обидел, но ни в коем случае не драться; драка вообще среди коряков считается унижительным занятием [121].

У чукчей, эвенков борьба обычно происходит после бегов. Борцы раздеваются до пояса, поэтому они любят разогревать свое тело предварительными упражнениями. Если нет бегов, то борцы сами пробегают соответствующее расстояние, чтобы разогреться перед предстоящей борьбой. И летом, и зимой, даже в самую лютую стужу, борцы раздеваются до пояса, потом приседают на корточки и натираются снегом. По правилам борьбы, один из противников пассивно защищается, а другой должен его повалить. Первый называется «неподвижным», второй – «нападающим». Если последний не может уложить противника, положение меняется. Обычай требует, чтобы один из борцов был положен на обе лопатки и удержан в таком положении, несмотря на все усилия выбраться. Три схватки считаются достаточными для завершения состязания. Иногда борцы встречаются на скользкой моржовой шкуре, свежесодранной и лоснящейся от сала. Шкуру натягивают, как барабан. Края прикрепляют к земле острыми осколками оленьих и моржовых костей. Упасть на такие осколки означает быть раненым насмерть [29; 30].

У береговых чукчей, по описанию В. Леонтьева, борьба называется «*Тайтатвыранг*». Она проводится после состязания в поднимании камней, и, как отмечает ученый, особых правил в ней не существует [124].

У азиатских эскимосов борьба врукопашную дает необходимое умение одолеть противника или зверя. В каждом эскимосском или чукотском береговом поселке местные жители могут рассказать о многих любопытных случаях, когда охотникам приходилось вступать в борьбу с белым медведем, если ружье отказывало в стрельбе или когда после неудачного выстрела охотника хозяин ледяных пустынь с яростью набрасывался на него.

В этих случаях всегда побеждает охотник, если он хорошо знает приемы борьбы. Схватившись с лохматым противником, охотник должен не теряться и вовремя вонзить нож под левую лопатку зверя.

В чукотских поселениях этот вид состязания всегда вызывает большое оживление. Перед схваткой обнаженные до пояса соперники обтираются снегом, потом обходят друг друга по кругу, постепенно сужая его.

Выбрав момент, каждый из них старается схватить противника за пояс для применения какого-либо приема. В национальной борьбе, в отличие от вольной, счет по очкам не ведется; время не ограничено. Победа засчитывается по конечному результату – противник уложен на обе лопатки.

Чукотская традиционная борьба «*Нытэйэквинет*» дошла до наших дней. По правилам, два человека раздеваются по пояс и меряются силой. Задача борца – положить противника на лопатки. Все напряженно следят за борцами. Многие пробуют свои силы, но не многим удается стать победителями. Поэтому сильного и ловкого борца особо поощряют, он пользуется у населения большим авторитетом.



Борьба у эскимосов<sup>17</sup>

В п. Ямгорт (шурышкарские ханты) мы записали правила состязания в борьбе под названием «Князь (Царь)» – «*Хон*». Состязаются круглый год молодежь и взрослые мужчины. Количество игроков – от 6 до 10 человек. В начале состязания игроки делятся на две команды. Каждая из команд выбирает себе самого ловкого и сильного борца, которого и называют «хон». Игра проходит так: борцы разбираются попарно и становятся напротив друг друга. Первыми начинают бороться самые младшие и слабые. Если кто-то из борцов в паре выигрывает, то получает за это одно очко. Далее таким же образом борются следующие пары. И в самую последнюю очередь борются «князья». В конце борьбы подсчитываются очки. Команда, набравшая наибольшее количество очков, становится победителем. В процессе борьбы запрещается применять подножки. Чтобы победить соперника, необходимо припечатать его спиной к земле.

В этом же районе в п. Овгорт это состязание носит название «Царь-мужчина» – «*Хон-ики*». Здесь правила несколько иные. Так, например, «царь» не участвует в состязании, а только следит за выполнением правил

---

<sup>17</sup> Приводится по кн. Н. И. Пономарева «Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания» [170, с. 163].

борьбы. Самый младший борец начинает состязаться первым, но если он побеждает противника, то борется с победителем второй пары и так далее до последнего борца. Если же он проигрывает борцу второй пары, то в борьбу вступает борец его команды из второй пары; он также имеет возможность победить всех борцов из команды напротив. То есть в этом варианте борьбы один борец может победить всю команду противника; это, разумеется, очень трудно.

В п. Ванзеват (обские ханты) бытует подобная групповая борьба. По сведениям информатора Ефима Николаевича Туева, борьба проходит на святых местах этого поселка, где собираются только мужчины. В начале игры из участников избирается «князь» – «хон». Затем участники борьбы делятся на две команды. Один из борцов обращается к «князю» со словами: «*Хон нянь вокс, хон сул вохас*» («У князя хлеб прошу, у князя соль прошу»). «Князь» отвечает: «*Нянь вух, сул вух*» («Хлеб бери, соль бери»). После этого начинается борьба. Правила в ней таковы: борются в охотничьих поясах; можно применять подножки и броски. Цель в борьбе – свалить противника на землю так, чтобы он коснулся ее лопатками.

Своеобразный вариант групповой борьбы мы записали у ваховских хантов. Игра называется «*Кольм*». Состязаются в летнее время подростки и взрослые мужчины. В начале игры они делятся на две команды. Проводят две параллельные черты на расстоянии 10 м одна от другой. Борцы встают попарно между этими двумя линиями. По команде судьи соперники стараются обнять своего напарника, поднять его и перенести, перетянуть за свою черту. Побеждает та команда, которая перетягивает на свою сторону большее количество игроков.

У сургутских хантов состязания в борьбе входят в содержание «медвежьего праздника». Это состязание называют «*Нюл тахли*». Для игры выбирают пять мужчин. самого сильного из них титулуют «*лэкэл-анки*» – «самый сильный борец». С этими пятью борцами борются все участники «медвежьего праздника» по очереди, и в случае поражения кого-либо из пятерки борцов он выбывает из борьбы. Во время борьбы разрешается применять любые приемы, даже болевые. Цель в этом состязании – победить лэкэл-анки. В этом случае игра прекращается.

Интересные сведения получены нами от информатора Полины Сергеевны Кыколевой в п. Тайлаково (сургутские ханты). Она сообщила, что в борьбе на святых местах (женских) участие принимают даже девочки.

Заметим, что мужчины не имеют права сюда приходить. Они имеют свои святые места. Об этом пишет и знаменитый этнограф З. П. Соколова [97, с. 95]. Состязания способствуют развитию и совершенствованию ловкости, силы рук, плечевого пояса, туловища, силовой выносливости; воспитанию настойчивости.

У ульчей большой популярностью среди молодежи имеет состязание «*Вачакачи*» – борьба «на поясах» (два борца стараются повалить друг друга, причем каждый держит другого за кожаный пояс).

Сила является одним из ведущих физических качеств, присущих хантам. В связи с этим у хантов существует большое количество разнообразных игр-состязаний, направленных на развитие и совершенствование этого качества.

Чаше всего состязания в силе проводятся во время «медвежьих праздников», на свадьбах, когда приезжают гости, и т. д. Одним из таких состязаний является перетягивание палки – «*Талты юх*». Эту игру-состязание мы записали у казымских хантов. Играют в нее круглый год: летом на улице, зимой в помещении; участвуют подростки и мужчины, иногда и девочки, женщины. Для игры изготавливают из березы или елки палку длиной 50–60 см, диаметром 3–4 см. Палку очищают от неровностей, ошкуривают. Два игрока садятся напротив друг друга, вытягивают ноги вперед и упираются ступнями ног. Руками обхватывают равномерно палку. По команде судьи игроки начинают тянуть палку на себя так, чтобы соперник оторвался от земли (пола). Если кто-то из игроков не выдерживает и рассцепляет пальцы, то он считается побежденным. Нельзя сгибать ноги в коленях. Победитель состязается со следующим игроком. Игра продолжается до выявления победителя среди всех участников состязания.

У сургутских хантов это состязание называется «*Нюл талили*». В их варианте игроки упираются ногами в небольшую доску или бревнышко.

Описание состязания в перетягивании палки мы встречаем и в романе известного хантыйского писателя Е. Айпина. Автор сообщает, что по правилам можно перетягиваться и одной рукой; наиболее убедительной победой считается перебросить соперника через себя [6].

Необходимо заметить, что это состязание популярно и у других народов, проживающих в Западной Сибири, – у коми-зырян, ненцев. У коми-зырян оно называется «*Кыскан*», у ненцев – «*Иэхэтулма*».

У казымских хантов существует еще один вариант этого состязания, в котором палку перетягивают стоя сразу несколько игроков. Для этого

между стоящими впереди игроками проводят черту. Остальные игроки обнимают друг друга за талию и по команде судьи начинают состязание. Цель состязания – перетянуть впереди стоящего игрока за черту на свою сторону. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы рук, спины, ног, выдержки; воспитанию настойчивости, выдержки.

Состязание по перетягиванию палки «*Мас тардыхы*» также очень популярно у якутских мальчиков. По правилам игры, двое соревнующихся садятся на землю, упираясь в ноги противника, а руками крепко обхватывают палку, которую стараются перетянуть в свою сторону. С победителем выходит помериться силой другой участник состязания.

Существуют и другие подобные игры. Одна из них называется «*Сэрии тардыхы*»; здесь также перетягивают палку или веревку (последнюю для удобства сматывают кольцом). В игре может участвовать большое количество детей, которые разбиваются на две группы. Первые участники игры держатся за палку (веревку), а сзади их обхватывают за пояс остальные участники соревнующихся сторон. Последним «эшелоном» встают самые слабые дети.

Другая игра – «*Хайах хостоһор оньуу*» – заключается в следующем. Дети усаживаются на землю и крепко обхватывают друг друга. Первый, обычно самый рослый и сильный мальчик, держится за какой-нибудь неподвижный предмет, например за дерево. Один из водящих отрывает *хайах* (масло), т. е. по очереди оттаскивает детей от общей шеренги, доставляя их в установленное место (в амбар). В этой игре испытывают силу и выносливость играющих детей, главным образом водящего. Такой же силовой является игра «Перенос тяжести на плечах» – «*Суксэ оньуу*», в которой на плечи самому сильному мальчику забираются несколько детей с целью испытать его силу.

Не меньшей популярностью у различных территориальных групп хантов пользуются различные варианты игры – состязания в перетягивании веревочки.

У сургутских хантов это состязание носит название «*Ченчих талты*». Состязаются как мужчины, так и женщины. Количество игроков не ограничивается. Для игры используют веревочку из оленьих жил длиной 1,5–2 м, толщиной 2–3 см. Соперники садятся напротив друг друга и упираются ступнями (ноги в коленях прямые). Веревку наматывают на одну руку. По команде судьи соперники стараются перетянуть друг друга так, чтобы один



из них оторвался от пола (земли). Блестящей победой считается перебросить соперника через себя. После этого с победителем садится состязаться следующий игрок.

**Вариант состязания.** Один игрок состязается сразу с двумя или тремя игроками.

Состязание под названием «*Талты кел*» было записано нами у казымских хантов. Играют в нее во время перекочевок. Участвуют мужчины и женщины. Могут состязаться даже семьями. Но в этом варианте игры игроки делятся равномерно на две команды и садятся в колоннах напротив друг друга. Два направляющих игрока с той и другой стороны упираются ступнями ног, а остальные садятся на колени. Затем все игроки берутся равномерно за веревочку. По команде судьи игроки начинали тянуть веревку на себя. Игра проводится до тех пор, пока в одной из команд не встает впереди сидящий игрок, а за ним и остальные игроки.

Ваховские ханты состязаются в перетягивании веревки от невода, которую раньше сплетали из ивовой коры. Длина ее 2–3 м, диаметр 3 см. Играют в вечернее время только подростки и мужчины. Два игрока встают напротив друг друга, упираются одной ногой в брусочек, лежащий между ними, и равномерно берутся руками за веревку. По команде старшего или по договоренности между собой игроки начинают тянуть веревку на себя, стараясь перетянуть соперника на свою сторону. Победитель состязается со следующим игроком и т. д. Лучшим признается игрок, перетянувший большее количество игроков. Это состязание носит название «*Котыктахлы*».

**Вариант состязания.** Соревнуются в перетягивании веревочки уже два игрока против двоих. В этом случае первый игрок наматывает веревку на руку, а второй перекидывает ее через плечо. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы рук, спины, ног; воспитанию настойчивости, выдержки.

Хорошо известно среди коренных народов Сибири состязание с перетягиванием ремня, надетого на шею. Это состязание под названием «*Выдра*» наблюдал среди казымских хантов А. Рейнсон-Правдин [177]. По его описанию, в этой игре два участника встают на четвереньки и, натягивая ремень, надетый на шею обоих соревнующихся, пытаются сдвинуть друг друга с места.

Более подробно эту игру мы записали в п. Казым у Григория Ивановича Тарлина. Здесь состязание называют «*Сапалл иэр талты юнт антуп-*

*келн*». Состязание проводится в любое время года; участвуют в нем подростки и мужчины. Количество игроков не ограничивается. Для игры берут ремень длиной 2 м из оленьей упряжи. Состязаются так: два игрока садятся напротив друг друга, упираются ступнями, надевают на шею ремень и по команде судьи начинают тянуть ремень каждый на себя, стараясь оторвать соперника от земли (пола). Если кому-то из игроков это удастся, на место побежденного игрока садится другой игрок. Побеждает тот, которому удастся поочередно перетянуть всех участников состязания.

**Вариант игры.** Соперники встают на четвереньки напротив друг друга и стараются перетянуть соперника за черту, проведенную между ними.

Подобное состязание популярно и у ваховских хантов под названием «*Савэлна талехсели*».

Состязание способствует развитию и совершенствованию силы мышц шеи, рук, туловища, ловкости; воспитанию настойчивости и выдержки.

Чукотская игра «Перетягивание на ремне» – «*Иннытинучит*» (*инны* – шея, *тинучит* – перетягивание) представляет собой соревнование в силе. В этой игре принимают участие два человека.



Перетягивание на ремне<sup>18</sup>

Играющие садятся друг против друга, скрестив ноги. Распорядитель надевает обоим играющим на шею ремень и дает команду начинать перетягивание. Сильнейший стягивает противника с места. Победителя одаривают подарками.

---

<sup>18</sup> Приводится по кн. «Полевые исследования Института этнографии 1975 г.» [78, с. 33].

Другая игра на перетягивание называется «Перетягивание на руках» – «*Рылтытинучит*». Участники игры (два человека) садятся друг против друга, скрестив перед собой ноги.

Средними пальцами правых рук цепляются за противника, а левыми отталкиваются, упираясь в левое плечо. Такое перетягивание сопровождается напряженными гримасами, что вызывает смех у наблюдающих. Победитель получает одобрение зрителей и приз.

У эскимосов старинного села Наукан эта игра носит название «*Аткилнан*». Но противники цепляются при этом средними пальцами рук [122].

Среди всех восточных эвенков была широко распространена игра в перетягивание – «*Куркат*» (олекменские эвенки). Играющие делятся на две группы и гуськом садятся на землю, держа друг друга за пояс. Первые двое держатся за палку и тянут ее каждый к себе. Перетягивание проводится и стоя: за толстый ремень берутся две группы людей и тянут каждая в свою сторону.



Перетягивание на руках<sup>19</sup>

Ваховские ханты называют это состязание «*Лайна талэхсели*». Соревнуются круглый год подростки и взрослые мужчины. Количество игроков обычно – от 5 до 6 человек. Два игрока садятся напротив, упираясь ступнями (ноги в коленях прямые) в доску длиной 1,5–2 м, шириной 35–

---

<sup>19</sup> Приводится по кн. «Полевые исследования Института этнографии 1975 г.» [78, с. 33].

40 см, толщиной 2–3 см. Они цепляются большими пальцами руки и по команде судьи стараются перетянуть друг друга так, чтобы соперник оторвался от пола (земли). Если кто-то из игроков не выдерживает и сам отцепляет палец, он считается побежденным. Затем победитель состязается со следующим из участников игры.

Подобное состязание бытует у хантов, кочующих в верховьях реки Назым под названием «Перетягивание петли мизинцем» – «*Фушан нэр тадта*». Состязаются в любое время года подростки, взрослые, иногда подключаются к игре женщины, девочки. Для игры изготавливают веревочную петлю длиной 50–70 см. Состязаются следующим образом: двое садятся напротив, упираясь ступнями. Затем берутся мизинцами за петлю, натягивают ее и по сигналу судьи начинают тянуть веревочную петлю на себя, стараясь оторвать соперника от пола (земли). Если игрок выпускает петлю, он проигрывает, а с победителем состязается следующий. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы пальцев, кисти, плечевого пояса; воспитанию настойчивости и выдержки.

Своеобразное состязание мы записали у сургутских хантов под названием «Борьба ногами» – «*Курнат тахта*». Это состязание проводится в любое время года. Участвуют только подростки и мужчины. Соперники ложатся на спину рядом, головами в разные стороны, захватывают противника локтем, сцепив пальцы обеих рук на груди. Затем, подняв ближайшую к противнику ногу вверх, выполняют ей захват. Другая нога – прямая – лежит на земле (полу), во время борьбы соперники упираются ей в пол (землю). По команде судьи соперники стараются выпрямленной вверх ногой перевернуть друг друга. Во время борьбы запрещается расцеплять пальцы рук.

**Вариант состязания.** Борцы ложатся рядом головами в разные стороны, захватывают друг друга ближайшей к противнику рукой; вторая рука вытянута вдоль туловища. Затем, подняв друг к другу ближние ноги, зацепляются ими вверх; другая нога упирается пяткой в пол (землю). По команде судьи соперники стараются перевернуть друг друга через голову.

Аналогичное состязание бытует в п. Усть-Войкары у шурышкарских хантов. Здесь борьба ногами носит название «*Кур*». В этом варианте состязании имеются некоторые особенности. Так, например, игроки ложатся головами в разные стороны и не захватывают друг друга, а берут противника «за грудки» ближней рукой. Состязание способствует развитию и совер-

шенствованию силы ног, туловища, ловкости; воспитанию выдержки и самообладания.

В героических былинах и сказаниях хантов часто встречается описание древнего состязания этого народа – переламывания костей птиц, животных [155; 156]. Наши полевые исследования позволили значительно расширить сведения о подобных состязаниях. Так, например, у ваховских хантов это состязание называется *«Котэнь лух мурахтэлэ»*. Состязаются круглый год, в игре принимают участие даже старики и женщины. Игроки ходят по чумам (на стойбище обычно 4–5 чумов) и предлагают переломить кость глухаря. Играющий берет кость двумя руками за концы и старается, согнув, переломить ее.

Обские ханты (п. Полноват) состязаются в переламывании плечевой кости лебедя; при этом можно упираться костью в колено.

Подобные состязания имеют большую популярность среди аганских хантов и ненцев. Существующие там правила разрешают обматывать концы кости тряпочками. Приезжему гостю часто предлагают сломать кость лебедя. По местным обычаям, в случае, если никто из семьи не может сломать кость, ее передают следующей семье; если же кость не может сломать никто в роду, передают следующему роду и т. д. А если же кому-то удастся это сделать, то, как известно из преданий и героических былин, песен хантов, богатырю за этот подвиг присваивается почетное имя [108]. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы рук, плечевого пояса; воспитанию выдержки и настойчивости.

Другую разновидность состязания в переламывании кости (в данном случае лопатки оленя) мы записали в с. Русскинская Сургутского района. Оно называется «Переломи кость» – *«Понгыллон»*. В игре принимают участие только подростки и взрослые мужчины. Состязание проводится в любое время года. Количество участников не ограничивается. Для состязания необходима лопатка оленя, которую предварительно варят, очищают от мяса, а затем высушивают. Игроки кладут лопатку оленя на стол, затем поочередно щелчком большого пальца сверху стараются раздробить, разломать ее. Кому удастся сделать это первым, тот считается победителем. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы пальцев, кисти рук, выдержки и настойчивости.

У хантов юрт Каюковых бытует другая игра «Состязание в силе» – *«Вовх ичалли»*, которая проводится в любое время года. В игре принимают

участие только молодежь и взрослые мужчины. Количество игроков не ограничивается. Двое играющих садятся напротив друг друга, ставят одну руку на локоть вертикально, кисти рук захватывают в замок. Вторая рука обязательно должна лежать на столе сзади первой. Ноги игроки ставят параллельно. Приняв исходное положение, соперники по команде судьи или одного из очередных игроков (они дают команду, касаясь своими руками кистей рук соперников) начинают одновременно вести силовую борьбу руками. Надо усилием руки положить руку соперника на стол, прижать ее к столу. Во время такой борьбы запрещается отрывать от стола локоть. Если же игрок нарушил это правило, он признается побежденным, даже если соперник не смог прижать его руку к столу, и выбывает из игры. В этом единоборстве побеждает тот игрок, который прижимает руку противника к столу, не нарушив правил борьбы. Обычно на смену побежденному игроку за стол садится следующий участник и т. д. Победителем становится тот игрок, который побеждает всех игроков и набирает большее количество побед. Состязание способствует развитию и совершенствованию силы рук, плечевого пояса; воспитанию выдержки и настойчивости.

Подобное состязание распространено и в с. Итьях (казымские ханты) под названием «Перетягивание руками» – *«Йэр еш»*. Но необходимо отметить, что в этом селении в состязании участвуют только мужчины.

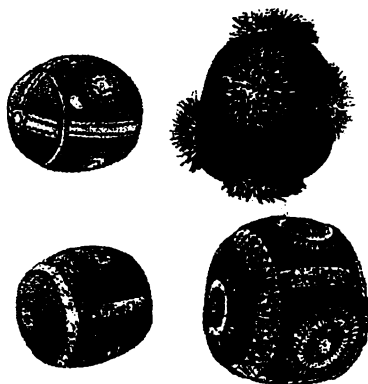
### *Игры с мячом*

Широко распространены у коренных народов Сибири и игры с мячом. Любопытно, что слово, обозначающее «мяч», с чукотского языка буквально переводится как «пиналка».

У юкагиров игра в мяч связана с отношениями полов. Мяч – это деревянный шар, обшитый оленьей шкурой, довольно тяжелый и твердый. Его перебрасывают взад и вперед, а потом, изловчившись, бьют мячом изо всей силы по чьим-нибудь ногам. Юноши метят в девушек, а девушки – в юношей. Так, обыкновенно, сводятся счеты за непостоянство и измену. Тот, кто чувствует себя виновным, терпеливо выносит удары или, в свою очередь, подхватывает мяч и переходит в стремительное нападение.

Якуты играют также в мяч, бросая его в землю, и, когда он отскочит, ловят его руками, что называется *«мээчик хабар»* (в Верхоянском улусе); пинают его ногами – *«мээчик пэгбэр»* (в Жиганском улусе).

Игра в мяч также популярна среди эскимосов и береговых чукчей. Ее устраивают, когда замерзает море и байдары поднимают на помосты. Мяч шьют из ровдуги, набивают оленьей шерстью. Размер мяча может быть различным. Самый большой мяч не превышает размера современного волейбольного мяча.



Мячи эскимосов и чукчей<sup>20</sup>

В игре *«Капылу чичватча»* (дословно «В мяч играть») обычно участвуют две группы – мужчин и женщин. Играющие бегают по площадке, ловят мяч, передают его из рук в руки. В процессе игры одна из девушек ухитряется спрятать мяч в одежду; юноши пытаются найти и забрать мяч. При этом они зачастую довольно свободно обращаются с девушками. Юноши прибегают к различным уловкам, чтобы заставить девушку отдать мяч.

Игра *«Амракемгкон»* представляет собой соревнование двух сторон улицы, поселка. Каждая сторона представлена группой участников игр, возглавляемой девушкой. Начиная игру, девушка первой группы бросает мяч в сторону второй группы. Девушка, стоящая впереди второй группы, должна поймать мяч и убежать с ним. Ее пытаются догнать и отобрать мяч. Сторона-победительница, отобравшая мяч, объявляет конкурс на лучшую песню и танец. Затем бросает мяч сторона, которая потерпела поражение. Мяч остается в той группе, которая победила.

В игре *«Кэлы чувичьэт»* (буквально «Ударить ногой мяч») в прошлом принимали участие две команды поселка Уэлен: *лныяранцы* – те, кто

<sup>20</sup> Приводится по кн. В. Г. Богораз *«Материальная культура чукчей»* [30, с. 203].

жил около сопки, и *тандаранцы*, жившие около косы. Противники бежали по кругу навстречу друг другу; одни по внутреннему кругу против хода часовой стрелки, другие по внешнему кругу по ходу часовой стрелки. Задача заключалась в том, чтобы полностью пройти круг, ударяя мяч ногой и отнимая его у противников. Затем, когда круг завершался, мяч опять брали в руки и еще раз пробегали по кругу. Расстояние по кругу определялось заранее, оно равнялось нескольким километрам. В этой игре принимали участие в основном юноши.



Игра в мяч. Эскимосы<sup>21</sup>

Игра в мяч наиболее распространена среди приморских чукчей, которые живут оседлыми поселениями; жизнь их поэтому имеет более упорядоченный характер, чем жизнь постоянно передвигающихся кочевников.

Чукчи употребляют как ручной, так и ножной мячи, различающиеся между собой по величине. Как уже упоминалось само название мяча по-чукотски соответствует выражению «удар ногой», т. е. имеет ближайшую связь с понятием «ножной мяч». Наружный вид чукотских мячей такой же, как у мячей аляскинских эскимосов. Никаких особых правил игры в мяч не существует. Участники – обычно молодые люди обоих полов – разделяются на две группы. Одна группа бросает мяч рукой или ударяет его ногой, другая партия старается поймать мяч. Часто девушки представляют одну сторону, юноши – другую. Иногда игра заключается в том, что все бегают за мячом, подброшенным вверх.

Иногда на изготовление мяча употребляется целая оленья шкура; получается большой, неуклюжий на вид ножной мяч. В игре таким мячом принимает участие почти все население поселка.

В игре с мячом – «*Каплевэчватгыргын*» (чукот.), «*Капынэл*» (коряк.) – мальчики, расположившиеся кругом, перебрасывают мяч друг другу, а девочки, находящиеся в центре, стараются этот мяч поймать. Как

<sup>21</sup> Приводится по кн. Н. И. Пономарева «Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания» [170, с. 160].



только он пойман, участники игры меняются местами. Мяч делают из ровдуги, плотно набитой травой. Для придания мячу большей тяжести его периодически смачивают водой.

У амурских гиликов бытует следующая игра в мяч. Этот мяч, *pulk*, величиною меньше кулака и обшит рыбьей кожей. Играющие разбиваются на две команды. Игра начинается с того, что мяч подбрасывают вверх и потом палкой отбрасывают по направлению к противникам. Те должны вернуть его назад и не дать залететь далеко в «тыл». Если же мячу удалось миновать команду противников, тогда они передвигаются дальше, а за ними и другая команда. Когда мяч прикатится или прилетит, то каждый палкой старается отбросить его.

Другую игру с метанием мяча мы записали в п. Казым Белоярского района. Играют на ровных площадках возле домов, на лесных полянках в летнее время. В начале игры чертят на земле круг диаметром 20 м, затем по желанию или по договоренности между собой игроки выбирают двух водящих. Все игроки располагаются внутри круга, а водящие ходят за кругом, пряча мяч под одеждой. Мяч изготавливают из оленьей кожи и набивают тряпками. Его диаметр – от 10 до 15 см. Водящие стараются неожиданным броском попасть в кого-либо из игроков в круг. Если им удастся это сделать, то игрок, в которого попали мячом, выходит за круг. Пара водящих, которая быстрее выбивает всех игроков из круга, объявляется победительницей.

Описание игры в мяч у манси и хантов в древности имеется в героических преданиях, сказках [140]. Но в них мяч обычно изготовлен из стекла или из камня. Игроки в сказочных играх часто метают каменные мячи ногами.

Игра в ямки и мяч распространена к северу и к югу от Нижней Тунгуски. Для игры выбирают чистую и ровную площадку, которую делят чертой на две части. Играющие делятся на две группы. Деревянный мяч (зимой – ледяной шар) кладут на черту. Обе группы с палками стоят у черты. По команде каждая группа старается палкой загнать мяч (шар) на чужой участок. Судья считает очки. После набора 10 очков игра прекращается.

У нанайцев бытует игра в мяч, которая называется «*Пакачи*». Мяч, *пака*, шьют из рыбьей кожи или из выделанной шкуры изюбра. Иногда его набивают сухой травой. Играющие (обычно 20–30 человек) делятся на две группы. У каждого имеется палка *боё*, изготовленная из древесины молодого ясеня. Задача играющих состоит в том, чтобы с помощью палки как

можно быстрее провести мяч на сторону противника. По мячу можно бить палкой или проводить его, подталкивая. Кто быстрее бежит, метко бросая мяч своему игроку, бьет уверенно и смело, кто увертливее и ловчее, тот побеждает. Игра способствует выработке быстроты бега, точности удара и развитию сообразительности, воспитанию коллективизма.

Кроме того, нанайцы с удовольствием играют в «Дачиокачи» – игру в мяч с клюшкой (боё). Участники делятся на две группы. Игра начинается ударом клюшки по мячу. Игроки противоположной команды должны также клюшкой отразить мяч. Если мяч пропускают, следом за ним должны отойти и все члены этой команды. Первая команда повторяет удар с нового места, а вторая должна его по-прежнему отразить. Если удар отражен, право бить по мячу получает вторая команда.

**Вариант игры.** Вместо кожного мяча используется мяч из стеблей полыни диаметром 5–6 см, длиной не более 10 см или кусочек кочки (*карчан*). Мальчики держат в руках острогу, *чакпан*, – палку длиной 1,5 м. Конiec ее расщепляется на 4 зубца, и она служит ловушкой для мяча. Дальше игра разворачивается так же, как и в первом варианте.

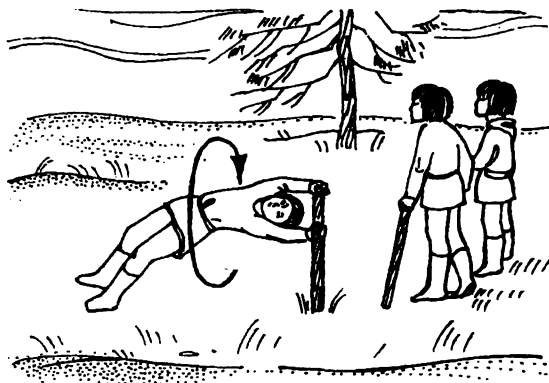
У эрбогоченских эвенков эта игра называется «Паксиду». В этой игре используется мяч, набитый волосом. У них же есть игра «Килакаткат», заключающаяся в том, чтобы загнать в ямку деревянный мяч лопаткой (*килакавун*) с длинной ручкой. Выигрывает тот, кто загоняет мяч в ямку большее количество раз.

### Силовые упражнения

Значительная физическая сила и гибкость требуются от участников якутского состязания «Переворот через себя» – «Тутум эргитэр».

Для этой игры требуется палка длиной около 1 м. Участник соревнования берется одной рукой за палку на уровне 10 см от пола (в настоящее время состязание проводится в спортивном зале), а другой рукой – за верхний конец палки. Затем он наклоняется назад, делает «мост», опираясь на палку, и возвращается в первоначальное положение. Побеждает тот, кто больше сделал таких наклонов. Сорок наклонов – таков был рекорд.

Подобная игра бытует у лесных ненцев под названием «Повернись с палкой». Играют в летнее время и дети, и взрослые (в перерывах между работой). Для игры изготавливают палку из березы или елки длиной 60–80 см. Палку зачищают от неровностей.



Игра «Повернись с палкой»<sup>22</sup>

Игрок берет палку правой рукой за верхний конец, левой за середину. Затем он принимает положение упора лежа, опираясь на палку руками, и, не отрывая ног от земли (ноги при этом должны быть прямыми в коленях), старается повернуться на  $360^\circ$  в правую или левую сторону, перебирая руками. При этом он не должен касаться земли никакой частью тела, кроме ступней ног. Победителем признается тот игрок, которому удастся повернуться большее число раз, чем другие играющие.

**Вариант игры.** Палку укорачивают. Это значительно усложняет выполнение поворотов.

На испытание физической силы и выносливости нацелено состязание «*Батаха тахыта*». По условиям соревнования, участники должны перетаскать по 10 мешков (каждый мешок весит 20–30 кг) на определенное расстояние с наименьшей затратой времени.

Среди нанайцев большой популярностью пользуется игра «Подъем тяжести» – «*Хуйгечи*». С этой целью используются тяжелые камни или наковальня; могут также употребляться и другие предметы. Соревнование проходит между двумя группами молодежи. Побеждает самый сильный. Соревнование имеет три степени трудности: 1) оторвать от земли; 2) поднять до груди; 3) поднять над головой.

<sup>22</sup> См. кн. «Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов» [108, с. 35].

## Заключение

Физические упражнения, игры, состязания коренных народов Сибири связаны с условиями их жизни, природно-климатическими особенностями, характером труда, производственной деятельностью.

Главными задачами аборигенов Сибири в деле воспитания подрастающего поколения всегда были всестороннее физическое развитие детей, подростков, молодежи, привитие им нравственных, эстетических норм, воспитание духовности, обучение трудовым навыкам. Все это являлось гарантией приспособления этноса к экстремальным условиям проживания в Сибирском регионе.

Коренными народами Сибири создана самобытная система физического воспитания со своими средствами, методами, формами, которая учитывает половозрастные особенности подрастающего поколения, что способствует успешному освоению молодежью основ трудовой деятельности.

Изучение устного народного творчества показало, что физическому воспитанию подрастающего поколения коренными народами Сибири с самых древних времен отводится важнейшее место при решении любых образовательных задач.

Система традиционных игр и состязаний позволяет эффективно готовить детей, подростков, молодежь к промысловой деятельности (охота, рыболовство, оленеводство), ведению домашнего хозяйства в условиях кочевого и полукочевого образа жизни.

Использование уникального опыта физической культуры коренных народов Сибири в современном процессе физического воспитания позволит обогатить средства, методы, формы оздоровительной работы с учащимися образовательных учреждений, взрослым населением.

Изучение и адаптирование к современности традиционных игр и состязаний будет способствовать дальнейшему развитию национальных видов спорта коренных народов Сибири.

### **Библиографический список**

1. *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Зап. Рус. Императ. геогр. о-ва. 1857. Кн. 12.
2. *Абсалямов Г. Ш.* Национальные виды спорта ненецкого народа: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1962.
3. *Аз-оол Е. М., Дормидонтова Л. С.* Народные тывинские игры в программе школьной физической культуры // Физкульт. образование Сибири. 1998. № 2 (8).
4. *Айтин Е. В.* В ожидании первого снега. Свердловск, 1979.
5. *Айтин Е. В.* В тени старого кедра. Свердловск, 1986.
6. *Айтин Е. В.* Ханты, или Звезда Утренней Зари. М., 1990.
7. *Алексеев Е. А.* Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
8. *Алексеев Е. А.* На медвежьем празднике кетов // Сов. этнография. 1985. № 5.
9. *Андреев А. И.* Описание о жизни и упражнениях разного рода ясачных иноверцев, обитающих в Туруханском и Березовском округах // Сов. этнография. 1947. № 1.
10. *Анисимов А. Ф.* Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л., 1966.
11. *Анисимов А. Ф.* Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936.
12. *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.
13. *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. Л., 1957. Вып. 2.
14. *Аристотель.* Политика. М., 1911.
15. *Аркин Е. А.* Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры / ГЦНИИ охраны здоровья детей и подростков. М., 1935.
16. *Афанасьев В. Ф.* Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1979.
17. *Базанов А. Г.* Вогульские дети // Сов. Север. 1934. № 3.
18. *Базанов А. Г., Певгова Л. В.* Игры детей народов Крайнего Севера. М., 1949.
19. *Баранников Н.* Сказки об Эмэмкуте. Л., 1940.

20. *Бартенев В.* На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896.
21. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Новосибирск, 1980.
22. *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935.
23. *Бекетов А. Н.* Еще несколько заметок об инородцах Березовского округа // Тобол. губерн. ведомости. 1857. № 13.
24. *Белиловский К. А.* Женщина инородцев Сибири: Медико-этнографический очерк. СПб., 1894.
25. *Белкин А. С.* Основы возрастной педагогики. Екатеринбург, 1992.
26. *Бельды В.* Нанайские игры. Хабаровск, 1989.
27. *Белявский Ф.* Поездка к ледовитому морю. М., 1833.
28. *Беретти Н. Н.* На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929.
29. *Богораз В. Г.* Игры малых народностей Севера // Сборник музея антропологии и этнографии. М., 1949. Т. 11.
30. *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.
31. *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Ч. 1. СПб., 1900.
32. *Богораз В. Г.* Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти // Сборник музея археологии и этнографии. СПб., 1901. Т. 2.
33. *Богораз В. Г.* Сказание об Эленди и его сыновьях // Живая старина. 1899. Вып. 3.
34. *Булгаковский Д., Пинчук Г.* Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья и местный словарь // Этнографический сборник. СПб., 1890.
35. *Бутанаев В. Я.* Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Уде, 1980.
36. *Бутанаев В. Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
37. *Бушен О.* Опыт исследования о древней Югре // Вестн. Императ. геогр. о-ва. СПб., 1885. Кн. 4.
38. *Былеева Л. В.* Русские народные игры: В 2 ч. М., 1988.
39. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы. Новосибирск, 1971.
40. *Василевич Г. М.* Игры тунгусов // Этнограф-исследователь. 1927. № 1.
41. *Василевич Г. М.* Эвенки. Л., 1969.
42. *Вениаминов И.* Записки об островах Уланашского отдела. Ч. 2. СПб., 1840.

43. *Виноградов Г. С.* Народная педагогика. Иркутск, 1926.
44. *Водовозов В. И.* Русская народная педагогика. СПб., 1861.
45. *Волков Г. Н.* Этнопедагогика. Чебоксары, 1974.
46. *Волков Г. Н.* Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966.
47. *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по ледовитому морю. М., 1948.
48. *Выготский Л. С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // *Вопр. психологии.* 1966. № 6.
49. *Галеев Э. Х.* Татарские народные традиции физического воспитания и их использование в практике учебно-воспитательной работы: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1973.
50. *Гапанович И. И.* Аманьгунские тунгусы и негидальцы, их будущность. Харбин, 1927.
51. *Гашимов А. Ш.* Идеи умственного и нравственного воспитания в азербайджанских сказках и пословицах: Дис. ... канд. пед. наук. Баку, 1957.
52. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были татского края. Новосибирск, 1989.
53. *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. СПб., 1776. Ч. 1.
54. *Глушков И. Н.* Чердынские вогулы // *Этнографическое обозрение.* 1900. Т. 15, вып. 2.
55. *Голодников К.* Тобольская губерния. Тобольск, 1882.
56. *Гондатти Н. Л.* Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М., 1988.
57. *Гондатти Н. Л.* Следы язычества инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888.
58. *Горбунов Б. В.* Народные виды спортивной борьбы славян: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
59. *Гориневский В.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1951. Т. 1.
60. *Городков Б.* Поездка в Салымский край // *Ежегодник Тобол. губернского музея.* Тобольск, 1913. Вып. 21.
61. *Гофман Э.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1856. Т. 2.
62. *Грачева Г. Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе инганов // *Традиционное воспитание детей у народов Сибири:* Сб. ст. Л., 1988.

63. Григорьев В. М. Народные игры и традиции в России: Метод. пособие / Всерос. науч.-метод. центр нар. творчества и культ.-просвет. работы. М., 1991.
64. Григорьев С. В. Самовыражение и развитие личности в игре: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.
65. Гроос К. Душевная жизнь детей. СПб., 1906.
66. Губарев К. Обдорск // Современник. 1863. Т. 94.
67. Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. Т. 94.
68. Гурвич И. С. Культура северных якутов – оленеводов. М., 1977.
69. Дибиров М. А. Народные средства физического воспитания народов Нагорного Дагестана: Дис. ... канд. пед. наук. Тбилиси, 1970.
70. Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. М., 1956.
71. Дмитриев-Садовников Г. Лук ваховских остяков и охота с ним // Ежегодник Тобол. губерн. музея. Тобольск, 1914. Вып. 2.
72. Дорджиева Д. Из истории бурятской народной педагогики // Байкал. 1974. № 4.
73. Дунин-Горкавич А. Л. Тобольский Север: В 2 т. СПб., 1904.
74. Духнович А. Народная педагогика в пользу ученых и учителей. СПб., 1857.
75. Дьяконова В. П. Детство в традиционной семье тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
76. Дьяченко В. И. Воспитание детей у якутов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
77. Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России: Этнографический очерк. СПб., 1895.
78. Жорницкая М. Я. Народные игры чукчей и эскимосов // Полевые исследования Института этнографии 1975 г. М., 1977.
79. Жуковская Р. И. Игра в ее педагогическом значении: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 1968.
80. Загвязинский В. И. Теория обучения: Современная интерпретация: Учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений. М., 2001.
81. Загвязинский В. И., Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования: Учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений. М., 2001.



82. *Зациорский В. М.* Влияние наследственности и среды на развитие двигательных качеств человека // Теория и практика физкультуры и спорта. 1975. № 6.
83. *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Западной Сибири XVIII века (1771–1772). М.; Л., 1947.
84. *Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
85. Игры народов СССР: Сб. материалов / Под ред. В. Н. Всеволодского-Гернгросса. М.; Л., 1933.
86. *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.
87. *Ильина И. В.* Ребенок в традиционной культуре салымских хантов. Сыктывкар, 1996.
88. *Инфантьев П.* За уральским бобром // Вестник Европы. 1894. № 2.
89. *Иохельсон В. И.* По рекам Ясачной и Коркодону: древний и современный юкагирский быт и письмена // Изв. Рус. Императ. геогр. о-ва. СПб., 1898. Т. 34, вып. 3.
90. *Иринарх (изумен).* В дебрях крайнего Северо-Запада Сибири // Православный благовестник. 1909. Т. 1, № 11.
91. *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
92. История и культура ительменов. Л., 1990.
93. История и культура удэгейцев. Л., 1989.
94. История и культура чукчей. Л., 1987.
95. *Кавелин Е.* В стране Анаклин и Чауча // Сов. Север. 1931. № 7.
96. *Кадыров.* Узбекская народная педагогика. Ташкент, 1987.
97. *Кант И.* О педагогике. М., 1907.
98. *Каптерев Л.* Вогулы ивдельского края // Знамя и труд. 1925. № 7–8.
99. *Каптерев П. Ф.* О детских играх и развлечениях // Избр. пед. соч.: В 5 т. М., 1982. Т. 5.
100. *Каруновская Л. Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник музея археологии и этнографии. 1927. Т. 6.
101. *Колодца Д. А.* Детские игры, их психологическое и педагогическое значение. М., 1911.
102. *Коменский Я. А.* Великая дидактика. М., 1990.
103. *Компере Г.* Умственное и нравственное развитие ребенка. М., 1912.

104. *Кондратович О. В.* К этнографии остяков (Березовский округ) // Тр. антропол. о-ва при Императ. воен.-мед. акад. 1897. Т. 2.
105. *Контаутене З.-Б. Ф.* Народные детские игры и их педагогическое значение: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1977.
106. *Кориков Л.* Сосьвинские и Ляпинские вогулы Березовского округа. Тюмень, 1898.
107. *Кочнев В. П.* Традиционные игры и национальные виды спорта коренных народов Якутии в современной системе физического воспитания: Дис. ... д-ра пед. наук. Якутск, 1998.
108. *Красильников В. П.* Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов. Екатеринбург, 2002.
109. *Красильников В. П. и др.* Игры хантов // Физическая культура в школе. Москва, 1994.
110. *Красильников В. П.* Проблемы подготовки специалистов в области физической культуры и спорта для Урало-Сибирского региона // Совершенствование подготовки кадров в области физической культуры и спорта в условиях модернизации профессионального образования в России: Тез. докл. конф., Москва, 13–14 марта 2003 г. М., 2003.
111. *Красильников В. П.* Роль традиционных игр в физическом воспитании подрастающего поколения хантов // Проблемы физического воспитания школьников Сахалинской обл.: Тез. докл. науч.-практ. конф., Хабаровск, 18–20 апр. 1993 г. Хабаровск, 1993.
112. *Красильников В. П.* Традиционные средства физического воспитания хантов // Седьмые Виноградовские чтения: Тез. докл. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14–17 июня 1993 г. Екатеринбург, 1993.
113. *Красильников В. П.* Фольклор и национальные традиции физического воспитания детей у народов Сибири // Место и значение фольклора и фольклоризма в национальных культурах: история и современность: Тез. докл. науч.-практ. конф., Челябинск, 12–16 февр. 1998 г. Челябинск, 1998.
114. *Красильников В. П.* Этнопедагогические условия использования народных игр и состязаний хантов // Теория и история игры: Сб. науч. тр. М., 1995.
115. *Красильников В. П.* Этнопедагогические условия использования народных игр традиционного физического воспитания хантов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1994.
116. *Крейнович Е. А.* Нивхгу. М., 1973.

117. *Кривошапкин М. Ф.* Об осяках, тунгусах // Зап. Сибир. отд. Рус. Императ. геогр. о-ва. Иркутск, 1863. Кн. 6.
118. *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения: В 11 т. М., 1957–1963. Т. 2.
119. *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
120. *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Легенды и сказки хантов. Томск, 1973.
121. *Лебедев В. В.* Похоронный обряд ачайваямских коряков-оленьеводов // Полевые исследования Института этнографии 1975 г. М., 1975.
122. *Леонова Н. А.* Национальные игры эскимосов (с. Наукан) // Праздники и обряды народностей Чукотки. Магадан, 1990.
123. *Леонтьев А. Н.* Психологические основы дошкольной игры // Сов. педагогика. 1944. № 9.
124. *Леонтьев В. В.* Национальные игры чукчей // На Севере дальнем. Магадан, 1960.
125. *Лесгафт П. Ф.* Собрание педагогических сочинений: В 5 т. М., 1951. Т. 2.
126. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири: первая половина XVIII века. Магадан, 1983.
127. *Логинковский К.* Игры бурят Восточного Забайкалья // Зап. Читин. отд-ния Приамур. отд. Рус. Императ. геогр. о-ва. Чита, 1897. Вып. 2.
128. *Локк Д.* Педагогические сочинения: Пер. с англ. М., 1939.
129. *Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985.
130. *Любарских П.* (архимандрит). Краткое известие о пермских Чердынских вогуличах. СПб., 1792.
131. *Макаренко А. С.* Избранные педагогические сочинения: В 7 т. М., 1950. Т. 5.
132. *Мальков П.* Оленьими тропами // Урал. рабочий. 1936. № 291.
133. *Мартынова Е. П.* Социализация детей у хантов и манси // Седьмые Виноград. чтения: Тез. докл. Екатеринбург, 1993.
134. *Мартынова Е. П.* Южные ханты: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
135. *Марц В. Г.* Беседы по теории и методике игры. М., 1925.

136. *Матвеев Л. П.* Теория и методика физического воспитания. М., 1977.
137. *Меновицков Г. А.* Эскимосы: Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959.
138. *Мирзоев Ш. А.* Народная педагогика: Словесные средства воспитания. Махачкала, 1984.
139. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Под ред. Е. С. Новик. М., 1990.
140. Народы России: Энцикл. / Под ред. В. А. Тишкова. М., 1994.
141. Народы Советского Севера (1960–1980): Энцикл. / Под ред. И. С. Гуревича, З. П. Соколовой. М., 1991.
142. *Никифоровский М. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
143. *Николаев С. И.* Эвенки и эвены. Якутск, 1964.
144. *Новикова Н. И.* Традиционно-бытовые праздники манси: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
145. *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком. СПб., 1884.
146. *Носилов К. Д.* У вогулов. СПб., 1904.
147. *Носилов К. Д.* Северные рассказы. М., 1931.
148. *Оберталлер П. М.* Материалы о хантыйских куклах // Сов. этнография. 1935. № 3.
149. *Ооржак Х. Д.-Н.* Игры народов Южной Сибири // Теория и история игры: Сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 1.
150. *Орлова А. П.* Народные традиции и современные проблемы воспитания // Сов. педагогика. 1989. № 7.
151. *Осокин Г. М.* На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб., 1901.
152. Отрывки из замечаний о Сибири одного из бывших в оной прежде Иркутским, а потом Тобольским губернатором // Дух журналов. 1815. Кн. 12, ч. 2.
153. *Павлинская Л. В.* Игрушка и мир детства в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.

154. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г.: [Сост. А. А. Дмитриевым-Мамонтовым и К. М. Голодниковым]. Тобольск, 1884.
155. *Патканов С. К.* Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // Живая старина. 1899. Вып. 2.
156. *Патканов С. К.* Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3–4.
157. *Певгова Л. В.* Национальные игры детей народов Севера. Л., 1939.
158. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бид-Бад. М., 2003.
159. *Пекарский П.* Путешествие академика Н. И. Делиля в Березов в 1740 году. СПб., 1866.
160. *Песталоцци И. Г.* Избранные педагогические сочинения: В 3 т. М., 1965.
161. *Петри Б. Э.* Бурятская игра «Бэхэр» (Кушаки) // Живая старина. СПб., 1916. Прил. 5.
162. *Пилсудский В. О.* Роды, беременность, выкидыш, близнецы, уроды. Бесплодие, плодовитость у туземцев о. Сахалин. СПб., 1910.
163. *Пирлиев К.* Народная педагогика и современность. Ашхабад, 1988.
164. *Платон.* Законы: Пер. с древнегреч. М., 1923.
165. *Плеханов Г. В.* Письма без адреса. М., 1956.
166. *Плотников А. О.* Нарымский край. СПб., 1901.
167. *Подревский Н.* Поездка на Северный Урал летом 1892 г. М., 1895.
168. *Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). 2-е изд., испр. и доп. М., 1885.
169. *Покровский Е. А.* Физическое воспитание у разных народов, преимущественно России. М., 1884.
170. *Пономарев Н. И.* Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. М., 1970.
171. *Попов С. П.* Крайний Север Уралобласти и быт остяков // Пермский краеведческий сборник, 1926. Вып. 2.
172. *Попов А. А.* Нгансаны. М.; Л., 1948.

173. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883.
174. *Природа и человек на Крайнем Севере* [сочинение Гартвига]: Пер. с нем. М., 1866.
175. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1981.
176. *Решетень И. Н.* и др. Педагогика: Учеб. для ин-тов физ. культуры. М., 1986.
177. *Рейнсон-Правдин А. Н.* Игра и игрушка детей народов Обского Севера // Сов. этнография. 1949. № 3.
178. *Рейнсон-Правдин А. Н.* Игра и игрушка детей народов Обского Севера: Дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1944–1945.
179. *Роббек Г. В., Шамаев Н. К.* Эвенские народные игры и состязания: Учеб.-метод. пособие. Якутск, 1996.
180. *Ругин Р.* В ожидании сына. Свердловск, 1990.
181. *Руссо Ж. Ж.* Педагогические сочинения. М., 1981.
182. *Самар А. Д.* Сын бедняка // Мы – люди Севера. М., 1949.
183. *Самбу И. У.* Тувинские народные игры: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.
184. *Севильягаев Г. Ф.* Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972.
185. *Сем Т. Ю.* Особенности социализации детей у оленекских эвенков // Мир детства в традиционной культуре народов СССР: Сб. науч. тр. Л., 1991.
186. *Сем Ю. А.* Воспитание детей в традиционной культуре нанайцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
187. *Семенов В. Д.* Социальная педагогика: История и современность. Екатеринбург, 1995.
188. *Сенигов И.* Народные воззрения на учение и воспитание. СПб., 1896.
189. *Сенкевич В. В., Гудков И. С.* Социализм в быту хантов // Сов. этнография. 1940. № 4.
190. *Серебряков А. В., Пономарев Н. И.* Социология спорта США на службе капитализма. М., 1987.
191. *Серошевский В. Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. 1.
192. Сибирские инородцы: Самоеды, остяки // Православный благовестник. 1894. Т. 2, кн. 1, № 9.

193. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Средней Евразии. М., 1967.
194. *Скалозубов М.* От Тобольска до Обдорска // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1906. Вып. 16.
195. *Слинкина Г. И., Чучелина Т. С.* Олне и Гусь-богатырь: Хантыйские сказки. Свердловск, 1989.
196. *Смирнов-Сибирский А.* Волчьи ноги // Уральский следопыт. 1935. № 1.
197. *Смоляк А. В.* Ульчи. М., 1966.
198. *Соболев А.* Детские игры и песни. Владимир, 1915.
199. *Сокалов М.* О болезнях, господствующих в Березовском крае между инородцами // Архив судебной медицины и общественной гигиены МВД. 1867. № 2.
200. *Соколова З. П.* К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера: Сб. ст. М., 1975.
201. *Соколова З. П.* Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера: Сб. ст. М., 1982.
202. *Соколова З. П.* Страна Югория. М., 1977.
203. *Соколова З. П.* Ханты // Вopr. истории. 1972. № 8.
204. *Соколова З. П.* Ханты реки Сыня и Куноват // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972.
205. *Соловьев А. И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.
206. *Спасский Г.* О забайкальских тунгусах // Сибирский вестник. 1822. Ч. 20.
207. *Спафарий-Милеску Н. Г.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
208. *Спенсер Г.* Основания психологии. СПб., 1876.
209. *Старков В. А.* Физическая культура Древней Руси: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991.
210. *Старцев Г.* Остяки. Л., 1928.
211. *Стебницкий С. Н.* Корякские дети // Сов. Север. 1930. № 4.
212. *Стракач Ю. Б.* Трудовое воспитание у малых народов Сибири в связи с развитием промыслово-оленьеводческого хозяйства: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1963.
213. *Сухомлинский В. А.* Письмо Г. Н. Волкову от 6 февраля 1967 г. // Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974.

214. *Сявако Е. И.* Украинская народная педагогика: Дис. ... канд. пед. наук. Львов, 1974.
215. *Таксами Ч. М.* Нивхи. Л., 1967.
216. *Таникеев М.* Развитие казахских национальных видов спорта и игр: Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1961.
217. *Терешкин Н. И.* Хантыйский язык // Языки народов СССР. М.; Л. 1966.
218. *Тоцакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев. Новосибирск, 1978.
219. *Требуховским П. Ф.* Сурбарханы балаганских бурят в прошлом и настоящем // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4.
220. *Туголуков В. А.* Идущие поперек хребтов. Красноярск, 1980.
221. *Туголуков В. Л.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.
222. *Туголуков В. А.* Материальная культура бурят. Улан-Уде, 1958.
223. *Туголуков В. Л.* Следопыты верхом на оленях. М., 1969.
224. *Тугутов И. Е.* Общественные игры бурят // Этнографический сборник. М., 1961.
225. *Туровский Д.* Остяки. М., 1898.
226. *Усова А. П.* Роль игры в воспитании детей. М., 1976.
227. *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1990. Т. 5.
228. *Федорова Е. Г.* Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
229. *Фини О., Брэм А.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.
230. *Фролова А. Н.* Игры народов крайнего северо-востока России. М., 2000.
231. *Ханбиков Я. И.* Некоторые вопросы изучения народной педагогики // Сов. педагогика. 1966. № 6.
232. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958.
233. Хантыйский язык: Учеб. для учащихся пед. уч-щ / Под ред. Е. А. Немысовой. Л., 1988.
234. *Харузин Н.* Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта // Изв. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890.
235. *Харузина В.* Игрушки у малокультурных народов // Игрушка, ее история и значение. М., 1912.
236. *Хейзинга И.* Человек играющий. М., 1992.



237. *Хинтибидзе А. Ф.* Идеи воспитания в грузинском народном творчестве: Дис. ... д-ра пед. наук. Тбилиси, 1967.
238. *Хамич Л. В.* Обряды и обычаи, связанные с детьми у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
239. *Хондажевский Н. К.* Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова // Зап. Запад.-Сибир. отд-ния Рус. Императ. геогр. о-ва. 1879. Кн. 1.
240. *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.
241. *Чаадаева А.* Национальная игрушка. Хабаровск, 1987.
242. *Чернецов В. Н.* Вогульские сказки. Л., 1935.
243. *Чернецов В. Н.* Фратриальное устройство обско-угорского общества // Сов. этнография. 1939. № 2.
244. *Чесноков Ю. В.* Некоторые аспекты традиционного воспитания детей в культуре оленных чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. ст. Л., 1988.
245. *Чутин Н. К.* О местах жительства и образе жизни вогул // Сборник Пермского земства. 1874.
246. *Чучелина Т.* Золотой город (хантыйские сказки). Свердловск, 1969.
247. *Шавров В. Н.* Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Рус. Императ. о-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М., 1871. Кн. 2.
248. *Шамаев Н. К.* Семейное воспитание на традициях. Якутск, 2003.
249. *Шанин Ю.* От эллинов до наших дней. М., 1975.
250. *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки // Тр. Том. краевед. музея. Томск, 1931. Т. 4.
251. *Швецов С.* Очерки Сургутского края // Зап. Запад.-Сибир. отд-ния Рус. Императ. геогр. о-ва. 1889. Т. 11.
252. *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека (к герцогу Гольштейн-Аугустенбургскому) // Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1902. Т. 4.
253. *Шренк А.* Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855.
254. *Шренк Л. И.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1833. Т. 1.
255. *Штейнц В. К.* Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1.

256. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
257. *Шульц Л. Р.* Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Tobol. губерн. музея. 1913. Вып. 21.
258. *Шухов И. Н.* Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Tobol. губерн. музея. 1915. Вып. 26.
259. *Элшвили В. И.* Традиции грузинской народной физической культуры и современность. Тбилиси, 1973.
260. *Элишевич К. А.* О первобытных приемах физического воспитания детей у разных народностей, населяющих Иркутскую губернию. Иркутск, 1879.
261. *Эльконин Д. Б.* Психология игры. М., 1978.
262. Юкагиры. Новосибирск, 1975.
263. *Юрьев Д.* Заметки об инородцах Березовского округа // Tobol. губерн. ведомости. 1857. № 13.
264. *Якобий А. И.* Страна реки Ваха // Tobol. губерн. ведомости. 1954. № 54.
265. *Яковлев В. Г.* Подвижные игры в теории и практике физического воспитания детей школьного возраста: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 1953.
266. *Buytendijk F. J. J.* Wesen und Sinn des Spiels. Berlin, 1933.
267. *Groos K.* Die Spiele der Menschen. Jena, 1899.
268. *Groos K.* Die Spiele der Tiere. Jena, 1899.
269. *Jochelson W.* The Koryak, Material Culture and Sozial Organisation, Leiden; NewYork, 1908.
270. *Jochelson W.* The Yukag-hir. Leiden; NewYork, 1908.
271. *Rudenko S. I.* Die Ugrier und die Menschen am unteren Ob. Budapest, 1972. Т. 21.

## Оглавление

Введение .....	3
Глава 1. ТРАДИЦИОННОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ .....	6
1.1. Проблемы народной педагогики в трудах педагогов и общественных деятелей .....	6
1.2. Отражение вопросов традиционного физического воспитания в научной литературе .....	11
1.3. Краткая этнографическая справка о коренных народах Сибири.....	14
Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИОННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ.....	22
2.1. Цели, задачи, средства, формы и методы физического воспитания....	22
2.2. Половозрастные периоды психофизического развития детей.....	34
2.3. Гигиенические условия и социальные обряды, связанные с рождением, как факторы физического развития ребенка.....	40
2.4. Самобытные приемы воздействия на физическое развитие и укрепление здоровья детей и подростков .....	43
2.5. Обучение двигательным навыкам, развитие физических качеств, необходимых для ведения промысловой деятельности .....	56
Глава 3. НАРОДНЫЕ ИГРЫ, СОСТЯЗАНИЯ КАК ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА, МЕТОДЫ И ФОРМЫ ТРАДИЦИОННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ .....	69
3.1. Теория и история традиционных игр и состязаний.....	69
3.2. Детские игры .....	79
3.3. Игры-состязания.....	91
Заключение.....	150
Библиографический список.....	151

Красильников Валерий Павлович

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННОГО  
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Редактор Н. М. Юркова

Дизайн обложки Т. Турыгиной

Компьютерная верстка Н. А. Ушениной, С. Г. Фроловой,  
В. В. Дайбова

Печатается по постановлению  
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 12.09.04. Формат 60х84/16. Бумага для множ. аппаратов. Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,22. Тираж 500 экз. Заказ № 194  
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.  
Ризограф РГППУ. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.